

Валерий Чалидзе

**ИЕРАРХИЧЕСКИЙ
ЧЕЛОВЕК**

социобиологические заметки

Валерий Чалидзе

**ИЕРАРХИЧЕСКИЙ
ЧЕЛОВЕК**

социобиологические заметки

CHALIDZE PUBLICATIONS 1989

Valery Chalidze

**Human Hierarchies:
Sociobiological Notes**

**Computerized typesetting
by Gessen Book Electronics
Newton, MA, USA**

**Copyright 1989 by Valery Chalidze
Published by Chalidze Publications
Benson, Vermont 05731
USA**

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие и благодарности	5
Введение	7
Основные понятия	18
Поведение человека	37
Познавательный автоматизм и иерархичность	79
О сознании и мышлении	84
Модель и роль примитивного сознания	93
О многообразии характеров	117
Победа слабых	135
Реванш сильных	166
Наследие эволюции и право	178
Индивидуализация личности	205

ПРЕДИСЛОВИЕ И БЛАГОДАРНОСТИ

Основой этой книги послужила моя рукопись 1971 года "Размышления о человеке", в которой были сформулированы мои представления о биологической основе мотивов поведения человека и общественных отношений. Сама эта рукопись не была опубликована, но некоторые идеи, в ней высказанные, были использованы мной в книжках "Победитель коммунизма" (о Сталине) и "Будущее России", в особенности же идеи о роли иерархической борьбы в обществе.

За 20 лет размышлений о стадной природе общества и животной природе человека и бесед об этом с друзьями я не раз убеждался в силе влияния традиционной идеализации человека, в забвении людьми подчас очевидных биологических истоков мотивации поведения человека и общества и вере в исключительную роль культуры в общественных явлениях. Так что тема не устарела, но для меня было приятным сюрпризом возрождение натурфилософского подхода к культурной эволюции человека в сочинениях социобиологов, в особенности Эдварда Вилсона из Гарварда, которого я читал с удовольствием.

Однако в целом социобиологический подход остается весьма непопулярным в академических кругах. Тем более заслуживают признательности те, кто помогал мне своей критикой, принимая мои рассуждения всерьез. В первую очередь это — моя сестра Франческа, чьи взгляды на поведение человека близки к моим, и мой друг, испытанный критик Арон Каценелинбойген, внимание которого к моим философским фантазиям — всегда вдохновляюще. Дискуссии с моей женой Лисой были очень ценны, и не раз ее замечания сдерживали мою эмоциональность, направляя рассуждения в

русло более традиционной логики. Я весьма признателен моему другу Александру Вольпину, читавшему еще первый вариант рукописи, а теперь давшему много новых советов. За дискуссии я также благодарен Григорию Фрейдину, Виктору Яхоту и Павлу Литвинову.

Друзья отместили два основных недостатка этой книги, которые я не преодолел и о которых следует предупредить читателя. Прежде всего — отсутствие четких определений элементов моей модели поведения человека, в особенности же неопределенность понятия воли, играющего существенную роль в моих построениях. Попытки реагировать на эту критику, как правило, убеждали меня в том, что более четкие определения слишком сужают смысл определяемого. Я думаю, что если какие-то аспекты поведения и допускают формализованное описание, то это не исключает ценности неформального общего обозрения проблем психологии и социологии. Вообще, попытки холистического познания, я думаю, должны сопутствовать аналитическим шагам, даже если эти шаги успешны и кажутся ведущими к желанной цели.

С этим связан и второй отмеченный друзьями недостаток: неиспользование достижений математико-психологических исследований последних десятилетий. Признаю, что книга эта скорее принадлежит XIX веку по стилю мышления автора. Мало того, поскольку я был не в состоянии прочесть десятки тысяч работ нашего века по всем затрагиваемым мною проблемам, я мог ненароком повторить многое, сказанное ранее, за что приношу извинения заинтересованным лицам. Замечу в связи с этим, что продолжение информационного бума рано или поздно должно привести цивилизацию к отказу от обычая цитировать всех предшественников. Придется разделить познание и историю познания. В известной мере отход от указанного обычая уже начался в этом веке, но во многих случаях сотни литературных ссылок считаются непременно украшением ученого сочинения.

Я пользуюсь случаем высказать признательность фонду Макарура, присудившему мне в 1985 году пятилетнюю стипендию за мою деятельность в области прав человека. Неочевидно, что без этой пятилетней свободы от денежных забот я нашел бы время поработать над этой книгой.

ВВЕДЕНИЕ

Социологи не только сообщают нам факты, удовлетворяющие любопытство. Они приводят статистику, указывают доверительные границы для своих выводов, а иногда даже строят гипотезы, отчего наблюдаемое происходит именно так, а не иначе.

Это — серьезная и полезная наука, но иногда чтение социологов располагает меня к шуткам. Беда в том, что порой ученая серьезность превалирует над здравым смыслом. Точность статистических подсчетов при опросе не повысит откровенности и самопонимания опрашиваемых и не улучшит формулировку вопроса. Говоря кратко, беда социологии в том, что ей не хватает понимания собственного бессилия. Миллиарды людей на Земле движимы, наверно, миллионами мотивов поведения. Как охватать все это, как понять причины событий, причины ссор, войн, революций, убийств и самоубийств? Как предсказать все это? Опрашивать людей? Но люди редко знают мотивы своего поведения! Скажу более: один из важных парадоксов психологии в том и состоит, что люди, в основном движимые биологическими и иными бессознательными мотивами поведения, конструируют в сознании маскирующие объяснения актам своего поведения. Поэтому редко кто скажет "не знаю" на вопрос о мотивах своего поступка, несмотря на то, что сознание, быть может, не имеет ни малейшего представления об этих мотивах, но зато готово придумать произвольный, а скорее всего социально похвальный мотив, если надо ответить на подобный вопрос.

Другой путь — изучать статистику событий. Это, казалось бы, метод объективный, но самые важные события происходят лишь один раз или редко. Нет статистики большевистских революций в России. Сталин провел коллективизацию в СССР лишь один раз, и крах биржи — вещь редкая.

Социология — молодая наука и, как это свойственно подросткам, спешит казаться взрослой. Большинству наук предшествовало их длительное эмбриональное развитие в лоне философии. С социологией этого практически не произошло. Поэтому Конту следовало бы начать попытки понять человеческое общество с создания *социософии*, т.е. некоей преднауки, способной сформулировать познавательный фундамент будущей науки. Это было бы не в духе Конта, и социология смело заимствовала цели и методы зрелых наук с пользой для солидности образа своих жрецов, но, я думаю, с ущербом своему потенциалу развития. В результате успехи социологии — чисто технические, связанные с пользой социометрии или выборочным изучением общественного мнения. В некоторых случаях удается строить математические модели общественных явлений, но изрядные упрощения являются при этом слишком дорогой платой. Предсказывать серьезные события, особенно кризисные события, социология не может, и, следовательно, это — не наука в обычном смысле.

Неспособность к предсказанию хорошо видна на примере акционерной биржи. Изучение биржи — одна из наиболее хорошо финансируемых областей знания в США, поэтому экономическая социология находится в лучшем положении, чем другие области. Между тем акционерам по-прежнему приходится полагаться на разноречивых пророков, а не на ученые модели.

Не исключено, что поведение биржи и многие факты коллективного поведения людей в принципе не могут быть предсказаны, но тогда наука должна это понять, объяснить и развиваться с учетом этого принципиального бессилия, т.е. в этом случае нужно смело признать, что социология не может претендовать на то, что принято ожидать от науки в позитивистском смысле. Тогда разумно считать, что и методы социологии должны быть ближе к методам -софии, чем -логии, ибо методы мудрости иные, чем методы описательной или точной науки.

Один из методов, которые не следует пытаться заимствовать от точных наук, пока не построена познавательная база социологии, это — доказательство. Тут на самом деле имеет место не заимствование, а подмена понятий, и это в большой мере касается гуманитарных наук вообще. В этих науках доказательством часто считают наличие некоторого количества фактов, иллюстрирующих то или иное положение при отсутствии фактов, прямо противоречащих оному. Развитие такой науки состоит часто в том, что новое поколение ученых находит новые факты, эти факты опровергают ранее "доказанное" положение и таким же методом иллюстрации "доказывают" нечто новое. Напомню, что теоремы, однажды доказанные Эвклидом, и теперь являются доказанными теоремами, и обилие новых фактов в геометрии не могло поколебать их правильность просто потому, что они доказаны*. То же можно сказать о корректно поставленных воспроизводимых экспериментах, доказавших какой-то факт в экспериментальной науке. Наука может быть бессильной, но она должна быть честной. Называть получение правдоподобных выводов, подтвержденных иллюстрациями, доказательством — это нечестная подмена понятий.

Поэтому я предупреждаю тех, кто ищет таких "иллюстрированных доказательств" в социологии или психологии, что в этой книге их нет. Я стараюсь, чтобы мои выводы были правдоподобны, чтобы они с разумной степенью вероятности вытекали из каких-то общих положений, но я не выдаю это за доказательства. Если я привожу примеры, то лишь как иллюстрации. Я понимаю пользу таких иллюстраций, но они далеко не всегда обязательны, если читатель сам может себе их представить. Нетрудно видеть, что такой подход открывает путь для "ненаучных" суждений на основании одного или нескольких фактов. Но в социологии, да и в психологии это неизбежно, ибо некоторые вещи случаются редко или однажды, а о каких-то вещах известно слишком мало. Я не разделяю позитивистского взгляда, что лучше не высказывать суждения, чем судить на основании недостаточной информации. При таком моем подходе к роли и ценности

* Говоря это, я отвлекаюсь от известных (и не известных еще) трудностей логических оснований математики.

"доказательств" в гуманитарных науках разумно чаще пользоваться моделями. Вместо того чтобы говорить "это — так", предлагать модель того, как это может быть. Если модель производит правдоподобное впечатление, желающие могут пытаться подкрепить ее фактами. Такой метод дает автору больше свободы и не оскорбляет нравственного чувства читателя, жаждущего "доказательств". Я этим пользуюсь.

Если я отвергаю веру, как метод познания, и честно признаю неприменимость доказательств в неформальной науке при невозможности ставить воспроизводимые эксперименты, то я должен признать неоднозначность выводов. Доказанная теорема — это единственно правильная истина в отношении тех объектов и отношений между ними, которые она трактует, по крайней мере в простой формальной системе. Нет смысла высказываться о ней предположительно, ибо она доказана. В гуманитарных науках, напротив, выводы обычно предположительны, и надо это подчеркивать. Выводы по-настоящему не доказаны, следовательно они могут быть правдоподобными, разумными, даже привлекательными, но никак не единственно правильными, даже если некоторые из них описывают наблюдения с приемлемой точностью.

Для меня это звучит как нечто очевидное, но в истории науки слишком много примеров, когда проиллюстрированное считалось доказанным. Быть может, здесь мозг человека сталкивается с принципиальной трудностью, когда мысль не ощущается додуманной, пока нечто не принято за окончательный вывод, пока не достигнута хотя бы иллюзия единственно правильного решения. Это вполне возможно, учитывая, что лишь сравнительно недавно европейская цивилизация столкнулась с необходимостью оперировать с вероятностной логикой в науке, да и то это коснулось лишь специалистов в некоторых формальных областях. Обычное же "научное" мышление оперирует, основываясь на дихотомической логике, пренебрегая накопленным опытом здравого смысла в использовании вероятностного подхода. В этой логике — лишь истина и ложь, ничего между ними или кроме них. Вот пример разумных суждений, каждое из которых может быть верно само по себе или в комбинации с другими. Быть может, все они верны. Мой мозг не испытывает неудовлетворенности оттого, что я не могу остановиться на одном

из них. Среди людей распространен альтруизм. Как он мог закрепиться в условиях борьбы за выживание? Гипотеза родственного отбора* отвечает на этот вопрос так: вероятность выживания была больше у семей, в которых проявлялся альтруизм, т.к. родственники помогали друг другу. Поэтому гены, ответственные за альтруизм, закреплялись в потомстве.

Другой вариант ответа, по-моему правдоподобный: у всех существ, которые заботятся о потомстве, есть гены, ответственные за альтруизм, однако они влияют на поведение в основном в отношении малых детей. В каких-то условиях, особенно у стадных животных и особенно при наблюдении взаимной выгоды альтруизм может проявляться не только в отношении детей.

Третий вариант, который было бы интересно развить: альтруизм проявляется как компонента иерархического симбиоза. Доминирование развивалось вместе с альтруизмом так, что высшее иерархическое положение влечет не только преимущества, но и обязанности, в том числе обязанность защиты подчиненных (иллюстрации можно найти в литературе).

Это — три биосоциологических варианта ответа. Можно сконструировать ответы, приемлемые для тех, кто объясняет поведение людей исключительно культурными установлениями, но я предоставляю это читателю. Итак, я думаю, что именно развитие многовариантного подхода есть хороший путь для построения системы знаний, особенно в области, которая не может быть ни формальной, ни, как правило, экспериментальной. Конечно, так оно и происходит на практике — разные авторы предлагают разные варианты, но увы часто каждый автор предлагает свой вариант, как единственный символ веры для читателя. Быть может, гены альтруизма недостаточно закрепились в ученом сообществе?

Интересно, что вариантный подход в познании человека и общества может помочь пониманию многообразия этих сложных объектов. По-видимому, поиск единственно правиль-

* Kin-selection. См. об этом в трудах Hamilton'a и Wilson'a.

ных ответов часто связан с упрощением и задачи, и наших представлений об объекте. Это неизбежно в формальных и экспериментальных науках, но там возможно четко оговорить, что и как упрощается. В гуманитарных науках упрощение, а точнее обеднение объекта изучения часто происходит незаметно, просто в силу требований принятой автором исходной концепции, и я не могу гарантировать, что этого не происходит со мной. Но часто это делается в угоду групповым или идеологическим, или даже политическим соображениям — об этом позоре гуманитарных наук тоже следует помнить; впрочем, в былые времена такое бывало и в точных науках. Недавняя гарвардская история с политическими обвинениями социобиологов — пример того, что социология не свободна от этого, не говоря уже о традиционном гонении на "буржуазную" социологию в Советском союзе.

Печальным примером такого упрощения является вера в то, что все расы и этносы эволюционировали одинаково. Эта вера весьма сильна и несомненно оказывает влияние на многие науки о человеческом обществе. В области знания, где доказательства иллюстративны и размыты, даже здравый смысл подсказывает, какого рода утверждение требует более строгого, более надежного доказательства. Не только здравый смысл, но, если угодно, и соображения энтропийного характера. Разброс значений какой-то характеристики природных объектов можно принять практически без доказательств. Одинаковость требует скрупулезных доказательств. Можно не видеть дерева, чтобы утверждать, что длина его листьев различна. Но если кто-то захочет доказать противное, недостаточно будет даже тысячи листьев одинаковой длины, чтобы доказательство было убедительным.

Нельзя произвольно указать процент совпадения генов, чтобы определить одинаковость результата эволюционного развития. Как же можно утверждать одинаковость, если нет даже критерия одинаковости? Но понятно, как такой предрассудок возник. Если мы эволюционировали по-разному, то примитивное дихотомическое сознание захочет уложить все многообразие и богатство эволюционных результатов в одномерную схему, определить, кто эволюционировал больше, а кто меньше. Это будет расизм, этого мы не хотим, а поэтому давайте верить, что мы одинаковы.

Похоже, что в среднем мы эволюционировали недостаточно, чтобы понять многообразие результатов нашей эволюции.

Разговор о биологических различиях людей или рас немедленно истолковывается, как обоснование правовой дискриминации в результате, по крайней мере, двух заблуждений. Во-первых, в силу указанного сведения проблемы к одномерной схеме: разное далеко не обязательно может быть описано в терминах лучше-хуже или больше-меньше. Во-вторых, ученым приписывают больше власти, чем у них есть и должно быть. Наблюдение правового равенства — не дело ученых, это — дело законодателя и судов. Если ученые "докажут", что белым не следует играть в баскетбол, а папуасам не следует быть математиками — это никак не отразится на правовом положении тех и других в демократическом обществе, ибо общество это приняло принципы правового равенства. Я не отрицаю того, что принципы эти надо охранять и развивать, но глупо делать это посредством общественного запрещения ученым рассуждать о биологической неодинаковости людей.

Нельзя, конечно, забывать, что недемократическая система может практиковать расизм и иную дискриминацию, прикрываясь тенденциозно подобранными учеными тезисами, но ответственность при этом ложится на власти. Ученый не должен быть ответственен за то, к чему его привели наблюдения или рассуждения, если он беспристрастен и не грешит, выполняя социальный заказ.

Мы очень мало знаем об эволюции тонкой структуры мозга. Нам известна приблизительная одинаковость анатомического строения мозга у людей, но это — не основание для вывода об одинаковости тонкой структуры, об одинаковости элементов унаследованных мозговых сетей, ответственных за те или иные способности и склонности, за силу тех или иных инстинктов. Мы знаем, что люди бывают более или менее способны к определенным занятиям и непохоже, чтобы это могло быть объяснено лишь влиянием окружения. Мы разумно верим во врожденные способности, по крайней мере многие из нас верят. Но это не ограничивает и не должно ограничивать наших прав.

Я останавливаюсь на этой теме так подробно, потому что предрассудок о нашей биологической одинаковости при-

носит вред не только науке, заставляя слабых духом ученых проявлять конформизм. Презумпция одинаковости влечет веру в одинаковость методов обучения. Если эти методы обучения ведут к неодинаковому успеху у разных людей или в среднем по расе, то от этого отмахиваются ссылкой на различие культурной обстановки, дошкольного воспитания, влияния родителей и т.п. Все эти факторы могут быть значимы, но неразумно отказываться от более глубокого анализа возможных биологических причин, обусловленных различиями тонкой структуры мозга.

Вот пример такого вреда. Чукчи в СССР часто живут в отдалении от школьных центров, поэтому многие чукотские дети воспитываются в интернатах. Случается весьма часто, что при первоначальной проверке умственных способностей этих детей они не удовлетворяют тем требованиям, которые сформулированы унифицированно на основе европейских стандартов мышления. Тогда их помещают в интернаты для дефективных детей. Случается, что такой "дефективный" чукотский ребенок бежит из этого интерната и находит жилье родителей в тундре иногда за сотни километров!* Спрашивается, что с большей вероятностью ведет к расизму: унифицированные требования и презумпция одинаковости или признание возможных различий и самобытности людей разных рас?

Белая цивилизация давно грешна культурным империализмом. В прошлые века в Европе и Северной Америке и в Германии 30-х годов грех этот проявлялся явно в объявлении неполноценной любой культуры, отличной от западноевропейской. То же наблюдалось без громкого провозглашения в поведении советских властей в отношении сибирских и северных народов, а также казахов: образ жизни этих народов был более или менее насильственно изменен на "более культурный". В теперешней проповеди биологической одинаковости мозга у разных людей и рас я вижу проявление того же культурного империализма, проявление, если угодно, расового высокомерия, снисходительности к культурам иных рас. Напротив, честное и непредвзятое изучение возможных

* Личное сообщение Сергея Ковалева.

биологических различий мозга разных людей и рас я могу оценить как достойный ученого путь к тому, чтобы накопить знания о возможности создания более индивидуализированных методов обучения.

Вполне возможно, что умственные возможности любой расы и почти любого человека могут быть развиты много более, чем это достигается теперь с помощью унифицированных методов обучения. Людям свойственно стремиться к усовершенствованию в том, в чем они могут быть наиболее успешны. Пока что этот выбор делается эмпирически, точнее, наугад. Психология в большинстве случаев не в силах заранее, с юности, указать человеку, в чем его может ждать успех. Если окажется, что какие-то биологические качества рас или отдельных людей позволят с некоторой вероятностью научно предсказывать жизненный успех людей в определенных областях деятельности — это будет благословением, и многие смогут полнее развивать свои природные способности. Конечно, при этом надо будет следить, чтобы такие ученые рекомендации не использовались правительствами или работодателями для дискриминации, но, повторяю, это дело общества в целом, а не ученых как таковых.

Приятно отметить, что в Америке некоторые ученые уже обратили внимание на необходимость плюралистического подхода к тестированию интеллекта. Но не слишком вероятно, что этот подход быстро станет общепризнанным, пока что метод измерения IQ еще весьма распространен и, возможно, еще многие неординарно талантливые подростки будут оскорблены и принижены результатами применения этого метода. Впрочем, даже применение плюралистического подхода к измерению интеллекта в школах может быть социально вредно, ибо предполагает, что задача школы — воспитывать интеллект, между тем, у школы должна быть более важная задача: содействие воспитанию сознательной воли и раскрытие полезных обществу индивидуальных возможностей, которыми обладает ученик, независимо от того, насколько интеллектуальны эти возможности. Что касается общественной шкалы ценностей, представлений о престижности тех или иных способностей, то они есть и будут, так что изучение биологических преимуществ отдельных людей и рас в этом ничего не изменит. Впрочем, независимо от

любой иерархии профессий, успех ценится выше простой принадлежности к престижной профессии. Общество и без ученых объяснений понимает, что лучше быть успешным фермером, чем плохим юристом. Я думаю, что если в будущем на основании серьезных научных данных для каждой расы и для каждого психологического типа внутри расы будет составлен список рекомендуемых профессий, то от этого будет большая польза. Те, кто этому списку поверят, смогут избрать профессию с большим ожиданием успеха. У иных будет спортивный интерес достичь успеха в nereкомендованных профессиях, и этот интерес увеличит их шансы, подобно тому, как теперь женщины достигают успеха в традиционно не рекомендованных для них профессиях.

Другая область, в которой культурный империализм скорее всего уже привел к трудно поправимым последствиям, — это экономика стран третьего мира. Ни Африка, ни Латинская Америка пока что не произвели японского чуда, между тем, судя по инвестициям Запада в странах этих регионов, такие чудеса ожидалось. Попытки и в дальнейшем провоцировать развитие экономики этих стран по западным образцам скорее всего приведет к новым раундам прощения долгов этих стран, не говоря уже о риске в области социальных отношений и экологии.

Подчеркну в заключение, что упрощение объекта — распространенный обычай, независимо от наличия ненаучных мотивов. По-видимому, и в психологии, и в социологии есть тенденция сведения сложного к простому. В известной мере такое стремление характерно для любой науки, хотя это не всегда в явной форме признается. Ученый пытается проследить причинные зависимости и свести много разных явлений к одной или нескольким причинам, установить простые законы, управляющие сложными процессами; классическая механика является в этом смысле образцом так понятого процесса познания. Неочевидно, что этому образцу всегда можно следовать. В основе сложного может быть нечто более сложное, и нахождение этой основы — тоже предмет науки. В частности, в отношении поведения живого существа нужно помнить, что природой, по-видимому, заложено гораздо большее многообразие возможностей, чем успевает проявить-

ся в течение жизни большинства высших животных. Можно пытаться выделять особо существенные черты этого многообразия, но вряд ли философски оправдано считать эти черты, если их удастся выделить, чем-то столь же исчерпывающим, как законы механики. Мне это специально приходится подчеркивать, ибо мой подход с выделением многих биологических факторов, лежащих в основе поведения может навести читателя на подозрение, что я пытаюсь "механизировать", упростить человека. Думаю, что мои рассуждения о многообразии возможностей поведения показывают, что это не так. (В известном смысле религиозный подход отличен от научного именно готовностью сводить сложное к более сложному, ибо Бог предполагается неизмеримо более сложным, чем его творения.)

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ

Воля

Речь в этой книге — о человеческих иерархиях и их роли в жизни человека и общества. Возникает сразу вопрос: иерархиях чего, иерархиях по какому признаку. Из обсуждений моих будет видно, что признаков этих очень много, люди способны создавать иерархические структуры или признавать существование таких структур в зависимости от обладания разнообразными качествами или комбинациями качеств. Каждый может заметить, что обладание редкой вещью или изрядной силой, наличие солидного счета в банке или красивая жена влияют на то, как окружающие воспринимают человека, влияют на положение этого человека в обществе. (Само понятие положения в обществе — это уже признание наличия иерархии.)

Многообразие иерархических признаков характеризуется интересными свойствами. Это — признаки упорядочения множества, т.е. для того чтобы быть иерархическим признаком, качество должно быть значимо для элементов этого множества, т.е. в данном случае для людей сообщества. В теории чисел можно строить множества чисел, упорядоченные по разным признакам, но количество чернил, потребное для написания разных чисел будет, очевидно, признаком нерелевантным, не значимым для построения иерархии чисел, по крайней мере в пределах, очерченных интересами самой теории чисел. Точно так же значимость тех или иных качеств среди людей не абсолютна и зависит от жизненных

условий и общественных соглашений. Так, для большинства сообществ людей обладание не слишком редкой морской раковиной не будет иерархически значимым, но ситуация может быть иной, если такие раковины используются в данном сообществе в качестве обменной ценности.

Важно также, чтобы качество было присуще элементам множества в разной мере. То, что есть у всех в одинаковой мере, не может служить упорядочению, как, например, невозможно построить иерархию людей по признаку наличия головы. Между тем, если в сообществе считается позорной казнь через отсечение головы, то в иерархии трупов наличие неотсеченной головы будет значимым качеством.

Поскольку речь идет об упорядочении множества, иерархический признак, вообще говоря, должен быть значим, по крайней мере, для двух человек, хотя возможен случай вырожденной иерархии, когда человек сам придумывает для себя иерархические признаки и сам стремится к обладанию ими, независимо от того, признаны ли эти признаки сообществом.

Конструирование новых иерархических признаков, не только в вырожденной, но и в обычных иерархиях — весьма распространено и, вообще говоря, связано с поиском людьми новых ценностей и новых путей поведения.

Таким образом, иерархические признаки в современном человеческом обществе характеризуются по меньшей мере следующим:

многообразием,
значимостью для некоторого числа людей,
присутствием признака у разных людей, вообще говоря,
в разной мере,
возможностью конструирования новых признаков.

При этом многообразии и возможности конструирования новых признаков разумно пытаться предложить какую-то классификацию, чтобы иметь возможность оценивать значимость возможных иерархических признаков, а также значимость создаваемых по этим признакам иерархий. Можно изучать признаки по их роли в разных сообществах. Например, можно составить длинный список наблюдаемых иерархических признаков, подсчитать их распространенность

и установить, скажем, методом опроса, значимость разных признаков в разных сообществах. Этим путем, я думаю, и пошли бы традиционные социологи, если бы они заинтересовались изучением присущего человеческому обществу неравенства. (В отношении некоторых признаков, традиционная социология так и поступает, изучая, например, имущественное неравенство. Но я не вижу понимания важности изучения всего многообразия иерархических признаков в обществе, а также изучения того, как само общество принимает иерархические решения, а вовсе не обязательно "высшие классы", которые по мнению многих ученых ответственны за установление неравенства в обществе.)

Но можно выбрать иной путь: вернуться к истокам иерархических различий в обществе и посмотреть, каким было неравенство изначально, как и почему люди делали неравенство более разнообразным, как они умножали иерархические признаки. Тогда увидим, что неравенство и отбор по определенным признакам были характерны еще для предков человека, увидим, что именно варварская и жестокая иерархическая борьба привела к рождению цивилизации, а затем и к гуманизации этой цивилизации в некоторых сообществах, увидим, что доброта и мягкость нравов тех, кто сегодня отрицает роль жестокой борьбы в обществе, порождена самой этой борьбой.

Как далеко надо вернуться назад нашим мысленным взором, чтобы увидеть начало различий, начало иерархий? Можно наблюдать поведение обезьян или любых стадных млекопитающих, а можно говорить и о чертах поведения, предшествовавших стадному. В любом случае увидим, что дарвиновский отбор по способности к выживанию играл существенную роль. Но способность к выживанию — это интегральная характеристика, зависящая не только от поведения особи, но и от свойств, непосредственно с поведением не связанных, например, от способности приспособиться к изменениям климата. Если отвлечся от таких непедагогических характеристик, то можно характеризовать особь *объемом воли*, именно физической силой, готовностью эту силу применять и умением эту силу применять, а также врожденным или приобретенным знанием того, в каких случаях эту силу применять. Как видим, объем воли — это

уже интегральная характеристика, так что нельзя сказать, что я предлагаю единственный первичный признак, характеризующий построение первых иерархий в сообществах животных*. Но единственного первичного признака, по-видимому, и не было. Сила несомненно важна в соперничестве, но сочетание силы и медлительности может быть проигрышным, равно как и сочетание силы с другими невыгодными качествами.

Я, пожалуй, был бы в затруднении, если бы пытался найти универсальный язык для описания иерархий и пытался построить единственно правильную концепцию. Но я размышляю над предметом в духе многовариантности представления явлений. Я выбираю свой язык, не сомневаясь, что возможно представление тех же мыслей другим языком, при этом неочевидно, что один язык будет лучше другого. Я не пытаюсь дать здесь новый вариант психологии, мне просто нужна модель поведения человека, сформулированная в терминах моего языка, ибо этот язык удобен для описания общественных явлений.

Автоматизм воли

Любые проявления человека, контролируемые его мозгом, я называю проявлением его воли. Я не могу дать короткое определение. Если угодно, эта книга — попытка определения воли человека, и ее роли в обществе. Говоря о воле предков человека я связал ее определение с физической силой и свойствами применения этой силы. По мере усложнения поведения человека усложнялись и проявления воли, так что теперь об объеме воле уже нельзя судить лишь по способности к применению силы. Именно это многообразие проявлений я и обсуждаю здесь. Важно отметить отличие моего понимания воли от того, что принято в бытовом слово-

* Как будет видно из дальнейшего, в понятие объема воли я включил не только саму волю и активность ее проявления, но и информационный суррогат воли — знание того, когда и как ее проявлять. В этом смысле мой первичный иерархический признак является интегральным.

употреблении. Выражения "сила воли" и "волевой" обычно характеризуют свойства сознательной воли, которая обсуждается ниже. Между тем в таких выражениях, как "воля к власти", "воля к свободе" смысл слова "воля" близок к моему, ибо эти выражения имеют в виду необязательно осознанные мотивы того, на достижение чего направлена воля. Физиологическая природа воли и способы ее генерации не занимают меня в этой книге: мыслимы любые гипотезы об этом.

Принцип локальности воли. Похоже, что воля — это именно то, что позволяет человеку ощущать тело как свое собственное. Действительно, например, в комфортной ситуации (при отсутствии внешних раздражителей), расслабив мышцы руки, можно ощутить состояние, когда рука как бы отсутствует. Лишь проявляя волю посредством руки, направляя волю в мышцы руки, человек ощущает руку как принадлежащую ему, как часть или проявление "я". Именно такой или подобный ему эксперимент, быть может, породил известную концепцию дуализма духа и тела, если только эта концепция родилась после того, как сознательная воля научилась вполне контролировать движения частей тела.

Однако отделить часть тела от воли возможно, как правило, не всегда: ряд проявлений воли обычно автономен от наших возможностей сознательного отключения, скажем, возбуждение воли ощущать тепло или звуки, проявления воли автономных органов (сердца, гениталий и т.п.). Констатация этой автономности, по-видимому, не обусловлена ни научными познаниями, ни наличием развитого сознания. Я склонен считать, что самопознание на таком уровне доступно многим животным. Это наблюдение автономности воли частей организма привело наших предков к принципу *локальности воли*: любому органу (руководимому сознанием или нет) приписывалась своя воля, что допускало установление с этими локальными волями отношений, подобных отношениям с волями вне собственного организма (подчинение, возбуждение внимания и оценка, страх и др.). Очевидно, что для большинства локальных волей организма такое восприятие возможно лишь при отсутствии или несовершенстве сознательного регулирования потоков воли. Я буду обсуждать это подробнее, когда речь пойдет о модели примитивного сознания.

Автоматизмы и инстинкты. Эта легко диагностируемая автономность пространственно разделенных воле организма не исчерпывает автономности волепроявлений нашего "я". Известно много типов независимых от сознания проявлений человека: инстинкт, навык, условный и безусловный рефлекс, реакция и т.п. Я говорю обо всем этом как об *автоматизмах воли* или *инстинктах*; меня интересует здесь лишь факт независимости от сознания, а не биологический и эволюционный уровень механизмов, ответственных за эти проявления. При этом автоматизм означает любые независимые от сознания проявления, включая приобретенные обучением, а инстинкт — лишь генетически запрограммированные.

Говоря о человеке, лучше употреблять термин "автоматизм", ибо воспитание и подражание дополняет природой данные инстинкты большим количеством программ, которым мозг следует, подобно тому, как он следует инстинктам. Тут важно то, что мозг следует этим программам независимо от сознательной воли, когда она не вмешивается специально.

Характер. В простейшем случае можно считать, что индивидуум, обладая некоторым (пополняемым) запасом воли, проявляет ее по путям, определенным природой (удовлетворяет инстинкты) во взаимодействии со средой и другими волями, обеспечивая устойчивое состояние организма (гомеостаз) и участвуя в обеспечении устойчивого состояния и развития популяции. При этом различные автоматизмы требуют различной активности волепроявлений, причем по-разному у каждого индивидуума. Можно говорить о *характере* индивидуума, т.е. о *значимости автоматизмов в индивидуальном комплексе*, имея в виду как врожденное распределение активности проявления воли по разным путям, так и изменения в этом распределении в результате обучения. Таким образом, характер — это набор чисел, показывающих относительную значимость каждого автоматизма, если угодно, показывающих предписанные природой и, отчасти, воспитанием пропорции расхода воли по разным путям волепроявления.

Среда предъявляет свои требования к активности волепроявлений по разным путям, так что можно говорить об

оптимальности соответствия характера условиям среды. Это — важный фактор выживания, ибо склонность проявлять волю по какой-то одной группе путей может, естественно, привести к недостаточной активности в проявлениях по тем путям, по которым в данный момент, в данных условиях волю следует проявить для того, чтобы выжить.

Проявление автоматизмов характеризуется возбуждением, объемом проявленной воли и удовлетворением. Начиная с возбуждения, весь процесс удовлетворения автоматизма, необязательно успешный, составляет элемент или элементы *поведения*; в простейшем случае удовлетворение является *целью поведения*, но возможны и более сложные комбинации, например, когда целью поведения является лишь возбуждение или промежуточные стадии на пути к удовлетворению.

Взаимодействие автоматизмов. Следует помнить, что возбуждение внешними факторами не исчерпывает причин волепроявлений: индивидуум обладает *инстинктом проявления воли*. Это значит, что при отсутствии внешних раздражителей воля будет проявляться благодаря внутренним возбуждающим факторам, в частности, направляться на поиск внешних возбуждающих факторов. Если возбуждающих факторов или возможностей недостаточно для удовлетворения автоматизма в характерной для индивидуума пропорции затрат воли, наблюдается взаимодействие автоматизмов: замещение, при котором возбуждение и удовлетворение одного автоматизма устраняет волю к поиску и удовлетворению другого; сопряжение, при котором возбуждение различных автоматизмов усиливают друг друга (возмещая неполноценность возбуждений или затрат воли на удовлетворение отдельных автоматизмов). Такое взаимодействие и последовательное сопряжение, когда удовлетворение или возбуждение одного автоматизма обуславливает возбуждение другого, — часто также автоматически и допускает усложнения вплоть до комплексных сопряжений и замещений первичных автоматизмов. Такое взаимодействие является также реакцией индивидуума на усложнение воздействия среды или результатом неадекватности пропорций значимости автоматизмов индивидуума (характера) условиям среды.

Сознательная воля. Способность индивидуума осознанно воздействовать на проявление и взаимодействие автоматизмов так, что становится в принципе возможной неоднозначная реакция на возбуждающие факторы, я называю проявлением сознательной воли. (Как я уже говорил, именно в смысле сознательной воли термин "воля" чаще применяется в быту.)

Конечно, неоднозначность лишь предполагается. По-видимому, нет критериев для ее установления и, по-видимому, невозможно путем рассуждений или на основе экспериментов прийти к выводу о предпочтительности концепции предопределенности (божественной или, скажем, классического детерминизма) или концепции свободы воли. Для ощущения неоднозначности реакции и свободы воли индивидууму достаточно полагать, что он мог бы лишь по "собственной" инициативе поступить иначе. При этом меня не интересует локализация физиологического или психического механизма, обуславливающего такую неоднозначность реакции.

Способность к неоднозначной реакции не следует связывать лишь осознанной способностью к этому. По-видимому, следует учитывать возможность того, что мозг способен к неоднозначным реакциям, т.е к творческой деятельности независимо от наличия сознания.

Вмешательство сознательной воли обеспечивает возможность поиска возбуждающих факторов и конструирования комплексов сопряжений и замещений автоматизмов. "Данный природой" комплекс путей проявления воли дополняется новыми, конструируемыми индивидуумом.

Для иллюстрации используемой терминологии замечу, что при проявлении воли, удовлетворяющем автоматизмы, о состоянии индивидуума и об удовлетворенном состоянии говорят как об удовольствии, наслаждении, удовлетворении. Невозможность проявления воли при возбуждении автоматизмов означает страдание, огорчение, удрученное состояние. Эти состояния можно рассматривать как результат действия обратной связи мозга с его проявлениями. Нетрудно видеть, что описываемая модель достаточно традиционна. В других терминах можно говорить об инстинктах, как о врожденных программах поведения, причем для существ, вовсе не способных к обучению, этим дело и ограничится. При этом я

утверждаю, что начиная с какого-то этапа эволюции каждая программа, т.е. каждый путь проявления воли приблизительно характеризуется врожденным весом, определяющим, какую часть общего объема воли следует расходовать по данному пути, т.е. особи имеют разный *характер*. Это важный момент. Благодаря различию предписанного расхода воли по разным путям проявления, существа, наделенные одинаковым набором программ, отличаются друг от друга, и это увеличивает выживаемость вида, т.к. изменение условий среды может требовать разного расхода воли по тем или иным путям проявления воли.

Можно назвать этот уровень эволюции поведения начальным, имея в виду отсутствие способности к обучению, т.е. способности конструировать новые программы. При этом неважно, сколько врожденных программ имеет существо, так что теоретически можно представить себе весьма сложные типы поведения на этом начальном уровне эволюции поведения.

Отмечу три важных стадии возможного развития этого начального уровня. 1. Наличие только пакета программ без определенных весов активности проявления воли. 2. Наличие у каждой особи *характера*, т.е. набора весов активности проявлений воли по разным программам. 3. Наличие инстинкта проявления воли, что означает некоторую независимость поведения от наличия внешних стимулов, т.е. способность к поиску этих стимулов. Это теоретически сконструированные уровни, я не знаю, можно ли их выделить среди живущих существ. Не знаю также, предшествует ли эволюционно второй уровень третьему, ибо можно себе представить одновременное появление этих свойств.

На следующих этапах эволюции сложности поведения наблюдается способность к обучению, причем в простейшем случае это может быть лишь пополнение пакета первичных программ, а затем создание комбинаций из существующих программ, т.е. способность к сопряжению и замещению автоматизмов. С развитием способности к обучению наблюдается составление принципиально новых программ поведения, причем следует различать способность к восприятию обучения извне и способность к самообучению. Можно продолжить этот список уровней эволюции поведения, представляя себе

существа, наделенные способностью создавать программы по составлению новых программ, а затем программы по составлению программ по составлению программ и т.д. Мы, однако, не знаем, на каком уровне остановиться. Теоретически этот процесс не связан с наличием сознания. Сознание лишь дает нам некоторую возможность наблюдать, что делает мозг, но сознание само по себе не обязательно ответственно за уровень программного обеспечения мозга. Впрочем, здесь следует оговориться, что это утверждение скорее основано на вере, на изначальной моей концепции о том, что сознание играет гораздо меньшую роль в поведении человека, чем это принято считать.

Взаимодействия с другими волями

Первобытное (и во многих случаях современное) поведение в отношениях с любыми экологическими объектами и факторами, по-видимому, исходит из *принципа волевого детерминизма*. Я не употребляю привычный термин *анимизм*, ибо под анимизмом обычно подразумевают первобытную религию и философию, подразумевают объяснения первобытными людьми различных явлений природы. Я же утверждаю, что это — принцип поведения любой воли в отношении с любыми объектами среды, принцип, действовавший в эволюции жизненных форм задолго до того, как появились существа, пытавшиеся что-то объяснить. Разумность такого утверждения легко себе представить, принимая во внимание первоочередную задачу воли — выжить. Весьма естественно представить себе, что познание мира любым существом, способным к достаточно сложной реакции на среду, должно было начаться именно с презумпции волевого детерминизма, с того, чтобы все в мире воспринимать как воли, потенциально враждебные, и лишь после экспериментальной оценки разных групп этих волей, адаптироваться к присутствию некоторых из них, как неопасных. Этот принцип унаследован человеком, благодаря чему мы о нем узнали. Как видим, этот принцип сыграл весьма интересную роль в развитии культуры, положив начало многим религиозным и философским системам.

Живым существам, камням и деревьям, атмосферным явлениям и физическим процессам приписывалась воля, свойства которой человек познавал, основываясь на наблюдении ее проявлений, на опыте взаимодействия с ней и пользуясь аналогией с собственной волей.

Оценка. При взаимодействии с любой волей главным является вопрос о ее силе, о степени ее опасности в сравнении с волей данного индивидуума. Проявление воли для разрешения этого вопроса обеспечивает *автоматизм оценки* (внимание, поиск признаков, характеризующих волю, диагностика этих признаков с помощью уже известного индивидууму множества символов — *языка воли*, оценочный вывод, определяющий характер взаимодействия со встречной волей).

Принцип волевого детерминизма, по-видимому, обуславливает необходимость поддержания автоматизма оценки всегда в некотором возбуждении; оценке подлежит все, что встречается индивидууму: предметы и живые существа, пространство и темнота, звуки и т.п. При этом автоматизм оценки с легкостью удовлетворяется при встрече знакомых объектов. Если для оценки важна также диагностика *волевого состояния* знакомого объекта, т.е. диагностики того, какие автоматизмы встреченной воли удовлетворены, а какие нет, анализ более сложен, однако процесс волевой оценки облегчен существованием *языка воли* — символов, более или менее однозначно сопутствующих различным признакам состояния встречной воли. Таковы стандарты поведения живых существ, мимика, звуки.*

Возможность удовлетворения автоматизма оценки обеспечивается обучением языку воли. В тех случаях, когда язык встречной воли незнаком, действует *принцип максимальной оценки незнакомой воли*: не требуется предварительного знания, чтобы испугаться впервые встреченного огня, глубины пространства, непонятных звуков, незнакомых существ,

* Иногда вера в однозначность может подвести. В природе много примеров обманных приемов — использования слабой волей символов, характеризующих сильную волю, мимикрия, обманные движения. Людьями обманные приемы доведены до совершенства, что, конечно, требует изрядной тренировки способностей к оценке воли.

непонятного поведения. При этом после предохранительного испуга процесс может продолжаться изысканием оценочных символов.

Автоматизм оценки находится в последовательном сопряжении с рядом автоматизмов воли, определяющих взаимодействие индивидуума со встречной волей. В зависимости от оценочного вывода возбуждается тот или иной автоматизм взаимодействия. Так, встреча с более сильной волей, недоступной для соперничества, влечет различные проявления, отчасти зависящие от знания этого типа воли (страх, замирание и каталепсию, бегство, реликтовые защитные реакции — рвоту и дефекацию и пр.). Весьма разнообразны проявления *автоматизма соперничества*, возбуждающегося при встрече со сравнимой волей. Соперничество является средством разрешения конфликтов воле в тех случаях, когда достижение цели одним индивидуумом исключает достижение той же цели другим индивидуумом. Часто соперничество является продолжением процесса оценки и может быть прекращено по достижении оценочного вывода. Весьма распространен отказ от соперничества. Реакцией на более слабую волю является безразличие или преодоление (покорение), если эта воля затрудняет достижение целей.

Наблюдаемое в природе участие индивидуума в обеспечении устойчивого состояния популяции определяет специфику волевого взаимодействия с членом сообщества. По отношению к воле члена сообщества (группы, стада) более сильная воля проявляет большее многообразие реакций, нежели только покорение или безразличие. Именно, существует *автоматизм доброты*, возбуждаемый в индивидууме встречей со слабыми волями, в особенности с детьми, и существует *автоматизм корпоративности*, обеспечивающий возможность "сложения воле" (совместных действий для удовлетворения автоматизмов). Поэтому в стаде реакцией на несравнимо сильную волю является не только страх и совершение действий, подчеркивающих отказ от соперничества, но и *автоматизм покорности*, попытки возбуждения у сильного автоматизмов доброты и корпоративности. Интересно, что среди людей очень слабый защищен от опасного для себя соперничества с сильной волей, даже если ошибется в оценке и будет возбуждать в сильном автоматизм соперничества — в

этом случае у сильного может возбуждаться *автоматизм смеха*: смех является разрядкой воли, мешающей сконцентрировать волю для соперничества.* Ныне смех стал распространенной реакцией на ситуацию с волевыми контрастами.

Реакцией на сравнимую волю является соперничество, отказ от соперничества, а также возбуждение и удовлетворение автоматизма корпоративности. Отмечу здесь же реликтовый *автоматизм поиска телесного тепла* (сопряжение автоматизмов корпоративности и термостабильности); хотя для обеспечения гомеостаза этот автоматизм почти утратил свое былое значение, он может быть достаточно сильно представлен в комплексе автоматизмов человека.

Индивидуумы в сообществе, как правило, взаимодействуют, экономно расходуя энергию на соперничество (т.е. вступают в борьбу только в случае встречи вполне сравнимых волей или при необходимости исправить оценочную ошибку более слабой волей)**. Это обеспечивается проявлением автоматизма оценки, позволяющего каждому индивидууму определить иерархию волей в сообществе и свое место в этой иерархии посредством последовательных сравнений своей воли с волями других индивидуумов (т.е. установить *множество иерархических отношений*).

* Н. А. Монахов считает смех механизмом, препятствующим уничтожению себе подобных, когда победа в борьбе уже достигнута. ("Страсти по Тейяру. Очерки о врожденных психологических факторах общественного поведения человека." Не опубликовано.)

** Принцип экономии весьма характерен для проявлений воли вообще. Можно даже говорить о разновидности принципа наименьшего действия в поведении животных. Известно, например, что в Средней Азии в старину оросительные каналы прокладывали по следу верблюда, ибо на рельефной местности верблюд выбирает путь весьма близкий к горизонтали, расходуя энергию экономно (личное сообщение Франчески Чалидзе).

Автоматизм увеличения объема воли

Индивидуум побуждается к соперничеству не только возможным *противоречием* с другой волей в достижении целей, но и *автоматизмом увеличения объема воли*, другими словами — иерархическим инстинктом, т.е. стремлением изменить в свою пользу иерархическое отношение, в котором данный индивидуум характеризуется меньшим объемом воли. Автоматизм увеличения воли проявляется в накоплении числа покоренных волей, в соперничестве, в поиске новых путей проявления воли, в накоплении различных заменителей (суррогатов) воли. Сопряжение автоматизмов проявления воли и увеличения объема воли статистически характеризуется действием *принципа экономии и критерия целесообразности*. Принцип экономии отражает стремление индивидуума достигать целей с минимальной затратой воли, в том числе заботиться о сохранении уже достигнутого объема воли и не допустить волевых утрат. Впрочем принцип экономии воли может нарушаться стремлением к максимальному удовольствию от волепроявления в тех случаях, когда мера удовольствия растет с затратами воли. Критерий целесообразности отражает оценку соответствия степени и ценности удовлетворения и затраченной на это воли. Подчеркну, что речь идет лишь о статистической оценке. Ошибки в оценках своих возможностей весьма часты у людей, и целесообразность актов поведения далеко не всегда неоспорима.

Простейший путь увеличения объема воли состоит в накоплении числа покоренных волей с учетом принципа волевого детерминизма. В этом, в частности, состоит увеличение объема воли ребенка, который постепенно научается обращаться с различными предметами, руководить движением своих членов. Этому процессу способствует тренировка проявления воли по "природой данным" путям и, благодаря *познавательному автоматизму*, поиск новых путей проявления воли. В простейших проявлениях познавательный автоматизм — это автоматизм оценки, однако, его развитие, особенно у человека, приводит к тому, что индивидуум способен моделировать еще не испытанные ситуации с учетом взаимодействия многих волей.

Поиск путей проявления воли означает конструирование взаимодействия автоматизмов, что я назвал проявлением сознательной воли. Накопление информации о путях проявления воли дает возможность их отбора по выгодности, т.е. возможность удовлетворения автоматизмов с меньшими затратами воли (если это не противоречит максимизации удовольствия), что, в частности, приводит к пересмотру ранее определенных иерархических отношений и, следовательно, может приводить к изменению положения индивидуума в иерархии воли. Таким образом, несмотря на сохранение прежнего объема *собственно воли*, накопление информации о путях проявления увеличивает *эффективный объем воли*: эта накопленная информация является заместелем воли — *информационным суррогатом воли*.

Полезно выделить *дисциплинарный суррогат воли*, состоящий из накопленных мозгом программ поведения, ограничивающих или упрощающих проявления автоматизмов. Этот суррогат можно было бы рассматривать как часть информационного, но выделение его обосновано тем, что эти программы поведения, построенные на основании усвоенной информации о нормах поведения в обществе, стали, можно сказать, приобретенными автоматизмами воли. Цивилизованный человек, когда видит товары, разложенные на прилавке, не обращается каждый раз к накопленной ранее информации, чтобы решить задачу, украсть или не украсть. Благодаря усвоенной ранее норме поведения эта задача просто не встает перед ним, то есть он действует автоматически. Объем и характер накопленного дисциплинарного суррогата является важным иерархическим признаком в обществе.

На ранних этапах эволюции человека (а еще раньше у некоторых животных) был найден другой способ увеличения эффективного объема воли: накопление *материального суррогата воли*. Любые материальные предметы (пищевые припасы, инструменты, приспособления для удовлетворения различных автоматизмов), которые употребляются для уменьшения затрат воли на удовлетворение автоматизмов или как обменная ценность, представляют собой материальный суррогат воли и характеризуются волевыми затратами на их изготовление или поиск и тем, какую экономию воли

приносит или может принести их использование. Ценность этого суррогата, конечно, зависит в каждом случае и от редкости его, и от ограниченности ресурсов, потребных для его изготовления. Но — это уже область, относящаяся к экономике.

Защита своей территории была, по-видимому, одним из первых проявлений чувства собственности у животных и напрашивается предположение, что чувство собственности у людей возникло вследствие развития мозговых структур, которые раньше были ответственны за проявления, связанные с территориальным инстинктом (быть может, также и с инстинктом защиты своей или групповой добычи). Можно выделить *территориальный суррогат* как самостоятельный, но не будет большой беды, если рассматривать его, как часть материального суррогата.

Я могу также говорить об энергетическом суррогате воли (накопление энергии с помощью информационного и материального суррогатов с возможностью ее использования) — этот суррогат, получивший особое распространение в последние века, представлен различными средствами накопления и использования энергии. Однако для простоты классификации разумно считать этот суррогат также частью материального.

В обществе весьма важен также *волевой суррогат воли*, т.е. возможность использования чужой воли. Это может быть воля раба или подчиненного члена сообщества, а также воля лица, готового к сотрудничеству, включая друзей, родственников (можно также включить сюда использование воли животного, если обладание животными не связывать с материальным суррогатом). Для политика — это, например, воля тех, кто голосует за него на выборах. Из этих примеров видно, что обладание волевым суррогатом воли в каждом случае характеризуется *долей владения*: от почти полного владения в случае животного или раба до весьма малой доли владения в случае избирателей. Владение волевым суррогатом на основе взаимопомощи характеризуется также тем, что владеющее этим суррогатом лицо само является волевым суррогатом партнера, причем соотношение долей взаимного владения обычно зависит от соотношения иерархического положения партнеров.

Вряд ли разумно объединять с волевым суррогатом возможность сотрудничества с гипотетическими волями, существование которых диктуется презумпцией волевого детерминизма, о котором я говорил. Развитие религий сопровождалось тем, что человек входил в разнообразные по характеру отношения с духами, богами и прочими потусторонними силами, причем во многих случаях это предполагало взаимное сотрудничество, вера в возможность которого весьма влияет на поведение человека. По аналогии с принятым у антропологов термином "магическое пространство" я назову этот гипотетический волевой суррогат *магическим суррогатом*.

Полноты ради отмечу еще один вид заменителей воли, накоплением которого человек, по-видимому, доселе не может руководить. Я говорю о накоплении генетического суррогата воли, т.е. о накоплении в популяции генетических изменений, обуславливающих эволюцию и отражающих совершенствование адаптации популяции в экологической системе и, следовательно, влекущих увеличение общего объема воли популяции. Речь здесь идет о суррогате, владельцем которого может быть именно популяция, в то время как в предыдущих определениях речь шла о ценностях, которыми могут владеть и отдельный человек, и группа, и популяция. Впрочем "генетическое совершенство", например красота, врожденные способности, несомненно влияют на иерархическое положение человека.

Таким образом, эффективный объем воли человека и сообщества (буду говорить просто "*объем воли*") характеризуется как объемом собственно воли, так и объемом накопленных суррогатов, что и учитывается при определении иерархических отношений. Наибольшее практическое значение при определении этих отношений имеют материальный, дисциплинарный, волевой и информационный суррогаты. В иерархическом самочувствии многих людей по-прежнему важен магический суррогат. В соперничестве популяций генетический суррогат несомненно играл существенную роль; не исключено, что он не пренебрежим и ныне, но изучение его роли не поощряется стыдливой наукой, превратно понявшей смысл идеалов равенства.

Есть известная мера условности в том, как я здесь классифицировал суррогаты воли, но это не имеет принципиального значения. В приложениях, если понадобится, можно выделять подклассы суррогатов.

Автоматизм увеличения воли проявляется, в частности, как стремление возвышения в иерархии. Многое в поведении человека свидетельствует именно об этом стремлении, причем постоянно возбужденный автоматизм оценки контролирует положение индивидуума в иерархии, наблюдая поведение соседей по иерархии (их отношение к индивидууму, их поступки, свойства их воли). Мнение соседей по иерархии является часто основным *критерием для определения иерархического положения*, хотя обилие суррогатов может быть независимым критерием. В оценке иерархического положения человека (и соответствия занятому положению) учитывается и то, что для разных слоев иерархии характерны свои пути проявления воли и свои особенности языка воли.

Говоря о единой иерархии в сообществе, я имею в виду далекие времена, когда главным иерархическим признаком был объем собственно воли. Развитие человечества сопровождалось дроблением этой основной иерархии, распадением на множество самостоятельных иерархий, каждой со своими доминирующими параметрами и часто со своим языком воли. В качестве доминирующих параметров основных иерархий известны: количество накопленных суррогатов (дисциплинарного, материального, волевого, информационного), сексуальная привлекательность и др. Внутри слоев эти иерархии образуют новые, так что можно говорить об иерархии иерархий. Примером дробления иерархии может служить многочисленность самостоятельных иерархий с доминирующим параметром — объемом накопленного информационного суррогата и объемом воли к его изготовлению (значимостью познавательного автоматизма в характере) — дробление происходит вместе с процессом научной специализации и образованием школ в одной и той же области науки.

Сравнительные оценки иерархического положения людей в разных иерархиях часто затруднены отсутствием общего языка воли. Существует, впрочем, возможность оценки с учетом иерархии иерархий — необщезначимость оценок в этой последней хорошо известна и в силу автома-

тизма увеличения воли влечет соперничество различных групп людей. Оценка тем труднее, что применимость традиционных волевых эквивалентов (как правило, материального суррогата) в ряде случаев сомнительна.

ПОВЕДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА

Коллективная воля

Одного лишь изучения автоматизмов людей недостаточно для понимания мотивов их поведения. Как правило, люди являются членами сообщества и взаимодействуют не только с волями друг друга, но и с волей сообщества, коллективной волей. В простейшем случае коллективная воля проявляется как результат сложения волей, направленных на достижение общей цели: тогда индивидуум может сознавать, что, проявляя волю, он делает свой вклад в проявление коллективной воли, и может наблюдать, как это проявление приводит к достижению цели. Это исключительный по простоте случай, характерный для малых групп.

В явной форме коллективная воля проявляется во всем, что является функциями государства: внешняя защита и поддержание порядка, регулирование волевого обмена и т.п. Во многих случаях взаимодействие с коллективной волей менее заметно, хотя, тем не менее, существенно в жизни человека: общественное мнение, традиционный уклад жизни, предрассудки и добрые правила, характер традиционных иерархий — все это проявления коллективной воли сообщества, и эта воля требует от человека покорности: следования обычаям, уважения различных правил поведения и т.п.

Коллективная воля, таким образом, ограничивает возможности проявления воли индивидуумов, однако целью коллективной воли, вообще говоря, является облегчение

удовлетворения индивидуальных автоматизмов, хотя во многих случаях — выборочное облегчение*. Это ясно, по-видимому, уже из факта образования стада на каком-то этапе эволюции и закрепления стадной организации существования у некоторых видов, как инструмента выживания и развития. Можно думать, что целью объединения было именно воспомоществование друг другу в удовлетворении автоматизмов, благодаря покровительству возникавшей при таком объединении коллективной воли. (Это эквивалентные по своему значению выражения: "целью эволюции было нечто" и "нечто закрепилось в процессе эволюции, ибо этим достигалась определенная цель".) По-видимому, именно посредством содействия индивидуумам в удовлетворении автоматизмов коллективная воля содействует обеспечению гомеостаза, увеличению объема воли популяции и развитию. Можно представить себе широкий спектр степени участия коллективной воли в делах людей и разную степень ожиданий людей в отношении коллективной воли, что несомненно отражено в политических учениях, многие из которых реализованы на практике в разные эпохи.

Особый случай проявления коллективной воли — это роль воли толпы в поведении человека, а в менее ярко выраженном случае — роль воли группы, коллектива, компании. Это — интересная и мало изученная область поведения людей в ситуациях, когда коллективная воля может регулировать

* Так, например, государство во многих случаях пытается обеспечивать безопасность граждан и содействовать коммерции, не вмешиваясь в обеспечение многих других нужд людей. С конца прошлого века стало модно ожидать от государства большего: социалистические теории требуют, чтобы все или почти все нужды людей рано или поздно стали предметом заботы государства или общества. Ясно при этом, что речь идет не только о расширении обязанностей коллективной воли, но и о ее усилении, следовательно о большем ограничении индивидуальной воли членов сообщества (можно заметить что социалистически ориентированные партии, например, демократическая партия США, обычно стремятся к усилению роли центральной власти). Борьба против социалистических устремлений этим и объясняется, ибо речь идет об отходе от тенденции, характерной для всего развития цивилизации, т.е. от тенденции индивидуализации личности, достижения личностью большей независимости от коллективной воли.

проявления воли людей в большей или меньшей степени помимо их сознания. По-видимому, мозг человека способен понимать волевой язык коллективной воли и подчиняться ее приказам, следуя архаическим правилам, архаическим символам языка воли толпы. В крайних случаях многочисленной возбужденной толпы коллективная воля может почти полностью подавить все индивидуальное и все цивилизованное в поведении индивидуумов, составляющих эту толпу. Разумеется, этот эффект зависит от уровня развития сознательной воли участников сборища, однако есть примеры, говорящие о том, что эта зависимость может быть не очень сильной. Советский опыт показывает, что люди из любого социального слоя могут вести себя в толпе, как варвары, даже если дело не доходит до рукоприкладства. Напомню хотя бы о поведении почтенных ученых советов в конце 40-х годов, когда громили еврейских ученых.

Волевой обмен

Важным в обеспечении жизнеспособности индивидуума является соответствие характера (значимость автоматизмов в индивидуальном комплексе) условиям среды. Объединение людей позволяет восполнять недостаток оптимальности этого соответствия за счет *волевого обмена* (чисто волевой взаимопомощи, обмена суррогатами), приводящего к своего рода разделению функций среди членов сообщества, частичному или жесткому. Простым примером является объединение в парную или групповую семью у многих животных с разделением обязанностей по взаимному удовлетворению автоматизмов. Это обменное взаимодействие является одним из видов сложения воли; при этом коллективная воля, по крайней мере в человеческом обществе, контролирует волевой обмен, исходя из *принципа равноценности волевого обмена*. Понятие равноценности при этом весьма растяжимо и скрытые, а иногда явные отклонения от него, в частности одобренные коллективной волей или ее узурпаторами, во все времена служили источником разногласий в обществе, доходящих иногда до восстаний и революций. Этот принцип прост в приложениях, когда есть диктуемые коллективной волей

конкретные оценки (например, при обмене материального суррогата с известными оценками). Если нет, то обмен производится с соглашением о цене, причем коллективная воля, вообще говоря, контролирует такие соглашения, хотя иногда, например в американском контрактном праве, такой контроль может быть минимальным и сводиться лишь к аннулированию соглашений, противоречащих закону или крайне несправедливых, основанных на обмане или на недееспособности. Наличие признанных контрагентами и коллективной волей эквивалентов облегчает выполнение требования равноценности тем, что каждый может оценивать затраты лишь своей воли соотношением к эквиваленту (например, не желая затратить время на посещение магазина, я покупаю товар у разносчика, не интересуясь его затратами воли, а лишь сравнивая размер денежной доплаты, им требуемой, с затратами своей воли на посещение магазина). Даже в этом простом случае возможно разногласие в оценках с возбуждением автоматизма соперничества.

Разногласия более вероятны при обмене, когда участники обмена не согласны в оценке их иерархического отношения и, следовательно, в оценке степени волевого неравенства. Дело в том, что равные затраты воли при обмене не удовлетворяют принцип равноценности, если у участников обмена — различное иерархическое положение: при плате волей низший платит больше. Противоречия нет, ибо считается, что воля высшего более ценна, более "концентрирована", но не всегда есть согласие о том, в какой степени. Поэтому тем более ценно изобретение денег, как обменного эквивалента, так что оценки могут быть обоснованы ссылкой на соотношение к эквиваленту (деньгам) согласно опыту предыдущих сделок и ссылкой на авторитет коллективной воли. Часто это устраняет конфликт, и именно поэтому в волевом обмене предпочитают пользоваться признанными коллективной волей оценками в эквиваленте. Здесь коллективную волю следует понимать более широко, чем просто воля государства. Рынок с большим количеством участников создает свою коллективную волю.

Источником конфликтов часто являются случаи, когда обмен начат без предварительного соглашения (например, неожиданная помощь). Распространен волевой обмен с мол-

чальвыми оценками, с предположением постоянной готовности к волевому обмену.

Различие иерархического положения учитывается еще и в том, что, казалось бы, равноценные вклады при обмене требуют разной затраты воли, поэтому слабая сторона часто претендует на большую выгоду в обмене (говорят: "Ну что ему это стоит"). Однако, если положение участников обмена близко, то учет этого одним из участников обмена и предложение большей выгоды контрагенту иногда воспринимаются как унижение (т.е. непризнание того иерархического положения контрагента, на которое он претендует). Действительно, предоставление контрагенту большей выгоды в обмене часто используется как прием иерархического возвышения. Реакцией на это является у некоторых людей мелочная щепетильность (продиктованная автоматизмом иерархического роста) — стремление не остаться ни у кого в долгу, отблагодарить за любую мелочь.

Существует некоторый, различный для разных иерархических слоев объем воли, который человек отдает безвозмездно (уступить дорогу, услужить прохожему, подать милостыню). Безвозмездность условная — можно рассматривать это как плату за признание окружающими иерархического положения, на которое претендует такой щедрый человек. Объем безвозмездных волевых взносов используется для характеристики иерархического положения и часто для демонстрации своего положения (например, рекламируемый взнос на благотворительность, пренебрежение упавшей монетой). В обществах с ограниченными возможностями иерархического роста и иерархической демонстрации, как например в России, какой я ее помню, помощь ближнему культивируется в большей степени, чем в обществах со свободным иерархическим развитием.

Возникновение конфликтных ситуаций в волевом обмене широко используется людьми для возбуждения удовлетворения автоматизма соперничества (говорят, что на восточном базаре даже невежливо купить что-либо, не поторговавшись). Часто автоматизм соперничества возбуждается после обмена, проведенного по соглашению — человек может сердиться, считая, что его надули; иногда соглашение (т.е. отказ от соперничества) есть результат сознательного подав-

ления автоматизма соперничества — последствия могут сказаться на дальнейших отношениях.

Судить со стороны о выполнении принципа равноценности волевого обмена часто трудно в силу субъективности оценок, вследствие различной у людей значимости автоматизмов, особенно в *характере в данный момент*, т.е. в соотношении силы автоматизмов в данный момент с учетом того, что некоторые автоматизмы были удовлетворены недавно и в данный момент адаптированы, а другие возбуждены и зовут к удовлетворению. Ясно, что голодный готов заплатить за кусок хлеба больше. Удовлетворение давно неудовлетворявшегося автоматизма ценится человеком выше, чем при регулярном удовлетворении; возбуждение адаптированного автоматизма — выше, чем неадаптированного. Это учитывается в приложениях принципа равноценности; так морально не одобряется использование в волевом обмене особого состояния контрагента для получения выгоды (например, крайней нужды, сильного возбуждения какого-либо автоматизма). Впрочем, строгость моральных оценок проявляется лишь в крайних случаях, иначе не существовало бы субкультуры коммерческой рекламы, основанной как раз на попытках возбудить соответствующие автоматизмы и тем заставить человека раскошелиться.

Особый случай — использование обмана, т.е. намеренной адаптации автоматизма оценки у контрагента или использование недостаточной развитости этого автоматизма.

Помимо волевого обмена, акты которого осознаются как таковые, человек участвует в постоянном волевом обмене с окружающими, не сознавая этого. Среди прочего, важно воздействие поведения окружающих на возбуждение автоматизмов человека. Известный инстинкт подражания, состоящий в том, что автоматизм человека возбуждается при наблюдении возбуждения или удовлетворения автоматизмов других людей, в сильной степени определяет поведение людей. В зависимости от характера выработанных ранее сопряжений автоматизмов и участия сознательной воли подражательная реакция неоднозначна. Другим примером малозаметного волевого обмена с сообществом является атмосфера доверия — человек в повседневной цивилизованной жизни может не затрачивать много воли на автоматизм оценки в силу того,

что встречается с более или менее привычными ситуациями и при этом с некоторой вероятностью гарантирован укладом жизни и защитой коллективной воли от многих опасных неожиданностей, скажем, от отравления пищи в ресторане или убийства на людной улице. По-видимому, есть предел вероятности несчастий, ниже которого люди в среднем перестают предусмотрительно бояться.

С принципом равноценности волевого обмена связаны категории добра и зла, характеризующие отклонения в приложениях этого принципа, которые допускает человек, а равно иные воли, в том числе гипотетические (боги и духи). Участие в обмене с волевой выгодой для контрагента называют совершением доброго поступка. Напротив, нарушение равноценности с чрезмерной выгодой для себя составляет зло. Конфликты в оценках с использованием этих понятий имеют ту же природу, что и оценочные конфликты в волевом обмене. Оценки могут быть столь же неоднозначны, но эта неоднозначность не принципиальна, а связана с различием уровней анализа. Дело в том, что зло влечет настороженность и недоверие людей. Отсюда распространенность обманных приемов: стремление производить впечатление доброты поступков с целью иерархического возвышения или накопления волевого суррогата. Можно прийти к крайнему мнению, что бескорыстная доброта не реализуется никогда, ибо раз существует автоматизм доброты, то сотворение добра есть удовлетворение хотя бы этого автоматизма и уже в силу этого не бескорыстно. Это так, но бескорыстия и не требуется, чтобы считать поступок добрым; достаточны лишь разумные основания для констатации волевой выгоды контрагента, с учетом тех ценностных стандартов, которые применяются обычно (в данном обществе, в данной иерархии).

Поэтому индивидуальный критерий целесообразности при совершении добра может и не нарушаться. Напротив, при характеристике степени зла люди особенно учитывают целесообразность. Зло тем "злее", чем бессмысленнее. Распространена даже этическая норма: не делай зла, от которого тебе нет пользы. Волевой обмен с большой выгодой творящему зло и малыми утратами контрагента, как правило, терпим в обществе, но осуждается получение малой выгоды с большими утратами контрагента (например, в случае убийст-

ва при ограблении, пресса специально будет акцентировать, если некто убит всего за несколько долларов). Бывает, что зло претупает границы привычного, и тогда злая воля вызывает страх в силу принципа максимальной оценки незнакомой воли: страх, даже если данный человек не имеет оснований опасаться взаимодействия с этой злой волей.

Сознательная воля

Волю человека, направленную на подавление автоматизмов, на конструирование комплексов сопряжений автоматизмов и, таким образом, на поиск новых путей проявления воли, я называю сознательной волей в силу того, что конкретные пути проявления этой воли не являются природой уготованными в обычном смысле, а определяются накопленным в мозгу информационным суррогатом и проявления этой воли контролируется сознанием. Замечу, что сам процесс руководства проявлениями автоматизмов со стороны сознательной воли есть следствие проявления автоматизма увеличения объема воли и означает соперничество воли человека с собственными функционально или пространственно локальными волями. Подавление автоматизма, покорение одной из локальных волей приносит человеку удовлетворение его возросшим общим объемом воли даже несмотря на то, что иногда он ощущает страдание, как следствие неудовлетворенности подавленного автоматизма. Впрочем, часто подавление автоматизмов происходит вследствие покорности коллективной или иной более сильной воле. В этих случаях подавление может не ощущаться как волевая победа, а лишь как предохранение от волевых (иерархических) утрат.

Проявление сознательной воли при подавлении автоматизмов обеспечивает человеку ощущение иллюзии свободы воли. Действительно, проявление воли при возбуждении отдельного автоматизма детерминированно небольшим числом факторов, в основном наличием возбудителей и степенью возбудимости автоматизма. Подавление автоматизма, равно как и конструирование сложных комплексов взаимодействий автоматизмов, увеличивает число факторов, детер-

минирующих проявление воли, притом до такой степени, что часто невозможно проследить причинную связь проявлений воли с внешним воздействием. Обычно предполагают, что способность сознательного руководства инстинктивными желаниями — чисто человеческая. Нет, однако, никаких оснований полагать, что механизм увеличения числа факторов, детерминирующих поведение, подобный сознательной воле (т.е. с использованием информационного суррогата и его переработкой) отсутствует у других животных. По-видимому, у человека этот механизм существенно более развит. Мало того, по мере эволюции человечества в среднем объем сознательной воли человека возрастает по сравнению с объемом воли, вполне неконтролируемой. Ныне степень сознательного руководства автоматизмами является одним из основных показателей общего объема воли и, следовательно, важным фактором иерархического успеха. (Ниже я связываю относительную силу сознательной воли с цивилизованностью человека.) Этот показатель объема сознательной воли использовался давно для иерархических оценок, и известно много тестов для испытания сознательной воли, например, проверка способности подавлять автоматизм избавления от боли (посвящения юношей и воров, спартанские бичевания). Способность подавления сексуального автоматизма проверялась в испытательных ночах в рыцарские времена. Приемы испытания и тренировки сознательной воли изоцирено разработаны в ряде религиозных систем, что, по-видимому связано с тем, что сама идея единственного бога или главного бога в языческом пантеоне есть отражение в сознании способности человека подчинять свои страсти сознательной воле, о чем пойдет речь позднее. Впрочем и без специальных церемоний и экстремальных ситуаций испытание сознательной воли это то, чему человек ежедневно подвергается в обществе. Успехи в процессе таких испытаний редко замечаются обществом, но зато даже небольшой промах запоминается и используется в иерархической конкуренции.

Способность подавлять и регулировать автоматические проявления воли — это также способность сознательной воли вмешиваться в любой момент в удовлетворение или возбуждение автоматизмов не только с целью подавления, но и с целью содействия. Примерами являются обычное вмеша-

тельство сознательной воли в первоначально автономные сокращения мышц при оргазме, сознательное усиление мимических проявлений или смеха, сознательно отработанные приемы кокетства. Содействия сознательной воли при поиске и увеличении эффективности возбудителей — общеизвестно. Нельзя не заметить, что сознательное овладение автоматами существенно снижает эффект локальной радости при удовлетворении автоматизмов. Это значит, что, выигрывая в увеличении объема воли, в увеличении свободы воли, человек проигрывает в эффекте локальных радостей, в удовольствии и, следовательно, в счастье.

Казалось бы, лучше оберегать автоматизмы от вмешательства сознательной воли с тем, чтобы большие волевые импульсы проявились автономно. Эта идея вдохновляла многих мыслителей, проповедовавших "возврат к природе". Действительно, если не заблуждаться относительно существования "высшего смысла жизни" (т.е. не предпочитать всему удовлетворение автоматизма увеличения объема воли, познавательного или какого-либо другого), то, казалось бы, следует оградить эффекты локальных радостей, проявляя волю по "природой данным" путям в соответствии с характером (пропорционально значимости отдельных автоматизмов в индивидуальном комплексе).

Думаю, как раз это следует предпочесть человеку на необитаемом острове. Что касается жизни в сообществе, то здесь человеку приходится подчинять автоматизмы сознательной воле не только в силу автоматизма увеличения объема воли, но и под давлением коллективной воли. Именно поэтому уход от общества — столь характерный элемент в проповедях возврата к природе. Коллективная воля ограничивает проявления автоматизмов человека определенными правилами, и человек должен усваивать эти правила как пути проявления воли, не дожидаясь в каждом случае принуждающего воздействия коллективной воли. Это — некоторый социальнообязательный минимум объема сознательной воли, предположительно известный каждому (презумпция знания закона). Такое же предположение в каждой иерархии действует в отношении доправовых, этических ограничений воли. Практически, однако, человеку приходится располагать властью сознательной воли, много большей, чем этот

минимум, если человек не хочет утратить иллюзию самостоятельности. Просто потому, что если человек не владеет своими автоматизмами, то ими завладевает кто-то другой, и воля человека станет чьим-то волевым суррогатом. Примеры этому известны. Много людей находится в безысходном подчинении кто у семьи, кто у работодателя или хорошего знакомого, кто у государства, и часто это подчинение объясняется не просто стремлением удовлетворять автоматизм покорности, а следствием низкой степени сознательного контроля над автоматизмами вообще. Вряд ли следует особенно печалиться за них, если такое состояние не печалит их самих. Распоряжаться собой в столь сложной жизни — тяжелое бремя, и следует понять людей, желающих избавиться от хлопот, связанных с тем, что понимают под свободой личности в обществе.

Воспитание сознательной воли ценится как важный метод обеспечения гомеостаза. Подавление многих автоматизмов ради гомеостатических и ради автоматизма увеличения объема воли — одно из конкретных выражений принципа экономии воли; для лучшей реализации этого принципа нужна способность подавлять автоматизмы. В результате, при воспитании, по крайней мере в низших слоях общественных иерархий, обращают внимание не на развитие способности подавлять автоматизмы вообще, а лишь определенные (например, автоматизм соперничества, включая агрессию, сексуальный), так что другие, гомеостатические, например, остаются неподдаваемыми; есть много свидетельств, что щуплые интеллигенты оказываются более выносливыми к голоду, к усталости по сравнению с сильными людьми из простонародья именно потому, что у последних меньше отработана способность подавлять гомеостатические автоматизмы. (Об этом писал Гаршин, будучи вольноопределяющимся в русской армии.)

Проблема максимального овладения автоматизмами издавна привлекала многих людей в силу понимания существенной несвободы воли и стремления к свободе. Подавляя автоматизмы, они стремились к внутренней свободе и верили, что обретают ее, как правило, не замечая, что это следствие также проявления автоматизма (увеличения объема воли, т.е. иерархического) и что их программа подавления

автоматизмов во имя свободы является традиционным подавлением многих автоматизмов ради избранного. Примером преуспевшей в этом практической философии является система йогов. Можно верить, что йоги достигли серьезных результатов в разработке методики усиления сознательной воли и подчинения ей автоматизмов, притом таких, которые кажутся нам уж совсем непокоримыми (например, дыхательного, перистальтического, автоматичности мышления).

Достигая такого освобождения, можно стремиться к слиянию с богом, и это, наверное, наибольшее из диктуемого автоматизмом увеличения воли.

Иллюзия свободы, тем не менее, частично оправдана, так как любая степень способности владеть своими автоматизмами увеличивает, как отмечено, внутреннюю свободу в силу умножения детерминирующих поведение факторов или, говоря машинным языком, увеличивает число и сложность программ. Нетрудно этим ростом иллюзии внутренней свободы объяснить позицию тех, кто пытается представить поведение человека лишь как результат усвоенной культуры, пренебрегая биологическими факторами. Не следует забывать, что по уровню развития сознательной воли большинство психологов относится к высшим слоям иерархии, поэтому неудивительно, если им трудно представить себе "человека биологического", не обремененного чрезмерным вмешательством сознательной воли в свои проявления. Быть может, те психологи, которые не учитывают "низменных" биологических основ мотивации поведения, на самом деле пишут психологию человека далекого будущего, если предположить, что развитие пойдет в том же направлении, что и в последние, скажем, десять тысяч лет, т.е. по пути усиления роли сознательной воли.*

Подавление индивидуальных автоматизмов сознательной волей означает, вообще говоря, преодоление страдания, оставление себя в состоянии неудовлетворенности. Даже достижение привычного подчинения автоматизма сознательной воле не означает избавления от самого автоматизма:

* Впрочем, следует помнить, что иерархический инстинкт самого мыслителя, несомненно, — одна из причин идеализации человека.

автоматизм пребывает в готовности к возбуждению. В то же время многие другие автоматизмы получают удовлетворение и, следовательно, более или менее адаптируются. Это означает, что *характер в данный момент* изменяется со временем таким образом, что подавленный автоматизм может оказаться более значимым, чем другие, ранее более сильные в характере, но удовлетворяемые. Это может означать, что сознательной воле будет труднее подавлять этот избранный автоматизм и в результате такого *"накопления неудовлетворенности"* в условиях, содействующих сильному возбуждению, подавляющийся автоматизм начнет бурно проявляться. На многих примерах можно проследить такое накопление неудовлетворенности с последующей волевой разрядкой. Думаю, что примеры массовых всплесков автоматизма соперничества (особенно благодаря подражательному возбуждению) достаточно показательны. Накопление неудовлетворенности у людей, особенно в современной жизни, — важная социальная проблема.

Автоматизм оценки и язык воли

Автоматизм оценки удовлетворяется, как правило, сравнительно легко, хотя и не всегда с гарантирующим безопасностью результатом, при встрече с изолированной волей. На практике приходится иметь дело с волевыми ситуациями. Для их оценки нужна не только способность оценить отдельные воли, но и знание связей (соглашений о волевом обмене) между индивидуумами, знание волевого состояния каждого индивидуума (характера в данный момент) и способность моделировать изменение волевой ситуации в будущем. Для диагностики иерархического положения "я" в ситуации требуется также знание собственного характера в данный момент, знание доминирующих параметров иерархии, предпочитаемых соседями по ситуации, и знание уже установленных иерархических отношений в ситуации. Важность указанных знаний зависит от типа волевой ситуации и от целей индивидуума в этой ситуации.

Языком воли в оценках являются иерархические и характерологические признаки и собственно язык. В качестве

иерархических используются признаки, характеризующие объемы накопленных суррогатов, признаки покровительства общепризнанных сильных волей и другие, в зависимости от вида иерархии. К характерологическим признакам относятся стандарты поведения (манеры, интонация и громкость речи, тип реакций на воздействия), тип строения тела и пр. Важны физиогномические признаки: проявлению различных автоматизмов соответствуют определенные мимические движения, например, сокращение орбитальной мышцы глаза при сосредоточенном мышлении или "свирепое" выражение лица при готовности к агрессии. Это может обуславливать большую или меньшую развитость соответствующих мышц и позволяет иногда диагностировать некоторые *черты характера*, наблюдая лицо. Мимика часто непосредственно отражает волевое состояние человека.* В практической физиогномике, которую развивали скорее актеры и гримеры, чем психологи, более или менее точно проведено сопоставление мимических движений и характера в данный момент; с меньшим успехом это сделано в отношении характера.

Существенным элементом языка воли является характер взгляда. Этот вопрос, кажется, совсем мало изучен. Взгляд на другого человека несет в себе волевою информацию: это может быть вызов — сообщение о возбуждении автоматизма соперничества, внимание — свидетельство о процедуре оценки, стремление возбудить автоматизм доброты и свидетельство покорности и т. д. Реакция человека на взгляд столь сильна, что распространено даже мнение, будто взгляд направляет некие психические флюиды. Обмен взглядами воспринимается часто как прямое волевое взаимодействие (это бывает и у животных). По-видимому, наш мозг сведущ в диагностике взгляда, но это происходит помимо сознания. Я думаю, это пример знания, накопленного мозгом, но еще не перенятого сознанием.

Роль собственно языка в передаче информации о воле и волевом состоянии не так уж велика, за исключением слу-

* На многих примерах можно проследить значимость мимических и тому подобных проявлений у животных. Из практики известно, например, что невоспитанная лошадь отводит уши назад, если хочет укусить кого-либо (неясно, знают ли об этом лошади и используют ли они это знание для предсказания иерархических укусов).

чаев общения с "хорошо владеющим собой" человеком — тогда именно язык является передатчиком информации о волевом состоянии, но это довольно редкие среди людей случаи чисто цивилизованного общения. Обычно же язык используется больше для передачи информационного суррогата и для подтверждения выводов, сделанных посредством иных средств языка воли, однако такие факторы, как громкость речи, интонации и т.п. — существенная часть языка воли.

Важно помнить, что характер собственно языка у данного человека несет в себе иерархические признаки. Такова грамотность и сложность речи, наличие жаргонных слов (слов, употребляемых лишь в определенном слое иерархии) и даже "особый" язык у отдельных иерархий (например, "уголовный" жаргон). О роли ругательств в волевом обмене, а следовательно и в диагностике, я пишу ниже.

Оценочный анализ волевой ситуации нужен для оптимального выбора путей проявления воли, для достижения поставленной цели. В случае противоречия воля широко применяются *обманные приемы*, т.е. действия человека, приводящие к ошибкам заинтересованного наблюдателя в оценке воли данного человека и ситуации в целом. Так же можно охарактеризовать намеренную адаптацию автоматизма оценки у наблюдателя и умолчание — эти действия не являются обманными в прямом смысле, но иногда воспринимаются как таковые.

Обманные приемы многообразны: поведенческая мимикрия в животном мире, подделка документов, ложь, использование символов языка воли, не соответствующих истинному волевому состоянию человека и т.п. Обманные приемы используются весьма широко при взаимодействии людей и применение некоторых из них ограничено этическими и правовыми нормами. Таково, например, порицание лжи, по крайней мере, в некоторых слоях иерархий. В целом же ложь довольно распространена в обществе. Ложь, как и прочие обманные действия, — слишком удобный путь проявления воли, обеспечивающий экономию и позволяющий решать в свою пользу противоречия с более сильной волей. Люди понимают, что ложь может приносить вред (не только обществу, но и самому лгущему в смысле иерархических по-

терь), и критерий допустимости лжи для тех, кто сам ложь не одобряет, обычно выбирается так, чтобы вред от лжи был меньше вреда от честности.

Замечу, что ложь, по-видимому, приобретала все большее значение по мере того, как прямые волепроявления в жизни людей уступали место экономным проявлениям с поиском обходных путей проявления воли. Существенно, что в примитивных сообществах наших предков, когда не было столь сильных запретов на применение силы для разрешения конфликтов, сильный мог позволить себе роскошь не лгать слабым — это было нецелесообразно, так как он мог в отношении слабых проявить силу, не заботясь о выборе путей проявления воли. Это стало социобиологической презумпцией; и теперь в оценках волевых ситуаций часто действует *презумпция честности иерархически сильного*. Помимо нецелесообразности лжи сильного мог действовать и другой фактор: техника лжи, как обходного пути достижения цели, естественно получала развитие среди слабых, а сильные просто не тренировались в том, чтобы достаточно хорошо врать. Интересно и то, что с победой слабых, о которой речь ниже, презумпция честности сильной воли была перенесена на иерархически успешных вообще, хотя они не являются сильными. Впрочем, развитие демократии и активность прессы в изобличении высокопоставленных лгунов сводят на нет действие этой презумпции как поведенческого фактора. Тем не менее в сообществах, неразвившихся до полииерархической структуры, этот фактор может быть достаточно силен — сужу об этом по наблюдениям ситуации в России 60-х годов.

Впрочем, даже в сообществах, где высшим слоям не верят слепо, следы действия этой презумпции сохраняются. Следствием этого является выбор честности как иерархического признака: некоторые люди избирают честность как норму личной этики, и в высших иерархических слоях разоблаченная ложь часто считается более позорной, чем в низших. Однако социология лжи мало изучена и нельзя по этому признаку судить, что частота лжи уменьшается с поднятием в иерархии.

Пути проявления воли

Поведение человека в волевой ситуации определяется, помимо личных качеств, оценкой ситуации и тем, какими путями проявления воли он располагает. Для конкретных ситуаций могут вырабатываться особые пути проявления, однако, вообще говоря, накопление испытанных путей проявления проводится человеком впрок, посредством накопления суррогатов, прежде всего дисциплинарного, информационного и волевого.

Успех в накоплении информационного суррогата часто обусловлен достаточной развитостью познавательного автоматизма. Этот успех не обязательно коррелирует с индивидуальным объемом собственно воли, но богатство путей проявления воли у человека, обуславливающее успех в экономии воли, ставит его в более выгодные иерархические условия по сравнению с другими людьми, у которых объем собственно воли может быть несравнимо выше. Большой объем информационного суррогата обуславливает иерархический успех и иерархическое обособление: интеллигенция образует свои иерархии, в которых объем собственно воли или другие традиционные ранее признаки, например, объем материального суррогата, почти несущественны в оценках. Женщины, обладая в среднем меньшим объемом собственно воли по сравнению с мужчинами, т.е будучи физически слабее мужчин, подчас имеют достаточно сильный автоматизм увеличения объема воли и преуспевают в его удовлетворении благодаря поиску и накоплению обходных путей проявления воли и накоплению волевого суррогата. В этом смысле женщины были всегда более интеллигентной частью человечества, если под интеллигентностью понимать предпочтение обходных путей проявления воли и отказ от силовых методов.

В накоплении волевого суррогата у людей выработаны традиционные приемы, обеспечивающие возможность экономии воли посредством затрат чужой воли. Таковы (помимо прямого волевого обмена) приемы возбуждения автоматизма доброты (например, помещение себя в такие условия, что у других людей возникает желание помочь, а также симуляция, притворство). Широко используются приемы возбужде-

ния иных автоматизмов, и знание таких приемов весьма ценится людьми. Дети по мере своей изобретательности научаются возбуждать в нужные им моменты автоматизм доброты у взрослых; девушки отрабатывают приемы использования своей сексуальной привлекательности и ее усиления с помощью косметики, портняжного искусства и тренировки манер не только для прямого возбуждения мужчин, но и с целью разнообразного использования их воли в качестве суррогата; юноши проявляют особый интерес к изучению приемов возбуждения женщин. Люди очень ценят умение вежливо и дипломатично себя вести, то есть возбуждать автоматизм корпоративности в ситуациях, где более уместным было бы прямое соперничество. Эффективность приемов получения волевого суррогата исследуется, в частности, в инженерной психологии.

При воздействия на волю людей с целью частичного использования ее как волевого суррогата прибегают к созданию комфортной ситуации, возбуждающей автоматизм отдыха с уменьшением активности нежелательных волепроявлений (например, сажают в удобное кресло возбужденного посетителя, когда тот пришел с претензиями). Распространено удовлетворение иных гомеостатических автоматизмов (сытный обед располагает к удачным переговорам). Некоторые из таких воздействий со временем стали символическими, утратив былое реальное значение, скажем, встреча "хлебом-солью", завтрак при дипломатической встрече, обычай "трубки мира". Впрочем, не следует преувеличивать символичность таких испытанных средств даже в цивилизованном обществе, ибо наше поведение по-прежнему во многом направляется автоматизмами.

Изучены и применяются донные методы музыкального воздействия на людей. Таково использование армейских маршей, комсомольских песен, похоронных мелодий — в каждом случае музыка возбуждает соответствующие автоматизмы и вводит людей в состояние, угодное инициатору воздействия и дающее ему большее количество волевого суррогата.

Применяются и совсем бесцеремонные методы приобретения волевого суррогата — регулирование поведения человека посредством избиений или угроз, пыток, помещения к

состояние неудовлетворенности других автоматизмов (ограничение быдачи пищи в местах заключения, отлучения от ложа в семье, лишение сладкого за непослушание ребенка).

Воспитание детей среди прочего имеет целью снабдить их информацией о принятых в данном сообществе и данной иерархии путях проявления воли и, в частности, содействовать увеличению сознательной воли, способной подавлять автоматизмы, удовлетворение которых в данном сообществе или иерархическом слое считается нежелательным или непервоочередным. С этой целью используют тренировку подавления автоматизмов, ограничивают воздействие возбуждающих факторов и информацию о путях проявления воли, приводящих к удовлетворению подавляемого автоматизма, используют ложную информацию. Примером особенно активного подавления автоматизма у воспитуемых служит традиционное антисексуальное воспитание, особенно девушек, ибо их сексуальная привлекательность ценна для приобретения волевого суррогата и обеспечения основных в данной иерархии автоматизмов.

Особые приемы разработаны для побуждения сильной воли к корпоративности. Все они основаны на демонстрации признания иерархической значимости контрагента, однако не следует полагать, что такая демонстрация всегда искусственна и порождена расчетом. Напомню, что естественной реакцией человека и животного на присутствие сильной воли является во всяком случае внимание и настороженность, что исключает продолжение обычных занятий. Можно и сейчас наблюдать, как инстинктивно замолкают говорящие, если в комнату входит некто значительный. (Воздержание от пищи и сексуального общения, как часть демонстрации покорности, известно и у других стадных млекопитающих.)

В прежние времена большое распространение имели приемы, быть может, иллюзорного накопления волевого суррогата за счет гипотетических волей, построенных экстраполяцией или дедуктивно, исходя из принципа волевого детерминизма. Боги, духи, души умерших и тому подобные гипотетические воли активно участвовали в иерархической жизни людей. Конкретный характер приемов зависит от предполагаемых свойств таким образом моделируемой воли. В простейших и наиболее распространенных случаях свойст-

ва таких гипотетических волей мало отличаются от свойств сильной воли, познанной на примере сильных мира сего. Главным в отношениях с гипотетической сильной волей является возбуждение автоматизма доброты посредством демонстрации покорности (следование строго регламентированным ритуалам, позы покорности, часто отказ от удовлетворения естественных потребностей или временное воздержание). Применялись и попытки различными средствами "ублажить" такую гипотетическую волю и удовлетворить различные ее автоматизмы (жертвоприношения, воскурение ценных веществ, дарение ценностей) и возбудить автоматизм доброты (подчас прямым обращением-заклинанием, молитвой). При этом религиозные действия и ощущения приносят людям много радостей как благодаря удовлетворению автоматизмов покорности и увеличению объема воли (вера в факт общения с сильной волей), так и благодаря прямой волевой разрядке (особенно в религиях, допускающих ритуальные оргии с бурными волепроявлениями).

Принцип волевого детерминизма обуславливает попытки людей входить в контакт с гипотетическими волями, ответственными за различные явления природы. В простейших случаях свойства этих волей также подобны сильным человеческим, что и определяет методы воздействия на эти воли. По-видимому, всегда предполагается, что соответствующим подбором возбудителей можно побудить гипотетическую волю проявляться в желаемом направлении. Подбор возбудителей изучается различными системами колдовства. Существующие теории подчас столь усложнены, что трудно понять истоки происхождения того или иного приема. Во многих случаях подражательный автоматизм считается наиболее уязвимым местом гипотетических волей, что и используется для воздействия. Примером колдовства этим методом является распространенный у многих народов обычай соития на только что засеянной пашне. В подобных приемах исследователи склонны усматривать символизм. Думаю, что символизм — явление более позднего происхождения, а приемы эти — суть следствие человекоподобного моделирования волей, на которые пытаются воздействовать.

Счастье

Счастьем, по-видимому, называют обилие локальных радостей и отсутствие ощущения неудовлетворенности автоматизмов. Это означает, что в состоянии счастья человек тратит волю более или менее пропорционально тому, сколь значимы его автоматизмы (т.е. в соответствии с характером). Это означает, что для счастья нужно обеспечить внешние воздействия и возможности удовлетворения так, чтобы они соответствовали характеру, что иногда было бы возможно, если бы человек мог составить реестр значимости своих автоматизмов. Поскольку в каждый момент человек, как правило, может сказать, что ему хочется, и чего больше, то, казалось бы, составление такого реестра на данный момент принципиально осуществимо. Но это не так, ибо, во-первых, вмешательство сознательной воли вслед коллективной уже накладывает на человека много запретов, и эти запреты часто не осознаются человеком (вытеснение желаний); во-вторых, если человек ощущает, что ему "хочется", то это часто означает "хочется, чтобы хотелось" в соответствии с ценностью желаний и идей в тех иерархиях, на участие в которых человек претендует, т.е. наблюдается частичное замещение желаний автоматизмом иерархического роста, в силу чего происходит накопление неудовлетворенности вытесняемых желаний.

Практическое счастье на некоторый период времени, однако, наблюдается: речь идет об эффективных затратах воли на удовлетворение наиболее сильных автоматизмов, куда они не адаптировались или не проявилась гнетущая неудовлетворенность других, "забытых" автоматизмов. Некоторые люди вспоминают о детстве, как о счастливой поре; в детстве много незнакомого вокруг, и адаптация не столь губительна для повторения радостей.

В целом, однако, человек очень давно сделал выбор между счастьем и цивилизованностью. Тем более ценно построение индивидуальных суррогатов счастья, и многие люди преуспевают в этом, формулируя цели, достигая их и убеждая себя, что это и есть счастье.

Иерархии

Как я уже говорил, у животных и на ранних стадиях эволюции у людей положение в иерархической структуре определяется, по-видимому, объемом собственно воли, если отвлечься от усложнений, связанных с возникновением групп, в которых индивидуум, располагая волевым суррогатом ближних, может успешно конкурировать с более сильной волей. Однако эта оговорка касается межгрупповой иерархической борьбы.

Поиск и накопление путей проявления воли, волевой обмен и ненасытность инстинкта увеличения объема воли привели к дроблению этой основной иерархии в человеческом обществе. Можно думать, что уже во времена раннего палеолита могли приобрести значение такие иерархические признаки, как изошренность методов охоты, способности в приготовлении орудий и другие. Эти признаки, проявляясь у разных людей, должны были дать начало расслоению внутри основной волевой иерархии. Появление ремесел, усложнение методики общения с богами, активизация соперничества сообществ приводили постепенно к дальнейшему иерархическому расслоению. В главе "Победа слабых" я подробнее обсуждаю процесс вытеснения первоначального, если угодно, "животного" иерархического признака — физической силы или объема собственно воли. Здесь я обсуждаю общие черты иерархий и иерархической борьбы.

Наблюдая процесс иерархического расслоения, можно видеть стремление высших иерархических слоев к обособлению от низших. В частности, это было следствием стремления успешных закрепить свой иерархический успех, избегать иерархических утрат и, что немаловажно для сообщества, обеспечить экономию воли, ограничивая дальнейшее соперничество. Это приводило к этическим и правовым мерам стабилизации структуры, в том числе, к конструированию требований, подчеркивающих обособление. Обособлению содействовали различия в условиях жизни и в возможностях удовлетворения автоматизмов. Чем дальше заходило такое обособление, тем в большей степени высшие иерархические слои имели возможность изошряться в поисках новых методов возбуждения и удовлетворения автоматизмов. При этом

были изобретены столь сложные и утонченные комплексы удовольствий, что воспроизведение иных ныне и при широких возможностях, по-видимому, затруднено. Придворный ритуал французских королей вряд ли повторим; творчество "комиссаров наслаждений" у римских императоров, по-видимому, навсегда потеряно для человечества, так же как неповторимо наслаждение царя Артаксеркса, коему, как рассказывают, девиц натирали благовониями в течение 12 месяцев.

В то же время низшие слои были озабочены минимальным обеспечением гомеостаза. Складывалась своя этика, свой язык воли в различных слоях иерархии. Человек, не воспитанный в традициях достаточно высокого иерархического слоя, практически не мог претендовать на проникновение в этот слой, ибо язык воли подчас был необычайно сложен для усвоения посторонними, не говоря уже о других препятствиях. В то же время язык воли низших слоев становился непонятным для высших слоев, и часто действовал принцип максимальной оценки незнакомой воли при встрече с представителями низших слоев. (Это наблюдается и теперь даже в обществах с высокой обновляемостью иерархических слоев*.)

К установлению такой обособленности слоев и закреплению ее в праве и обычаях имело смысл стремиться, ибо, как правило, высшие слои иерархий объединяли людей, обладающих (часто наследственно) большими запасами суррогатов воли и поэтому не подготовленных к прямому волевому соперничеству. Обособление наблюдается не только

* Достигнутая в демократических обществах степень обновляемости иерархий весьма важна для уменьшения фрустрации низших слоев, которые раньше не могли надеяться на иерархический рост даже в своем потомстве. Следует, однако, помнить, что проникновение представителей низших слоев иерархий в высшие часто связано с привнесением в эти высшие слои этических обычаев, характерных для низших слоев. Во многих случаях это учитывается консерваторами соответствующих иерархий, стремящимися помешать обновляемости или хотя бы установить известные ограничительные цензы. Известны ограничения на вступление в некоторые частные клубы, равно как и в профессиональные ассоциации.

в отношении разных слоев одной иерархии, но и в отношении иерархий, образованных по разным признакам. Члены сложившейся иерархии, таким образом, характеризуются не только обладанием доминирующим иерархическим признаком, но и массой других обособляющих признаков, прежде всего подчинениям этическим и языковым требованиям данной иерархии. Так, например, недостаточно уметь поднимать тяжести, чтобы быть в иерархии штангистов: требуется соблюдение системы норм. Нарушение их влечет дисквалификацию спортсмена, несмотря на его физические достоинства. Подчинение этике во многих проявлениях человека и знание языка воли являются условием его достойности быть в данной иерархии, коль скоро при этом он обладает необходимыми для этой иерархии признаками (скажем, должным объемом материального суррогата или объемом знаний, навыков, творческих способностей и т.п.). Соседи по иерархии контролируют эту достойность — известен *институт чести*. Способность самоконтроля "я" на соответствие своему месту в иерархии, активизируемая страхом перед иерархическими утратами, известна у человека как *совесть*. Как правило, этика подкреплялась ссылками на освященность высшими силами, поэтому механизм самоконтроля следования этике иерархий — совесть — мог претендовать на роль божьего ока в человеке. (Сказанное применимо также к иерархии, к которой человек, быть может, только сам себя причисляет, не считаясь с мнением окружающих.) Другой вид иерархического самоконтроля — *стыд* (см. ниже).

Существовавшие трудности проникновения в высокие слои иерархий, связанные со сложностью языка воли и этических требований, некоторым ярким и наиболее упорным людям удавалось преодолевать: известно, что даже во времена наиболее глубокого обособления иерархий бедняк-крестьянин, бывало, становился ученым, раб — военачальником или придворным. При этом действовали как посредством терпеливого прохождения череды иерархических ступеней, так и с помощью насильственных перестроек иерархии иерархий. Последний (революционный) метод широко применяется и теперь, хотя обособление иерархий ныне повсеместно становится менее глубоким, что облегчает проникновение низших в высшие слои. Можно сказать, что теперь в демократичес-

ких странах сравнительная легкость иерархического обновления содействует общественному миру, хотя и связана с риском того, что лица, недостойные общественного доверия, могут проникнуть в высшие слои государственной структуры.

В последнее время стал более интенсивным процесс образования новых иерархий: для удовлетворения автоматизма иерархического роста не обязательно бороться за первенство в традиционных иерархиях, можно основать новую и быть там первым. Свобода предпринимательства во многих странах открывает для этого широкие возможности. Мы наблюдаем этот процесс также на примере специализации в науке, дробления спортивных иерархий (появление тематически новых видов соревнований), умножения общественных организаций, поиска оригинальных направлений в искусстве, соперничества любителей самых неожиданных увлечений. Нынче трудно преуспеть в коллекционировании мумий фараонов, но зато можно выбрать оригинальную тему коллекции, скажем, собирать предметы, найденные в желудках убитых слонов, и сделавший это будет хотя бы вначале первым в основанной им иерархии. Конечно, не так просто основать иерархию с новым доминирующим признаком, обычно нужно, чтобы кто-то признал существование этой иерархии. Но человеку помогает способность иллюзорного удовлетворения этого автоматизма, способность во многих случаях быть самому судьей своего успеха.

Иерархическая структура появляется в любой группе взаимодействующих людей; чаще всего доминирующие параметры иерархий в группе заимствованы от традиционных, т.е. ценным считается обладание важными суррогатами воли, обычно материальным, информационным и волевым, но возможно собственное иерархическое творчество (скажем, в группе юношей помимо традиционных могут быть чтимы способность к подражанию голосам животных или умение пускать дымовые кольца).

Основать новую иерархию проще, если на взгляд окружающих это не сулит инициатору особых волевых выгод; в противном случае выделение новой иерархии может осуждаться людьми и вызывать противодействие, особенно когда в данном обществе не привыкли еще к идее полииерархической структуры: человека заставляют довольствоваться

традиционными иерархиями, и поиск оригинального пути осуждается как попытка возвыситься в обход тех трудностей, которые преодолевали другие*. Особенное противодействие вызывает попытка возвыситься в традиционной иерархии нетривиальными методами; так, например, цеховые уставы в средние века запрещали использование технических нововведений. Во многом ту же природу имеет ненависть к этническим и национальным меньшинствам, стоящим выше основного населения по знанию путей проявления воли. Такова, по-видимому, основная причина антисемитизма в Европе и России: евреи в чисто волевом отношении, т.е. посредством применения физической силы, не могли соперничать с европейскими нациями, но еврейский вклад в развитие культуры Европы был возможен благодаря тому, что евреи предпочитали прямому волепроявлению поиск оригинальных путей проявления воли и использование информационного суррогата. Это мнение об основной причине антисемитизма подтверждается известным из истории параллельным преследованием евреев и интеллигенции.

Сказанное о расхождении первичной иерархии в процессе эволюции человеческого общества и выделения из нее иерархии по знанию путей проявления воли и другим признакам можно наблюдать на группах детей: чисто волевые признаки с возрастом уступают место по ценности другим, интеллектуальным и эмоциональным достоинствам, так что детские иерархии как бы повторяют тот путь развития, который был проделан человечеством.

* В этом смысле свобода в США и других развитых демократических странах гораздо шире, чем то, что может быть дано набором традиционных демократических свобод. В этих странах существует признанная обществом, а не только государством свобода иерархического самоопределения, включая свободу создания новых иерархий. Об этом часто забывают те, кто пытается насаждать демократию в обществах, не вполне к ней готовых, т.е. в обществах с неразвитой полииерархической структурой. Можно даже сказать, что сформулированные нормы о политических свободах — это итог демократического развития, а не условие или причина, хотя я не уверен, что смогу ответить на все возражения по поводу этой фразы.

Для окружающих их взрослых дети являются фактически низшим иерархическим слоем и ощущают свое подчиненное положение весьма остро; такая ситуация способствует распространению среди них приемов проявления воли, характерных для низших иерархических слоев, например, лжи.

Традиционная педагогика всегда рассматривала детей как обреченных на участие в традиционных и иногда конкретно предписанных иерархиях независимо от качеств их характера. В последнее время, впрочем, в педагогике часто учитывают важность удачного выбора будущей иерархии соответственно характеру подростка. Разумно предполагать, что при современном многообразии иерархий для каждого человека, не обделенного природой чрезмерно, существует хотя бы одна иерархия, в которой он займет не последнее место лишь в силу своих природных данных. Такое оптимальное первичное иерархическое самоопределение нетривиально в силу трудности анализа характера. Ситуация осложняется тем, что воспитание способности подавлять некоторые автоматизмы искажает характерологическую картину и для педагогов и для самого человека; мало того, человек для иллюзорного удовлетворения автоматизма увеличения объема воли сам успешно искажает в своем представлении картину значимости представленных у него автоматизмов. Как это ни трудно, но оптимальный выбор иерархии в соответствии с характером — это то, ради чего обществу стоит развивать более совершенные методы анализа характера, не ограничиваясь примитивной оценкой интеллекта в школах.

Отмечу некоторые аспекты поведения первых в иерархии. Достижение первенства в определенной иерархии не исключает стремления к дальнейшему иерархическому росту. В этом случае закрепляют свое первенство, увеличивая иерархический разрыв с прочими, продолжая соперничество с бывшими и потенциальными соперниками; начинают соперничество за рост в более высокой иерархии, чем та, в которой уже достигнут успех; содействуют соперничеству иерархий так, чтобы повысить значение своей в иерархии иерархий, или стремятся занять первенство во многих иерархиях сразу. Примеры поведения по такой схеме в истории выглядят однообразно, но для современников всегда новы. Вот пример, еще не утративший в сознании людей своей

оригинальности: Сталин, заняв первенство в партийно-государственной иерархии, упрочил правящее положение этой иерархии в обществе, укрепляя свое первенство, уничтожая соперников и тех, кто когда-то был соперником, и тех, кто в будущем мог оказаться таковым; претендовал на первенство в иерархии по другим признакам (военному искусству, доброте, науке), возвышал положение своей страны в иерархии наций и завоеваниями, и иллюзорно, исправляя историю: русское воинство, как оказалось, всегда было самым победоносным, русские ученые — первооткрывателями и т. д.)*

Первые и высокопоставленные в иерархии оказывают существенное влияние на поведение людей не только способностью подчинять и возбуждением автоматизма покорности, но и тем, что как бы источают волевой суррогат: встреча со значительным лицом возбуждает у людей автоматизм иерархического роста (в быту говорят: "Людям хочется быть лучше"). Да и само общение со значительным лицом обычно повышает человека в его собственных глазах и затрудняет способность критической оценки этого иерарха. Поэтому большинство правителей время от времени показываются народу, а кандидаты на выборах стараются пожать как можно больше рук. Физическое прикосновение к лицу значительному нужно человеку биологическому так же, как моей собаке нужно, чтоб я ее погладил, так же, как Антею нужно было прикосновение к матери-земле. Те, для кого существенно практическое знание социальной психологии, с успехом пользуются социобиологическими приемами, несмотря на то, что почтенная университетская наука пытается объяснить поведение людей лишь в терминах культуры и пренебрегает животной природой людей.

Приведу отдельные примеры удовлетворения автоматизма иерархического роста и демонстрации иерархической значительности:

* Это — пример многовариантности в моем собственном мышлении. Описанное здесь поведение Сталина с иерархической точки зрения производит иное впечатление по сравнению с политическим анализом его деятельности, который я обсуждал ранее (см. "Победитель коммунизма").

иллюзорное удовлетворение (моделирование в сознании соответствующих волевых ситуаций — мечты, мания, радость болельщика за спортивную команду при ее успехе, вера в какой-либо особый свой талант, постоянное изыскание у себя каких-либо завидных качеств);

демонстрация обилия информационного суррогата и знания путей проявления (поучения, усложнение речи с употреблением научных терминов и со ссылками на малоизвестные факты);

демонстрация обилия волевого суррогата (случайное упоминание или хвастовство значительными знакомствами, подчиненными, детьми);

удовлетворение автоматизмов посредством больших затрат волевого и материального суррогата (роскошь, изыскание новых сопряжений автоматизмов);

демонстрация адаптированности стремления к иерархическому росту;

жалоба на случайные события или нечестные происки соперников как на объяснение иерархического неуспеха;

намеренное избрание иерархии явно низшей, чем можно было бы ("лучше быть первым в провинции...");

исследования причин успеха других людей с намеренным обращением внимания на случайное содействие успеху, нечестность, на помощь сильного покровителя;

намеренное принижение себя (самоуничижение: "Я маленький человек, а все же достиг чего-то");

демонстрация страданий, лишений и прочих волевых утрат, свидетельствующих и об устойчивости воли (если лишения были перенесены).

В простых волевых иерархиях первенство демонстрируется с помощью проявлений силы, активности; дробление иерархий делает более убедительной демонстрацию возможности не проявлять волю благодаря обеспеченности волевым суррогатом (расслабленная поза, замедленные движения, сонливость, в некоторых случаях — неподвижность). У многих народов телесная полнота — завидный иерархический признак, свидетельствующий о довольстве и отсутствии необходимости работать физически*. Замечу, что человеку

* Чернышевский в прошлом веке заметил связь подобных иерархических признаков с эстетическими оценками.

недостаточно раз убедиться в достижении желаемого положения: человек все время хочет убеждаться в этом и испытывает удовлетворение от подтверждений своего высокого положения, например, поучая, выговаривая кому-либо нижестоящему, доставляя и наблюдая страдания зависимых от него людей, наблюдая восторги поклонников или хотя бы ощущая внимание окружающих. Конкретные методы такого *иерархического подкрепления* каждый выбирает сам в зависимости от своей общей культуры и от характера иерархии, в которой он достиг успеха. Следует помнить и о том, что во многих случаях иерархическое подкрепление играет важную практическую роль в сохранении достигнутого положения.

Иногда люди пренебрегают "границами приличий" в стремлении к иерархическому подкреплению, так что их поведение вызывает насмешки или раздражение окружающих, но следует помнить, что это подкрепление — нормальная человеческая потребность. Поскольку есть иерархический инстинкт, постольку нужно его удовлетворение. Обычай отрицания самого существования этого инстинкта достаточно распространен, поэтому часто люди стыдятся его проявлений, стараются выбирать неявные, незаметные методы иерархического подкрепления.

Взаимопомощью людей в области удовлетворения инстинкта иерархического роста является вежливость. Как методика общения она весьма ценится, ибо многим приходится довольствоваться иллюзорным удовлетворением этого инстинкта. Вежливость — это демонстрация высокого иерархического положения собеседника, часто с акцентом на то, что он хотя бы в чем-то выше говорящего. Посредством такого волевого обмена можно взаимно возбуждать автоматизм корпоративности, демонстрируя отказ от соперничества. Вежливость проявляется в употреблении "любезных" речевых штампов. Характер этих речевых штампов переживает века. В русском языке устранили вежливое обращение "господин", но я часто слышал в беседах людей вежливость на новый лад: "начальник", "командир". Распространено символическое исполнение позы покорности (поклон). Известно этическое запрещение повернуться к собеседнику спиной — забавный атавизм в культуре, ибо на ценность обмена информацией поза говорящего мало влияет, но показать спину —

это реликтовая демонстрация своей силы, ибо лишь сильная воля может позволить себе роскошь невнимания к встречной воле.* Точно так же есть этическое запрещение продолжать обычные занятия при появлении чтимого лица или своим поведением выделяться из группы собеседников. Люди в среднем необычайно уязвимы, как только речь идет пусть о малейшем умалении в признании их иерархического положения, и те, кто принадлежит к средним и высшим слоям иерархий, весьма чувствительны к пренебрежению вежливостью.

Однако в низших слоях иерархий вежливость, по крайней мере пока, еще не получила широкого распространения (или там могут быть другие формы проявления вежливости, непонятные средним и высшим слоям). Можно себе представить, что необходимость проявлять вежливость к иерархически высшим приводит к восприятию вежливости низшими не как символической, а как действительной демонстрации покорности. Интересно в связи с этим наблюдение Евтушенко, который сделал замечание служительнице аэропорта в СССР по поводу грубого обращения с иностранцем. Ответом было: "А я что — на брюхе перед ним должна ползать?"** Весьма характерно, что в ответе служительницы вежливость уподобляется ползанию на брюхе, что, как известно, есть экстремальная поза покорности.

Замечу в связи с этим, что распространенные теперь жалобы на невежливость в России, как на следствие недостаточного воспитания, — неосновательны. Воспитание тут практически ни при чем. Дело в многочисленности иерархически приниженных людей в обществе, что неизбежно влечет распространенность черт поведения, свойственных низам иерархий. Власти в России слишком долго препятствовали свободному иерархическому развитию общества, в том числе росту полииерархичности, так что общество в целом оказалось иерархически придавленным. В такой ситуации можно

* Есть и другой биосоциальный смысл показа спины. Это может быть следствием доверия, а не пренебрежения. Мой кот обычно обзревает мир, сидя спиной ко мне, по-видимому оттого, что с моей стороны он защищен от опасных неожиданностей.

** Е.Евтушенко, "Невоспитанность воспитания.", Советская культура, 11.3.89.

тратить время и деньги на борьбу с невежливостью, ложью, мелким воровством и мелкими проявлениями агрессии, но это будут напрасные траты ресурсов. Лишь иерархическое раскрепощение общества может постепенно исправить ситуацию.

Заключая этот краткий обзор иерархических мотивов поведения, напомним о пределах иерархического успеха, о которых я писал в "Будущем России". Поскольку цивилизованные методы успеха связаны с накоплением суррогатов воли, то люди весьма успешные рано или поздно должны были приближаться к пределу не только своих возможностей накопления, но и к предельному количеству суррогатов, которые в принципе можно накопить. Так, волевой суррогат ограничен количеством живущих людей, материальный — суммарным богатством человеческого рода*. Хотя никто из известных истории иерархов не достигал этого предела накопления, но локально, т.е. в отдельной стране, предел бывал достигаем и те иерархи, которые не хотели ограничиться таким локальным успехом шли на захваты соседних стран и ужесточение приемов властвования. Это означало, что дальнейшие иерархические победы были разрушительны для самого слоя победителей и, в то же время, упрочение власти победителей влекло к принижению всех остальных. Лишь в последние два века человечество нашло способы практически неограниченного иерархического роста успешных. Я имею в виду демократический капитализм — строй, при котором успехом является не накопление произведенного, а активность самого производства. Социально важно при этом то, что успех производителей реален лишь тогда, когда есть сбыт, т.е. когда обеспечен иерархический рост, а не принижение остального населения или его существенной части.

* По-видимому, нельзя указать предела в накоплении информационного суррогата, ибо предел возможностей познающего наступает намного раньше. Впрочем, основные иерархические битвы, известные из истории человечества, разворачивались не в борьбе за знания.

Примеры удовлетворения отдельных автоматизмов:

Гомеостатические автоматизмы. Так я условно называю группу автоматизмов, обеспечивающих устойчивое состояние организма в его взаимодействии со средой, отвлекаясь от взаимодействия с другими волями.

Химический обмен организма со средой обеспечивается автоматизмами, связанными с питанием, дыханием, выделением и пр., включающими множество самостоятельных реакций органов и клеток. Например, дыхательные автоматизмы зримо представлены проявлениями воли, обеспечивающими движение соответствующих мышц, реакциями на химический состав воздуха, контролем и способностью обеспечения чистоты дыхательных путей (кашель, чихание и др.).

Как и во всем изложении, меня интересует лишь феноменология поведения человека: физиологические процессы, ответственные за возбуждение и проявление автоматизмов воли, не отвлекают меня. Большинство автоматизмов ощущений последовательно сопряжено с другими автоматизмами, при этом некоторые могут находиться в длительном возбуждении. Последовательное сопряжение автоматизма ощущений с иными автоматизмами часто таково, что возбуждение автоматизма ощущения возбуждает волю к избавлению от действия раздражителя: таково, например, ощущение боли. Интенсивность удовольствий и страданий зависит от объема воли, затраченной или не могущей быть затраченной на удовлетворение автоматизма, поэтому боль, которой не удастся избежать, обычно воспринимается как страдание, ибо затрата воли при удовлетворении автоматизма ощущения боли мала по сравнению с объемом воли, который не может быть затрачен для избавления от боли.

Среди гомеостатических автоматизмов следует назвать также автоматизмы обеспечения термостабильности, изоляционные автоматизмы (ответственные за анализ среды, с которой соприкасается индивидуум: реакция на запахи, наблюдение чистоты тела и др.) и автоматизмы отдыха: сон, расслабление мышц, поиск комфортных ситуаций и проч.

Иерархическая роль изоляционных автоматизмов. С этой группой автоматизмов связан ряд мотивов поведения, в том числе являющихся следствием устойчивых сопряжений с

автоматизмом иерархического роста. Такие оценки, как "нечистый", "дурнопахнувший", применяются как иерархические, причем не только как ругательства, ибо сопровождаются реальными ощущениями людей (возбуждением и чувством неудовлетворенности изоляционных автоматизмов). О представителях иерархических низов часто говорят, что они грязны и обладают дурным запахом. Иногда это справедливо, ибо далеко не все в этом сегменте населения преуспели в изощренности удовлетворения изоляционных автоматизмов. Иногда подобные отзывы слышны и о представителях дискриминируемых национальных меньшинств, несмотря на то, что многие из них не меньше прочих привыкли соблюдать чистоту. Той же природы исчезновение аппетита, если приходится делить трапезу с кем-либо иерархически низким или вкушать в обстановке, характеризующейся меньшей чистотой, чем данный человек привык. В Индии считали, что даже взгляд неприкасаемого оскверняет пищу.

Сопряжение изоляционных автоматизмов с иерархическими является примером сложного поведенческого мотива, унаследованного нами от животных предков. Именно так я оцениваю тот факт, что такое же сопряжение наблюдается у обезьян: взаимный поиск насекомых на теле допускается лишь при одинаковом иерархическом положении. (Можно, конечно, считать, что у обезьян такое сопряжение выработалось независимо и что у наших предков его не было. Тогда я скажу, что мы унаследовали способность к выработке такого сопряжения.)

В иерархических верхах существовали особые методики получения наслаждения от удовлетворения изоляционных автоматизмов: роскошные бани, частые или специальные купания и т. д. С изоляционными автоматизмами связаны ощущения при обнажении: по-видимому, человек до сих пор ощущает реликтовый протест против одежды и пребывает в связи с этим в состоянии неудовлетворенности, которой в патологических случаях дается выход, как правило, в сопряжении с сексуальным автоматизмом. (А может быть такое сопряжение подразумевается чаще, чем оно есть?) С этим же связана любовь детей к обнажению, употребление в высших слоях общества нежного белья, радость пребывания на пля-

жах и особая прелесть уединенных купаний без одежды. Можно думать, что проповедь нудизма (не везде понятная полиции) поможет избавиться от этого вида неудовлетворенности тем, у кого она сильна. С обнажением ныне связаны и ощущения нетривиальности поведения с точки зрения иерархических оценок.

Соперничество. Можно считать, что автоматизм волевого соперничества был когда-то активным потребителем воли. Соперничество осталось донныне и будет, полагаю, всегда, но методы его столь трансформировались, ограждены такими запретами, что, по-видимому, в этой области волепроявлений люди ощущают наибольшую неудовлетворенность. Драка и дуэль выходят из употребления в силу этических и правовых запрещений, война ныне допускает в основном корпоративное и не чисто волевое соперничество, хотя, конечно, дает возможность некоторого возбуждения и удовлетворения индивидуального соперничества. Спортивные состязания, по-видимому, потому и получили столь широкое распространение, что возбуждают волевое соперничество, но, во-первых, для достижения локальной радости и волевой разрядки в нынешнем спорте слишком силен регламент, а это значит, что должен быть контроль посредством сознательной воли, во-вторых, большинству людей (болельщиков) спорт дает не более чем иллюзорное удовлетворение автоматизма соперничества, подобно кинофильмам и детективным книжкам. Сам факт того, как популярно это иллюзорное удовлетворение, свидетельствует о том, насколько сильна накопленная неудовлетворенность. Правдоподобно допущение, что человек предпочел бы действительное удовлетворение иллюзорному, если бы такая возможность была, однако в оценке этого допущения следует считаться и с тем фактом, что иллюзорное удовлетворение инстинкта соперничества гарантирует от неиллюзорных потерь, так что для многих иллюзорное соперничество может быть предпочтительней. Я думаю, наша цивилизация многим обязана этой способности человека к иллюзорному удовлетворению.

Некоторую волевою разрядку при соперничестве люди получают ныне посредством ругани. Правда, и этот метод не отмер в основном в иерархиях, недалеко ушедших от чисто волевых, и в низших слоях иных иерархий. Волевая разрядка

достигается и перенесением волепроявления при соперничестве на иной объект: таковы битье посуды, хлопанье дверью или телефонной трубкой и т.п. Ругани подобна любая невежливость: отказ от вежливости, сообщение собеседнику мнения о его низком иерархическом положении или проявление невежливости действием (повернуться спиной, показать зад*, употребить жест, символизирующий сексуальное обладание), но для настоящей ругани характерно не просто сообщение своего мнения, а произнесение ругательств с криком или хотя бы с некоторым волевым напряжением.

Ругательства, в основном, представлены словами, символизирующими ничтожную и покоренную волю для характеристики низкого иерархического положения, злую волю для характеристики иерархической отверженности собеседника, и символами покорения и страдания для пожеланий. Символами ничтожности служат сравнения с негодными вещами, грязью, экскрементами** или с задней частью тела, как источником оных. Покоренную волю символизируют названия воли покоренных, иерархически низких, легко покоряемых. Общеупотребительно сравнение с падшей женщиной (являющейся волевым суррогатом каждого желающего, легкопокоримой), женскими гениталиями, как покоряемыми в акте. Могут использоваться названия и имена тех, кто не общезначимо, но в данный момент, в данной иерархии находится в низком положении. Таковы "еврей", "вейсманист", "отщепенец" (русское название индивидуалиста). Символами злой воли служат разные имена черта, врагов и названия мужского члена (как воли предположительно сильной и слепо настойчивой в покорении). Символами покорения служат различные названия полового акта, революционных и военных действий. Комбинации указанных символов, произносимые с известным волевым напряжением, весьма выразительны в том смысле, что чувствуется волевая разрядка у участников дискуссии.

* Демонстрация зада известна и у обезьян, как напоминание о высоком иерархическом положении обладателя оного. Пример употребления этого жеста у людей описан Сталиным (см. Речь на съезде колхозников — ударников).

** Сравните с ругательством обезьяны, обученной языку глухонемых в опытах.

Не слишком бурное обычно, но постоянное удовлетворение соперничества люди могут получать в семье. Часто семьи бывают весьма сварливы, и люди удивляются их прочности, не понимая, что удовлетворение соперничества, постоянная ругань также могут быть столь ценным видом волевого обмена, что обеспечат прочность семьи в противовес недостатку других объединяющих факторов.

Известная степень удовлетворения соперничества и поиска путей проявления воли достигается посредством игр, более или менее сопровождающихся волевой разрядкой. Споры об оценках иерархического положения, о ценности вещей или произведений искусства и т.п., научные дискуссии — все это приемы удовлетворения автоматизма соперничества, пусть частично иллюзорного, но все же помогающего человеку избавляться от гнетущей неудовлетворенности.

Стыд. Наличие у человека стыда издавна рассматривалось мыслителями как утешительное нравственное отличие от животных. Похоже, однако, что в своей биологической основе стыд — это не более чем охранительная реакция на случай возможных волевых утрат и иерархических потерь. Нет оснований говорить об отсутствии подобных реакций у животных.

Я говорю о двух видах стыда. Во-первых, этот автоматизм побуждает избегать чьего-либо присутствия во время таких проявлений, которые требуют известного сосредоточения воли. Таковы, например, дефекация, исполнение сексуального акта. Сосредоточение воли на эти проявления затрудняет возможность успешного соперничества при неожиданном нападении: поэтому необходимо либо выработать способность поддерживать в возбуждении автоматизм оценки, несмотря на сосредоточение (что, похоже, реализовано у многих животных), либо иметь автоматизм, побуждаемый к уединению от тех окружающих волею, со стороны которых возможно вступление в соперничество, что и наблюдается у человека в стремлении уединиться при дефекации, для сна, для вступления в сексуальный контакт. Требования этого автоматизма со временем обросли этическими предписаниями, подчас допускающими иллюзорное удовлетворение (мусульманская этика, например, предписывает хотя бы закрывать лицо во время сна, если недостижимо уединение).

Во-вторых, автоматизм стыда (как и совесть) защищает человека от таких произвольных проявлений, которые могут изменить иерархические отношения не в его пользу. Таковы отдельные признаки низших слоев иерархии: ложь, скупость, недостаточная изошренность в отношении к чистоте и даже предпочтение произведения искусства, не одобренного в данном слое иерархии. Стыдом ограждено и обнажение, и недостаток одежды; можно предположить причину этого: такое нововведение у наших предков, как одежда или набедренный пояс, сначала характеризовало (как и всякое нововведение) лишь более высокие слои иерархии, а в более поздние времена недостаток одежды означал бедность и иерархическую отверженность.

Поскольку иерархический стыд привел к сокрытию половых признаков, созерцание которых и раньше (хотя и в меньшей степени) являлось некоторым раздражителем, то можно не удивляться устойчивому сопряжению (а часто и замещению) стыда с сексуальным автоматизмом, тем более, что сокрытие усилило роль созерцания в сексуальном возбуждении. Стыдом ограждены признаки "тайной" иерархии по локальной сексуальной воле, и, в известной степени, информация о неуспехе в иерархии по сексуальной привлекательности.

Искусства. Методики комплексного возбуждения и удовлетворения автоматизмов известны как искусства. Их классификация основана чаще на способе воздействия, а не на том, какие автоматизмы возбуждает и удовлетворяет воздействие. Нетрудно заметить, что иерархия произведений искусства связана с тем, на какую иерархию людей рассчитано произведение искусства. Оценивая произведение, люди уже могут удовлетворять автоматизм иерархического роста, считая, скажем, что данное произведение приемлемо лишь для низших слоев иерархии, или, напротив, одобряя то, что, как им известно, является признанным в высоких слоях иерархии (поэтому очень часто отзыв "нравится" означает: "хочется, чтобы нравилось") — будем помнить, что в этом, в частности, — роль искусства в жизни человека. Оно помогает людям приобщаться к высшим слоям посредством приобщения к искусству, признанному в этих слоях.

Конечно, в оценках произведения исходят не только из того, какой иерархический слой признал это произведение хорошим. В первичных оценках произведения среди прочего играет роль информационное и эмоциональное богатство произведения, но вообще говоря, при оценке произведения искусства иерархические мотивы разного рода весьма сильны, но мало изучены. (Достаточно сказать, что сколь угодно точная копия Джиоконды никогда не будет оценена так же, как и оригинал.) Физиология восприятия сложных произведений музыки и изобразительного искусства остается тайной, поэтому более подробный анализ мотивов первичной, не-иерархической оценки невозможен.

В оценках произведения искусства обычно важно, сколь велик запас информационного суррогата у автора, — часто этот запас важнее в том, чтобы знать, каким не должно быть произведение. Кроме того, авторам важно знать, к каким воздействиям в данное время адаптировано восприятие того слоя иерархии, которому предназначается произведение: обслуживать высокие слои иерархии деятелю искусства труднее, ибо эти слои в силу большего знания искусства подвержены большей адаптации, к тому же автоматизм увеличения объема воли удовлетворяется в этих слоях иными методами.

Явления моды связаны именно с адаптацией. Замечу, что законодателями моды обычно являются те, для кого данный вид искусства менее всего служит удовлетворению автоматизма иерархического роста, а важен как таковой. Действительно, если какой-то вид искусства является методикой возбуждения и удовлетворения определенного автоматизма и попутно приобщение к этому искусству является удовлетворением автоматизма иерархического роста, то роскошь изменения моды могут позволить себе те, кто не рискует иерархическими потерями, отказываясь от стиля, приобщение к которому содействует возвышению в иерархии. Достаточно устойчивой является мода на то, что в основном служит демонстрацией иерархической значительности, такой, например, в искусстве украшать свое тело является мода на бриллианты, хотя и здесь наблюдается адаптация.

Произведения искусства переживают века, и это позволяет людям успешно приобщаться к вечности. Уверенность автора, что он творит для потомков, дает гораздо большее удовлетворение автоматизма иерархического роста, ибо личность незаурядная довольно быстро адаптируется к успеху в доступных ей иерархиях; будущее же всегда иерархически выше в оценках людей — само по себе интересно, почему это так.*

Сила искусства издавна использовалась людьми для накопления волевого суррогата, для направленного воздействия на партнера по волевому обмену: серенады и сладкие речи сопровождают сексуальные притязания, ораторское искусство помогает политику и энтузиасту благотворительной кассы, искусство рекламы обеспечивает сбыт товаров — примеры многочисленны и известны.

Стало привычным, что узурпаторы коллективной воли норовят подчинить себе искусство как важное средство накопления волевого суррогата: величие архитектурных форм и людских шествий возбуждает автоматизм покорности, литература и зрелища помогают диктовать людям пути проявления воли. Все эти приемы довольно быстро вызывают адаптацию к избранным узурпаторами средствам воздействия, а поскольку действенность раздражителя несмотря на адаптацию все же сохраняется при отсутствии других воздействий, то применяется запрещение неугодных видов искусств и произведений. Среди автоматизмов, важных для узурпаторов коллективной воли, особую ценность имеет

* Эти оценки, конечно, разумны, ибо объем воли сообщества растет с накоплением суррогатов, а также растет уровень цивилизованности общества, по крайней мере, в среднем. Но интересно, почему люди ощущают будущее, как нечто иерархически более высокое и без такого анализа. Впрочем, на Востоке более распространена презумпция о том, что прошлое — иерархически выше, быть может, в силу того, что именно в прошлом люди общались с богами. С таким отношением к прошлому связан подход к авторитету учителя. В системах знания, не нацеленных на развитие, авторитет учителя должен быть несомненно выше, ибо не предполагается, что ученик в целях развития системы должен перерасти учителя. Быть может, по тому, какие иерархические оценки люди в данном обществе дают прошлому и будущему, можно судить о существовании в этом обществе заметного потенциала развития.

автоматизм покорности — он представлен в характере людей сильнее, чем они хотят это показать из иерархических соображений. Удовлетворение этого автоматизма посредством религиозного экстаза доставляет людям великую радость, и узурпаторы коллективной воли всегда стремились использовать религиозные чувства, претендуя на божественное одобрение их власти, обожествляя себя, объявляя свои требования освященными высшей властью. Не всегда, впрочем, узурпаторы коллективной воли предпочитают союз с исконным адресатом религиозных чувств: если у людей насильно отнять божество, то освобождается значительная часть потенциала покорности, и любовь к земным вождям будет наградой тем, кто отнял у людей их богов.

Хотя я и говорил об искусствах, так, как будто понятно, что это такое, но на самом деле это совершенно неизведанная область для знания, выразимого в словах. Это можно видеть хотя бы по беспомощности и тавтологичности сочинений о музыке и изобразительном искусстве. Как стало известно недавно, эти искусства воспринимаются иным полушарием мозга, нежели речь, так что, возможно, они и недоступны для понимания посредством языка*. Однако нет сомнения, что попытки в этом направлении будут продолжаться, ибо нашему познавательному автоматизму трудно смириться с предположением о существовании запретных зон для знания, выраженного с помощью языка.

Волевая разрядка. Искусства всегда использовались для волевой разрядки. В некоторых случаях волевая разрядка достигается исполнением произведения искусства (танцы), в других — произведение искусства рассчитано на облегчение волевой разрядки зрителей (искусство боя быков и другие зрелища, возбуждающие бурную реакцию: крики, аплодисменты). Важным в волевой разрядке является смех (реакция на волевые контрасты), и есть специальные виды искусства для возбуждения смеха. Кстати, смех является и бытовым искусством, давая волевую разрядку и удовлетворяя автома-

* На тему о отдельных функциях полушарий мозга есть уже много работ, но все-таки это — лишь начало исследований в этой области. Думаю, что со временем будет получено больше данных о перекрестных связях между вербальными и невербальными способностями мозга.

тизм иерархического роста, ибо биологически смех — это реакция сильной воли на неуместный вызов воли слабой, т.е. биологическая реакция, защищающая слабого. Ценят шутников, и шутники иногда даже образуют свои мимолетные иерархии в компании.

Рыдания как волевая разрядка часто важны в жизни человека, но произведения искусства редко удовлетворяют этот автоматизм, хотя его возбуждение уже свидетельствует о силе воздействия. Как и другие автоматизмы, автоматизм рыдания иногда получает удовлетворение с помощью сознательной воли — многие люди понимают действенность этого вида волевой разрядки, и участие сознательной воли в иницировании рыданий становится привычным, проявляясь в бытовой истеричности. Рыдания, несмотря на эффективность волевой разрядки, обычно не воспринимаются как удовольствие, так как это разрядка при невозможности удовлетворения какого-либо автоматизма (соперничества, избавления от боли, автоматизма увеличения объема воли при волевых утратах и т.п.). Однако человек ощущает "облегчение" от рыданий.

Многообразны приемы волевой разрядки с вмешательством сознательной воли: ощущая невозможность проявить волю в желаемом направлении, человек старается отвлечься, направить волю на иную цель, а подчас сознательно употребляет психотропные средства, предназначенные именно для разрядки. Сознательно используются и некоторые другие естественные способы локальной волевой разрядки, которую можно считать просто избирательным возбуждением и удовлетворением некоторых автоматизмов. Таковы гимнастические занятия, употребление нюхательного табака, потягивание. В Средней Азии, например, весьма ценится потение, более интенсивное, чем это имело бы смысл для охлаждения тела, и дающее ощутимую волевою разрядку. В некоторых приемах подчинения автоматизмов сознательной воле используется волевая разрядка — такова флагеляция; впрочем, этот вид разрядки используют и без аскетических намерений (например, в русской бане). Помимо содействия воспитанию сознательной воли, регулярная порка юных деликвентов, обычная в прежние времена, влияла на поведение также благодаря волевой разрядке.

ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЙ АВТОМАТИЗМ И ИЕРАРХИЧНОСТЬ

Эволюционно — это автоматизм оценки встречной воли, усложненный способностью моделировать волевые ситуации (волевые — в широком смысле в силу принципа волевого детерминизма). Этот автоматизм, как и прочие, проявляется в возбуждении (интерес), в затрате воли на удовлетворение и состоянии удовлетворения. Интерес возбуждается как внешним по отношению к сознанию воздействием, так и в процессе моделирования волевых ситуаций в сознании или неосознанной мыслительной деятельности. Характер затрат воли на удовлетворение разнообразен: познавательный автоматизм сопряжен со многими другими, так что его возбуждение может приводить к различным действиям, равно как и удовлетворяться лишь посредством мыслительной деятельности. Удовлетворение познавательного автоматизма (как и автоматизма оценки) происходит посредством волепроявления в зависимости от характера познаваемой волевой ситуации (целевое применение познания) и влечет состояние удовлетворения, избавления от *беспокоящего интереса*.

Состояние удовлетворения в познании обычно характеризуется не только избавлением от беспокоящего интереса, но и приобретением некоторого количества информационного суррогата, более или менее пригодного для использования в будущем в форме *мнения* о том, что возбудило интерес, мнения, выработанного при удовлетворении интереса. Для достижения удовлетворения как такового правильность мнения требуется лишь в той мере, чтобы не возбудился очередной интерес — "правильно ли мнение?". Большая часть

известной мне интеллектуальной продукции человечества сконструирована с учетом этого критерия правильности. Именно, автор (писатель, философ, правовед, политик и т.п.) заботится об удовлетворении интереса своего или интереса читателя или слушателя так, чтобы не возник очередной вопрос "правильно ли?", т.е. стремится, чтобы люди приняли его мнение. Существует много приемов для достижения этого, например, длинные рассуждения, мало относящиеся к основному предмету, но адаптирующие сомнение, или обилие примеров. Вот сильный прием: довести интерес читателя до очень сильного возбуждения, а затем неожиданно простым способом удовлетворить его; встречая впоследствии иное мнение о том же, человек будет предпочитать то, которое он получил при столь ярком удовлетворении автоматизма, ибо эфемерная правильность отвлеченных неформальных суждений менее дорога, чем эффект локальной радости, хотя бы в воспоминании.

При этом следует помнить о презумпции честности сильной воли — это комплекс мотивов поведения, приводящий к тому, что познавательный автоматизм удовлетворяется мнением, которое высказано кем-то иерархически весьма значительным. С этим связано то, что многие древние теории познания включают сообщение авторитета в число источников познания. И это разумно, не как рекомендация, но как констатация действительной роли авторитетов в человеческом познании. Ситуация не сильно изменилась в наше время; лишь в некоторых точных науках мнение авторитетов невозможно принимать на веру, ибо выработаны формальные или экспериментальные критерии проверки.

Однако поскольку познавательный автоматизм обычно является служебным и должен обеспечивать человека оценками волевых ситуаций, постольку определенные, хотя и малодейственные требования к правильности познания обычно действуют и за пределами точных наук. В простейшем случае правильность оценки встречной воли устанавливается из практики и не составляет философской проблемы. При этом оценка встречной воли должна быть завышена, чтобы не было риска волевых потерь вследствие вступления в соперничество с более сильной волей. В то же время оценка должна быть не слишком завышенной, ибо чрезмерно завы-

шенные, из боязни риска, оценки мешают достижению цели (так, если каждую встречную волю оценивать по принципу максимальной оценки, то невозможно будет удовлетворить даже гомеостатические автоматизмы). Ясно, что индивидуумы, дающие заниженные оценки, обречены на гибель, а дающие неоптимальные — на неуспех: выживают и иерархически преуспевают лишь те, кто способен давать "правильные оценки" (т.е. не слишком завышенные).

Таков же критерий правильности мнения, удовлетворяющего познавательный автоматизм; требуется, чтобы это мнение не приводило к волевым утратам и содействовало волевым выгодам. Это означает, что в различных иерархиях и у различных людей оценка правильности мнения о волевой ситуации неодинакова, ибо мнение, приводящее к волевым выгодам одного человека, может привести к волевым утратам для другого человека. Оценка правильности мнений о подобных волевых ситуациях может быть различна даже у одного и того же человека в разные моменты времени, ибо (что часто забывают) сам этот человек является частью волевой ситуации, и ситуация будет иной, если изменилось волевое состояние человека (характер в данный момент, иерархическое положение и т. д.). Бывает, например, так, что человек дает неожиданные, казалось бы, противоречащие его характеру оценки правильности мнения лишь потому, что это мнение связано с ценными для него волевыми состояниями: скажем, добрый и пассивный человек может неожиданно высказать одобрение жестокости, если с наблюдением или исполнением жестоких действий связано воспоминание о силе возбуждения автоматизмов, ныне не удовлетворенных, о полноте волевой разрядки или об иерархическом успехе.

Разногласия в правильности мнений — один из наиболее распространенных возбудителей соперничества в цивилизованном обществе. Спорам о мнении не мешает даже понимание того, что спор часто ведется на разных языках, т.е. слова имеют различное значение в понимании спорящих, не говоря уже о том, что спорят об оценке не одной и той же волевой ситуации, а разных (вследствие того, что волевые состояния спорящих различны, а человек, дающий оценку ситуации, есть часть этой ситуации). Это не мешает спорящим считать, что о любой ситуации существует *единственно*

правильное мнение и даже пытаться навязывать такое мнение другим. Такой довольно устойчивый монизм в отношении к познанию привел к поискам того, что философы называют истиной. Примеры совпадающих мнений помогают верить в существование истины, особенно примеры мнений о ситуациях, в которых разница волевых состояний наблюдающих, по-видимому, малосущественна (например, толкование воспроизводимых экспериментов), или таких, которые моделируются специально так, чтобы исключить влияние волевого состояния наблюдателя или разноречивости терминов (формальные системы).

Это, однако, редкие примеры ситуаций, в которых истине можно приписывать те свойства, которые ей приписывают в традиционной философии.* Обычно же мнения (например, социальные, правовые, философские) даже не воспринимаются людьми "адекватно" тому, что хочет сказать автор. К адекватности способны стремиться лишь люди, у которых познавательный автоматизм достаточно силен и не мажоризируется в мотивах поведения автоматизмом иерархического роста или иным, но это редкое явление, и обычно человек оценивает правильность мнения с учетом того, *вежливо* ли оно к нему и к удовлетворяющим его иерархиям. Но с радостью принимает новое для него мнение, если оно открывает ему новые иерархические возможности в случае неудовлетворенности своим иерархическим положением.

В дискуссиях наиболее часты разногласия из-за различий в мнениях о развитии наблюдаемых или моделируемых ситуаций. Это связано с практическим индетерминизмом наблюдаемых явлений**. В приближении детерминизма, однако, развитие ситуации может моделироваться в сознании

* Отмечу, однако, распространенное в отношении экспериментальных наук заблуждение о том, что эксперимент способен подтвердить теорию. Знакомство с историей науки показывает, что вера в это многих приводила к заблуждениям. Эксперимент может подтверждать отдельные выводы теории и отдельные формулы в том интервале параметров, в котором проведена проверка, но никак не саму теорию.

** К практическому индетерминизму приводит обилие причин, вызвавших событие и неспособность знать эти причины и проследить все связи. От этого еще далеко до собственно индетерминизма.

с помощью правил, отражающих причинность. Эти правила (логику) считают правилами мышления. Однако традиционная логика далеко не всегда используется в качестве правил мышления. Мыслители понимают, что критерии правильности зависят от заинтересованности познающего, и ставят своей целью достижение "чистого" познания, свободного от влияния заинтересованности. Это труднодостижимо, особенно если предмет познания — дела человеческие. И те, кто хочет лишь использовать знание для достижения целей, пользуются не формальными критериями, а критериями соответствия практике и, еще уже, соответствия своим целям; им обычно неважно, по каким правилам ведется рассуждение, лишь бы оно приводило к желаемому для них результату.* В науке такие методы познания производят удручающее впечатление. Известно, как многие пытались в угоду религии или политике подчинить общечеловеческие познавательные ценности новым, связанным с практической заинтересованностью. Но это очень человеческий, естественный подход к познанию. Польза логики не только в том, что она суммирует приемы удовлетворения познавательного автоматизма, эмпирически следующие из ранее приобретенных знаний о детерминизме окружающего мира. Логика важна также как часть этики познавательной иерархии, и в этом качестве она используется в конструировании мнений при познавательном соперничестве. Авторитет логики весьма велик, а гордыня познавательной иерархии такова, что высказывается даже надежда, будто соблюдение логических правил дает гарантию правильности мышления, и есть крайнее мнение, что при этом можно обходиться без актов веры.**

* Рассуждая о советской судебной практике недавнего прошлого, я назвал такой подход "логикой цели". Правила рассуждений меняются в соответствии с целью из исходных посылок получить нужный результат (см. "Советский Союз и права человека")

** Я основываюсь, говоря это, на своих дискуссиях с Александром Вольпиным.

О СОЗНАНИИ И МЫШЛЕНИИ

Моя цель в этой главе — обсудить возможные черты модели зарождения сознания и сознательной воли. Как ни парадоксально, один из выводов моих размышлений — то, что совершенно неясно, о каком времени идет речь. Быть может, сознание зародилось задолго до появления человека, а быть может, много времени спустя после того, как наши предки приобрели "окончательные" анатомические признаки человека.

Здесь много путаницы в понятиях. Я разделяю понятия мышления, сознания и сознательной воли.

Определить мышление как любую переработку информации было бы слишком общо. Мозг пчелы перерабатывает информацию, руководит постройкой изящных, оптимально спроектированных сот и даже способен к коммуникации. Однако эти коммуникации и эта оптимальность — следствие генетически унаследованных программ.

Два фактора напрашиваются как основа определения мышления. Переработка информации с учетом ранее усвоенной мозгом информации и процесс научения. В машинных терминах это значит, что мышление можно определить, как способность создавать новые программы, дополнительно к генетически данным или хотя бы способность комбинировать эти врожденные программы. (Впрочем, первое покрывает второе.) Такое определение предпочтительно, ибо несомненно, что переход мозга к созданию новых программ — это существенный эволюционный скачок. Однако на этом определении можно остановиться лишь условно, ибо надо учиты-

вать возможность того, что врожденные программы переработки информации могут быть очень сложны и обладать достаточным качественным отличием от примитивных программ типа стимул-реакция для того, чтобы претендовать на признание их мышлением. Этим отличием в первую очередь может быть существенная неоднозначность реакций и возможность учета многих параметров для запуска определенной реакции, т.е. вообще говоря, врожденная способность выбора в зависимости от значений многих параметров. Итак, проще определить мышление как переработку информации с существенно неоднозначным результатом, а о способности творить новые программы и комбинировать врожденные говорить как о развитом мышлении. Остается неясным, с какого уровня эволюции мозга можно говорить о мышлении, но будет безопасно предположить, что, по крайней мере, млекопитающие обладают такой способностью.

Эта способность не обязательно связана с *осознанием мышления*, т.е. с наличием в мозгу наблюдающего отдела, способного хотя бы частично фиксировать работу мышления, понимать его и иногда направлять. Эволюционный возраст этого *сознания* также неизвестен, но будет разумно предполагать, что оно моложе мышления. Распространенное убеждение о том, что сознание присуще только человеку не следует всерьез принимать во внимание, ибо оно унаследовано от времен, когда эволюционная связь человека с животным миром была неизвестна и была немыслима. Это не значит, что это убеждение обязательно ложно, но как и в отношении других предрассудков, оно требует более тщательной проверки, ибо предрассудки влияют на критичность нашего мышления.

Я вижу лишь один довод, свидетельствующий как будто в пользу молодости сознания: сознание у человека наблюдает лишь относительно малую долю мышления и контролирует весьма малую долю поведения. Я имею в виду несомненную роль интуиции в мышлении человека, что означает, что мышление идет само по себе, изредка сообщая сознанию о результатах своей деятельности посредством "озарения", догадки, сновидения (как это было с Менделеевым, когда он искал периодическую систему элементов). Распространенное выражение "мне пришла в голову интересная мысль" озна-

чает именно это в менее драматическом варианте. Я также имею в виду распространенные случаи поведения человека без того, чтобы вполне отдавать себе отчет в мотивах поведения, но это в большей мере относится к вопросу о контроле сознательной воли, о соперничестве этой воли с автоматизмами. Однако не ясно, говорит ли сказанное однозначно об эволюционной молодости сознания.

Если сознание — это эволюционно предпочтительное свойство, факт лишь частичного контроля мышления сознанием может означать, что сознание родилось недавно и еще не получило достаточного развития. Но следует без предрассудков учесть и возможность того, что сознание не является эволюционно выигрышным свойством или не являлось таковым до теперешней стадии социальной эволюции человека, когда сознание и особенно сознательная воля стали столь цениться и, когда, похоже, эти свойства полезны для выживания в тех сложных условиях, которые люди, отчасти, сами себе создали. Тогда можно предположить, что сознание могло появиться давно, но не было эволюционного смысла для его чрезмерного развития, для того, чтобы оно стало тотальным контролером мышления и поведения. Это — привлекательная гипотеза, ибо несомненно, что во многих жизненно важных решениях во времена, предшествовавшие развитой цивилизации, мышление, не связанное контролем сознания, могло быть более успешным, полагаясь на инстинктивные пути проявления воли. Похоже, что в ситуациях, требующих быстрой реакции, мы и теперь полагаемся на решения мозга, не контролируемые сознанием. От того, быть может, так ценятся различного рода *навыки*, т.е. тренировкой заложенные в мозг программы, которым мы следуем автоматически.

Вера в то, что сознание может быть присуще только человеку, подкрепляется многими тезисами, обоснованность которых далеко не очевидна. Считают, например, что сознание непременно связано с языком. Однако утверждение об этой связи ни на чем не основано. Если мозг способен к переработке информации, то, значит, информация как-то закодирована в мозгу. Каким бы ни был этот код, если его может читать мозг, его сможет прочесть и внутренний контролер мозга — сознание, точно так же как наше сознание

читает код нашего мышления. Мы для этого пользуемся общественным языком или непосредственно представлением образов. Нет причин для того, чтобы отрицать возможность осознания мышления лишь посредством представления образов, если нет общественного языка. Поэтому следует согласиться, что отсутствие языка не есть обязательно свидетельство отсутствия сознания, даже независимо от того, используют ли животные иные формы коммуникации.

Здесь уместно напомнить о моей гипотезе о внутреннем, доречевом языке мозга (в моем подходе речь идет о дискретном коде мозга, не в согласии с теперешней научной модой, которая рассматривает мозг, как аналоговую машину.*) Согласно моему предположению, переработка информации в мозгу — очень громоздкая операция, если каждый раз надо считывать длинные кодовые последовательности, записывающие образы. Процесс будет существенно облегчен, если в мозгу будет существовать как бы картотека образов с их короткими именами, подобная нашему словарю с той лишь разницей, что при отсутствии речи или иного способа общения мозгу не нужна связь кодовых слов этой картотеки с артикуляционным аппаратом или иными средствами выражения. Это значит, что в мозгу будет свой собственный язык для внутреннего потребления, совершенно независимо от того, существует ли у данного вида развитое общение.

Если такой внутренний язык образовался в мозгу на какой-то стадии эволюции, то, во-первых, это резко повысило активность мышления, во-вторых, создало предпосылки для появления языка общения, ибо язык и концепция языка, включая скорее всего грамматику, в мозгу уже есть и нужно сделать лишь два шага: соединить этот язык со средством передачи информации и унифицировать его для употребления в обществе, ибо внутренний язык может быть свой у каждой особи.** В связи с этим интересно, что многие дети в

*See my *On Linguistic Brain Code*, 1985, and *Brain Code And Paleolinguistics*, 1986.

** Я упомянул врожденную грамматику, имея в виду, конечно, некую идею грамматики, а не конкретную грамматику какого-то общественного языка. Такая идея грамматики должна присутствовать в мозгу независимо от наличия языка или предязыка просто для оперирования образами при пере-

раннем возрасте, до того как они освоили язык, склонны к словотворчеству, которое в силу раннего их возраста не может быть собственно творчеством (игрой), и, думается мне, должно иметь биологическую основу. Именно этот "предъязык" может быть собственным внутренним языком ребенка, и только языковая атмосфера, в которой развивается ребенок, корректирует этот предъязык, добивается унификации внутреннего языка с общественным. Естественно возникает вопрос, не случается ли так, что образовавшийся у ребенка внутренний язык остается и в дальнейшем как бы его родным языком (даже при утрате связи с артикуляционным аппаратом) притом, что язык общения с окружающими выучивается ребенком как дополнительный, как бы иностранный. Правомерен вопрос, не случается ли этого со всеми.

Изучение явления синэстезии может дать очень много для понимания происхождения методов коммуникации у животных и может быть полезным для понимания того, как возник язык. Одно из проявлений синэстезии — способность некоторых людей чувствовать, например, цвета при восприятии звуков. Если мозг пользуется кодом для записи ощущений, а каким-то кодом мозг определенно пользуется, и если физическая природа этого кода не различна для каждого вида ощущений, то в норме должны быть барьеры между областями мозга, ведающими разными ощущениями. Без таких барьеров мозг не сможет продуктивно перерабатывать информацию, ибо записанные в памяти кодовые фразы, выражающие определенное ощущение, будут прочитываться в областях мозга, ведающих всеми другими ощущениями и мозг будет не в состоянии разобраться, к какому ощущению относится данная кодовая фраза. Частичное нарушение действия этих барьеров, по-видимому, и ответственно за синэстезию. Легко представить себе, что эффективность барьеров может оказаться нарушенной не только между областями мозга, ведающими ощущениями, но вообще меж-

работке информации. Естественно, если эта идея грамматики отражает отношения действий и объектов в воспринимаемом мире. Применительно к общественному языку о врожденной грамматике см. работы Хомского.

ду любыми областями мозга, способными к прочтению кода определенного вида. У таких особей кодовая фраза, записанная в памяти ощущений, может быть прочитана, скажем, в области мозга, ведающей моторной сферой и т.п. Я не знаю, происходит ли это, но прошу читателя воспринять сказанное как модель обобщенной синэстезии, построенную по аналогии с известными явлениями.

Применю эту модель к объяснению пчелиного танца — вида коммуникации, при котором пчела с помощью телодвижений сообщает сестрам местонахождение пищи. После успешного разведывательного полета пчела А, очевидно, имеет в памяти кодовую запись направлений и расстояний пути к найденному источнику пищи. Наличие принесенной порции пищи — это уже сообщение прочим пчелам о находке. Не было бы удивительным, если бы пчела А, возбудив внимание сестер, снова отправилась в полет, увлекая их за собой. Возможно, так оно и делалось когда-то. Но возможно, благодаря каким-то мутациям, появились пчелы с синэстетической способностью, так что кодовая запись координат желанного места прочитывалась моторной сферой в форме танца сразу по возвращении пчелы-разведчицы в гнездо. При этом, если сестры обладали тем же синэстетическим качеством, исполненный танец мог быть прочтен и записан в их мозгу той же кодовой фразой, что породила танец, т.е. фразой, содержащей координаты. Далее не трудно предположить, что посредством отбора это свойство должно было закрепиться, ибо оно давало преимущество пчелам с синэстезией этого рода в использовании дальних источников пищи.

Описанная модель кажется мне разумной. Подобным же образом могли появиться иные виды коммуникации в животном мире, в частности, танцы-рассказы первобытных людей. Для ясности полезно сделать выбор между двумя концепциями, хотя они не обязательно исключают друг друга:

1. Способность к коммуникации появляется, потому что коммуникация понадобилась, или

2. эта способность развивается вследствие каких-то генетических изменений, а затем закрепляется в потомстве, т.к. оказалось, что она полезна.

Возможно, мы никогда не узнаем ответа на этот вопрос, но при построении гипотез важно указать, к чему склоняется автор. Я скорее принимаю вторую возможность и думаю, что различие этих концепций сказывается на развитии теорий языка. Так, например, постулат де Соссюра о произвольности языкового знака, понимаемый в широком смысле, вряд ли совместим со второй концепцией, ибо из нее с разумной вероятностью следует, что природа, точнее биологическая эволюция мозга, предоставляет обществу определенные виды языковых конструкций, и общественное соглашение играет второстепенную роль в выборе из этого ограниченного числа возможностей. При этом, я думаю, что многие черты языка могли развиваться на биологической основе параллельно у разных народов, так что сходные характеристики языка вовсе не обязательно свидетельствуют о языковых контактах в прошлом.*

Вернусь к вопросу о предполагаемой связи языка и сознания. Выше я пытался убедить читателя в возможности того, что сознание может существовать без языка. Не менее интересен вопрос, может ли язык существовать без того внутреннего наблюдателя мышления, которое я определил как сознание. Ясно, что разные виды "доязыковой" коммуникации могут существовать независимо от сознания. Вопрос о языке упирается в определение языка. На эту тему есть громадная литература, и я не буду пытаться выступать судьей в споре между разными школами. Замечу лишь, что многие, если не почти все, определения языка даны в предположении, что лишь человек обладает языком и в предположении связи языка и сознания.

Определение языка, а равно и ответ на вопрос о языке животных — гораздо проще, если принять мою гипотезу о внутреннем кодовом языке мозга (предъязыке). Тогда можно сказать, что каждый вид животных, обладающий предъязыком, обладает также потенциальной способностью иметь

* В цитированных выше публикациях я обсуждал эти вопросы подробнее, включая экспериментальные данные о связи речевого и зрительного кодов мозга, что является подтверждением того, что развитие языка связано с эволюцией мозговых структур.

язык общения. Дело лишь в технике коммуникации, ибо не у каждого вида она достаточно развита, а также в том, чтобы каждая особь научилась переводу со своего предъязыка на общественный и обратно или чтобы в качестве предъязыка мозг с детства выбирал общественный язык в кодовом представлении (впрочем, не исключено, что предъязык может быть общим в популяции). Поскольку вопрос о потенциальной способности животного иметь язык более интересен, чем вопрос о том, реализовалась ли эта возможность в конкретных случаях, то мое любопытство было бы удовлетворено доказательством того, что какое-то животное обладает предъязыком. Такого доказательства у меня нет, но тема заслуживает обсуждения.

Открывая себя для самой гневной критики, ограничусь рабочим и заведомо узким определением языка, как достаточно большого набора символов, несущих информацию об объектах и их отношениях, при том что эти символы и их отношения понятны кому-либо, кроме "говорящего", и при том, что "говорящий" знает, что передаваемая им информация может быть кем-то понята. По первому признаку — наличию достаточно большого набора символов — естественными кандидатами для изучения являются, если ограничится звуковой коммуникацией, те животные, которые способны издавать некоторое количество элементарных звуков, скажем, порядка десяти, и способные к воспроизведению неврожденных комбинаций этих звуков. Дальнейший анализ должен установить, используются ли эти звуки для коммуникации. В отношении языка жестов или танцев можно сформулировать подобные соображения, с той лишь разницей, что известные опыты по обучению обезьян языку жестов практически разрешили вопрос о способности к языку в том смысле, как это выражено моим рабочим определением. Интересен, конечно, вопрос о том, реализовалась ли эта способность в естественных условиях, есть ли у обезьян этого вида какой-то собственный язык.

Тут может возникнуть дискуссия о том, какая степень сложности достаточна для того, чтобы система коммуникации называлась языком. Следует напомнить, что даже в примитивных человеческих цивилизациях язык развивался вместе с развитием цивилизации, если только он не возник

позднее, уже при развитой цивилизации, что, конечно, весьма возможно. В любом случае язык вряд ли возник сразу с той степенью сложности, которая характерна теперь даже для сравнительно малоразвитых языков. Вопрос в том, с какой стадии развития человеческий язык мог бы называться языком, если бы мы могли проследить всю историю его развития.

Я думаю, следует помнить, что язык животных, если таковой сыщется, вполне может оказаться качественно менее развитым, чем самый простой человеческий язык, ибо он был лишен возможности развиваться вместе с общественными отношениями, вместе с культурой.

Предположим, однако, что нашелся вид животных, имеющих язык. Достаточно ли этого для вывода о наличии у этих животных сознания, т.е. внутреннего наблюдателя мышления? Думаю, что нет. Нет причин, чтобы считать, что мышление не может проявлять себя в языковой коммуникации без помощи сознания. Мало того, не исключено что у людей нередко речь выходит из-под контроля сознания или, по крайней мере, из-под контроля сознательной воли.

Все эти длинные рассуждения имели целью поставить под сомнение широко распространенные тезисы о непременной связи существования мышления, сознания и языка. Нет также оснований для веры в то, что перечисленные способности присущи только человеку. Мало того, разумно ставить под сомнение даже догму о том, что человек как биологический вид всегда обладал языком и развитым сознанием — я эту догму здесь не опровергаю, я лишь утверждаю, что нужны доказательства, а пока их нет — полезно обсуждение разных вариантов. Многие в науках о человеке надо строить, сначала расчистив для этого место. Тысячелетия веры в преувеличенную исключительность человека привели к обилию предрассудков в этой области, поэтому с таким трудом пробивают себе дорогу идеи о связи "духовной жизни" человека и его поведения с биологией его организма.

МОДЕЛЬ И РОЛЬ ПРИМИТИВНОГО СОЗНАНИЯ

Определив сознание как наблюдателя, а сознательную волю, в частности, как контролера мышления, я, естественно поставил себя перед вопросом о том, в какой мере сознание способно наблюдать, а сознательная воля — контролировать. Ясно при этом, что сознательная воля зависит от наличия сознания и не могла появиться раньше него, ибо контроль должно предшествовать наблюдению. Условный показатель того, какая часть деятельности мышления охвачена наблюдательной активностью сознания, назову мощностью сознания, приписав этому показателю предельные значения 0 и 1, так что 1 соответствует полному охвату мышления сознанием, а 0 — отсутствию сознания. Если будут найдены способы измерения этой величины, я не удивлюсь весьма скромным, близким к нулю результатам для среднего человека. Такое ожидание прежде всего основано на понимании того, что мозг руководит нашим поведением используя много процессоров, говоря машинным языком, т.е. деятельность мышления протекает одновременно во многих областях мозга. Наблюдатель же — всего один, он может состоять не из одного единственного процессора, но все-таки не в состоянии считывать информацию одновременно со всех процессоров мышления*.

* Не исключено, что развитие сознания идет в сторону увеличения числа процессоров сознания. В наше время не являются редким исключением люди, способные, скажем,

Сознание без сознательной воли можно сравнить со сканирующим радиоприемником: приемный контур такого устройства все время меняет частоту, останавливаясь на короткое время, когда находит работающую радиостанцию. Времени остановки достаточно, чтобы мы могли сделать выбор, остановить сканирование и слушать найденную станцию. Сознательная воля подобным же образом может остановить сканирование разных процессоров, и тогда сознание сосредоточится на наблюдении мышления на определенную тему. Мало того, сознательная воля может направлять мышление на эту тему, вовлекать в дело поисковый механизм памяти и т.п., что будет означать, что мы начали думать на выбранную тему. Это уже волевой акт, в отличие от пассивного наблюдения наших мыслей на разные темы.

Чтобы подчеркнуть, что намеренная концентрация мысли (думанья) на определенной теме есть волевой акт, продолжу аналогию со сканирующим радиоприемником. Представим себе, что этот сканер не подчиняется нашему контролю: проходя частоты диапазона, он останавливается на каких-то частотах станций дольше по своему выбору. Такая ситуация возможна в случае сознания: если что-то беспокоит человека, мысли на одну и ту же тему могут "лезть в голову" (само наличие такого выражения свидетельствует о распространенности этого явления не только в

разговаривать с кем-то и читать одновременно. Обычной является способность одновременно воспринимать зрительные образы и речь, делая к тому же выводы о душевном состоянии собеседника. Для контраста напомним, что в теории познания ньяйи утверждалось: "даже, когда имеет место контакт более чем одного органа чувств с их соответственными объектами, тогда все-таки не бывает одновременного восприятия всех этих объектов." (С.Радхакришнан, Индийская философия, М. 1957, т. 2. стр. 40.) Утверждение древних текстов о том, что ум может воспринимать лишь по одному каналу информации в каждый момент, могло быть теоретической презумпцией, но не исключено, что это — свидетельство однопроцессорности сознания в то время. Тут я покушаюсь на еще одну устойчивую догму, а именно веру в то, что биологическая эволюция мозга не может идти так быстро, чтобы можно было заметить разницу за 2-3 тысячи лет.

патологии, когда говорят о навязчивых состояниях)*. Требуется волевой акт повышенной силы, чтобы "отогнать от себя" нежеланные мысли и сконцентрироваться на избранном предмете размышлений.

Полезно, впрочем, сделать оговорку относительно свободы выбора такого предмета. Эта свобода очень ограничена, даже если нет проблем, подобных описанным в предыдущем абзаце. Дело в том, что мы можем избрать для размышлений лишь ту тему, которая предложена нашим сканером или внешними воздействиями. Забавно, что я был поражен такой несвободой, когда осознал ее.

Тот факт, что часто мы делаем записи с напоминанием себе о чем-то, а также то, что о некоторых вещах мы думаем редко, означает ограниченность диапазона нашего сканера, и, следовательно, свидетельствует о еще меньшей мощности сознания. Мы не только не можем наблюдать одновременно, что происходит в разных процессорах мышления, мы даже "не помним" обо всех процессорах, т.е. не сканируем их достаточно часто. Неочевидно, впрочем, что речь всегда идет о сканировании мыслящих процессоров, быть может, во многих случаях сканирование неотличимо от осмотра залежей памяти. Однако, если верить психоаналитикам, которые являются пионерами в исследовании того, что обычно не попадает в поле зрения сознания, за пределами сознания оказываются подчас не просто неприятные записи, нейтрально хранящиеся в памяти, но записи, влияющие на поведение и самочувствие, т.е. записи, участвующие в мышлении, не контролируемом сознанием.

У меня не было цели указать способ оценки мощности сознания, но полезно было отметить, что разумно искать эти

* Это показывает, что работа сканера мыслей лишь частично стохастична. Мозг хитро направляет внимание сознания на то, что в данный момент важно для организма. Например, мы можем не чувствовать голода, но мысли об определенной еде или компоненте пищи "приходят в голову", если мозг заметил, что наша диета несбалансирована. Неясно, впрочем, замечает ли мозг в таком случае лишь неудовлетворенную нужду организма в определенном компоненте пищи или также и неудовлетворенность, связанную со следованием привычке к этому компоненту; скорее всего и то и другое.

оценки ближе к нулю, ибо наше сознание в очень малой степени наблюдает мышление. В этом смысле о сознании современного человека, возможно говорить, как о примитивном, за исключением, по-видимому, дисциплинированного сознания тех, кто проводит много времени в размышлениях на избранную тему.

Но в названии этой главы я имел в виду еще более примитивное сознание, по мощности почти равное нулю, т.е. лишь начинавшееся сознание, к обсуждению модели которого я и перейду после следующего замечания о скорости развития сознания. Вот что я имею в виду. Если сознание развивалось постепенно, а не появилось скачком сразу в современном объеме, что мало вероятно, то можно говорить о скорости развития мощности сознания (скажем, если 10 тысяч лет назад эта мощность была практически равна нулю, а теперь она существенно отлична от нуля для людей с наиболее развитым сознанием). Интересен вопрос, шло ли развитие более или менее равномерно. Вопрос, скорее всего, неразрешимый, ибо очевидны трудности измерения даже современного сознания. Однако изучение скачков в развитии культуры может дать материал для гипотез.* Не менее важен вопрос о территориальной неравномерности роста мощности сознания. Я думаю, мы гораздо лучше поймем взаимоотношения древних народов, если будем принимать во внимание этот фактор. Ниже я обсуждаю модель развития примитивного сознания в связи с развитием религии.

Развитие сознания и религия. Представим себе существо с только что зарождающимся сознанием, т.е с маломощным

* Не исключена гораздо меньшая роль сознания в жизни людей еще тысячу лет назад. На эту мысль наводит меня тот факт, что вплоть до последних веков, распространенным было мнение о том, что мышление сосредоточено в сердце, хотя еще в древнем Египте были известны данные о том, что это не так. Как известно, частота сердцебиения меняется при стрессовых ситуациях, какими могут быть любые необычные события. Если древние думали, т.е. сознательно контролировали работу мышления, редко, то каждый акт такого контроля мог восприниматься как необычное событие, как стресс, отражающийся на частоте сердцебиения, поэтому было естественно сделать вывод о связи думанья с сердцем. Я думаю, это совсем спекулятивное соображение заслуживает сноски.

наблюдателем, начинающим наблюдать не только мышление, но и движения членов собственного тела, причем сила сознательной воли пусть пока равна нулю. Этот наблюдатель заметит, что в отношении всех окружающих объектов мышление имеет презумпцию волевого детерминизма, так что одним из первых актов сознания будет признание множества волей, окружающих существо, т.е., строго говоря, *религиозное сознание* должно было появиться вместе с самим сознанием, ибо ему предшествовало *религиозное мышление*. Пока это сознание одухотворяет все окружающее, но это — защитный прием, заимствованный от предыдущих стадий развития мозга, это еще не попытка объяснения. Потом, наверно много позже, эти персонифицированные явления, существа и объекты станут богами с той степенью свободы воли, которая будет доступна для понимания развивающимся сознанием, и станут объяснением причин тех или иных событий. Наблюдая движения своих членов, контролируемые мозгом, но не сознательной волей (!), сознание должно было приписать этим членам их собственную волю, т.е. должно было принять принцип локальности воли. Этот принцип должен был в своем развитии породить соответствующих богов. Многорукие и многоголовые боги, сохранившиеся в некоторых пантеонах, по-видимому — наследие такого обожествления членов, равно как и боги фаллоса и ктеиса. Но принцип локальности воли оставил о себе более четко зафиксированную память: членовредительство, как наказание провинившейся локальной воли.

Между тем начала развиваться сознательная воля. Постепенно люди научались сознательно руководить движением своих членов и игрой страстей. Естественно, если боги их членов и боги их страстей начали подчиняться верховному богу, тому, кто появился и усилился с ростом сознательной воли, т.е., если угодно, богу власти человека над собой, хотя ни в каком пантеоне он, кажется, так не назван. Так же как и непослушные страсти, боги страстей подчинялись своему владыке не всегда. Так же как страсти природы оставались вне контроля человека, за пределами в общем дружелюбного пантеона признанных богов оставались во многих религиях силы хаоса, разные нечетко очерченные, но потенциально грозные существа, побежденные в данный момент признанны-

ми богами, но готовые восстать в случае недосмотра стражей, подобно тому, как выживший человек более или менее отвоевал свою экологическую нишу, но страшился восстания стихий.

Однажды проявившись, быть может, как забавная мутация, сознательная воля должна была довольно быстро доказать свою пользу для выживания и успеха человека. Развитие ее шло несомненно не только благодаря индивидуальному отбору, но и в силу общественных требований, а также благодаря отбору, действовавшему против популяций, которые своевременно не озаботились должным развитием этого эволюционного приобретения (следует, однако, помнить и о том, что древние цивилизации, бывало, разрушались дикими племенами; ниже я пишу о реванше сильных). Так или иначе во многих молодых цивилизациях сила сознательной воли становится важным иерархическим признаком, т.е. условием успеха, а минимум сознательной воли — следование запретам обычного права — становится условием выживания в обществе. Этот новый этап в развитии мозга также отразился в религии. Уже нельзя было терпеть не всегда послушных богов страстей. Главой мира без соправителей должен был стать бог сознательной воли, единый бог, запрещающий поклонение всем другим богам. (Интересно, что в иудаизме, одной из первых монотеистических религий, запрещается именно поклонение другим богам, причем по активности божьего гнева против нарушителей этого завета можно судить, что существование других богов не отрицалось. Я основываюсь на пятикнижии, отвлекаясь от последующих толкований.) Важно помнить, что монотеизм стал не только отражением победы сознательной воли в системе человеческих ценностей, но и весьма мощным инструментом усиления этой воли, благодаря обилию этических запретов, подавляющих социально неприемлемое проявление автоматизмов, и благодаря устрашающим обещаниям божьей кары тем, кто эти запреты нарушает.

Такова, как мне кажется, разумная модель развития религии, как отражения роста сознательной воли человека, модель, учитывающая унаследованный от прошлых стадий эволюции принцип волевого детерминизма. О происхожде-

нии иерархии богов и монотеизма было высказано много гипотез. Наиболее распространенными подходами, не считая ссылок на божественный авторитет, являются две концепции. Одна связывает появление верховного бога с появлением государства, другая — с началом животноводства, имея в виду, что пастырь, направляющий овец мог послужить моделью верховного бога. Обе эти модели имеют в виду иерархическое моделирование, и это — их слабое место. Иерархическая модель, подобная пантеону с верховным богом существовала задолго до государства и овцеводства. Я имею в виду патриархальную семью с четко выраженными иерархическими отношениями, однако такая семья не послужила моделью иерархического пантеона. По-видимому, для возникновения иерархического пантеона богов и для монотеизма было недостаточно просто наличия примера иерархической структуры.

Развитие сознания и познание. Если, следуя моей гипотезе, о развитии сознания и сознательной воли можно судить по отражению этого процесса в истории религии, то придется признать, что сознательная воля заметной силы — весьма молодое приобретение человеческого рода. Еще 2-3 тысячи лет даже сравнительно высоко цивилизованные люди поклонялись богам-страстям, не имея достаточно силы сознательной воли, чтоб покорить их. Сознание, между тем, могло развиваться с изрядным опережением, однако не исключено, что это был не слишком постепенный процесс, и что за последние несколько тысяч лет человечество совершило резкий скачок по уровню средней мощности сознания или по, крайней мере, по уровню силы той компоненты сознательной воли, которая ответственна за направленное мышление. Я основываюсь на том факте, что основные достижения человеческого познания датируются последними тысячелетиями, если говорить о накоплении чисто человеческого знания.

Однако этому предшествовал очень важный период перевода на человеческий язык и абстрактного понимания знаний, накопленных мозгом за миллионы лет эволюции, предшествовавшей человеческой цивилизации. Мозг докультурного существа, будь то приматы или их предки, наделен громадной информацией для руководства процессом обучения и для использования приобретенной информации.

Эти существа рождаются с готовым знанием или готовой способностью к знанию о возможных типах отношений между многими объектами и действиями. Это значит, что неосознанному мышлению этих существ ведома практическая логика, отражающая причинность окружающего мира. Стадным животным ведома социология иерархических отношений, а львы и волки знают практически ценную для них часть массовой психологии съедобных стад и весьма умело используют эти знания во время охоты.

Вот пример. Можно считать достижением человеческого познания, понимание того, что если A меньше B и B меньше C , то A меньше C . Между тем лошади давно знают эту иерархическую аксиому. Для лошади A незнание этой аксиомы означает быть ударенной копытами дважды, вместо одного раза в процессе установления иерархических отношений (т.е. и лошадь B , и лошадь C), причем сильный удар, нанесенный беременной лошади, может привести к выкидышу, так что знание некоторых логических положений важно и для выживания потомства. Несомненной заслугой человеческого познания является формулировка приведенного положения в абстрактной форме.

Можно считать, что абстрактная формулировка богатств практического знания, накопленных эволюцией — это предварительный этап познания. Хотя видно, что человечество давно перешло к следующим этапам развития познания, я не уверен, что этот предварительный этап исчерпал свои возможности. Не исключено, что самонаблюдение мозга может обогатить наши знания, даже несмотря на наличие иных методов.* Напомню, в частности, что некоторые типы зна-

* Тут надо помнить, что люди изрядно различаются по уровню контроля сознательной волей и по уровню развития сознания. Это следует помнить психологам, если они используют метод самонаблюдения для познания человека. Обладая, как правило, более или менее тренированным интеллектом и, часто, усмирёнными страстями, психолог вряд ли может адекватно судить о среднем человеке, исходя из самонаблюдения. Быть может, об этом следует помнить всем, кто судит о человеке и обществе, быть может, самонаблюдение ученых высокой степени культуры ответственно за стойкость идеализации человека, за стойкость веры в то, что человек — исключительно продукт культуры.

ния, ведомые мозгу, до сих пор не заимствованы сознанием и не могут быть выражены посредством языка, например, принципы прочтения информации, передаваемой взглядом, физиогномические навыки суждения о людях, а также правила выбора сексуального партнера, когда выбор совершается без контроля сознания (скажем, любовь с первого взгляда).

Нечто считается познанным, если оно выражено словами и доведено до сведения людей. Поэтому не только запасы знаний, накопленных мозгом в дочеловеческий период, но и опыт человеческой цивилизации подлежал описанию и каталогизированию, прежде чем известное стало считаться познанным. Например, все или почти все, что каталогизировал Макиавелли, было известно тиранам в течение тысячелетий, но познанными эти приемы властвования стали лишь после описания. Это, если угодно, второй предварительный этап в познании мира человеком, и работа этого периода определенно не закончена во многих областях, несмотря на то, что некоторые науки ушли в познании мира намного дальше. К этому второму предварительному этапу познания следует отнести и языковые игры, а именно, жонглирование словами и попытки понять, что можно и чего нельзя выразить естественным человеческим языком. В результате этих поисков стало понятно, что наш язык во многом не приспособлен для точных наук, следствием чего была необходимость создания подходящих для этих целей формальных языков и формализованных моделей. (Это, впрочем, потребовало этапа жонглирования формулами и до сих пор неясно, каковы пределы применимости этих формализованных методов, особенно в том, что касается науки о человеке и обществе.) Наш язык также не приспособлен или пока не приспособлен для адекватного выражения чувств, связанных с образным мышлением, в частности, с восприятием музыки и изобразительного искусства, а также понимания особенностей поэтического восприятия.

Преодоление накопленного мозгом знания. Освоение знания, накопленного предшествующей эволюцией несомненно заложило фундамент человеческого знания не только в субстанциональном, но и в процедурном плане. Целеполагание познания, т.е. способность задавать вопросы природе и собственному мозгу, была заложена в нас природой в виде

познавательного автоматизма, развившегося из автоматизма волевой оценки. Правила процесса познания были также унаследованы нами. Однако многое в этом наследии человека познающему пришлось ревизовать и преодолеть.

Подчеркну, что речь теперь идет об интеллектуальной элите человечества. Средний человек даже в наше время использует в обыденной жизни познавательный опыт мозга, накопленный в предыдущие эпохи, возможно лишь с некоторой модификацией. Чтобы сказанное не звучало пренебрежительно к среднему человеку, напомним, что каждый из нас получил свой мозг в наследство от многих миллионов предков, *выживших* достаточное для оставления потомства время, т.е. получил этот мозг, как, быть может, триллионы раз проверенный инструмент выживания. Неудивительно, что подобный инструмент может обеспечить выживание человека подчас в весьма неожиданных и неблагоприятных условиях. Поэтому среднему человеку и не нужно изощряться в развитии познавательного автоматизма, не нужно модифицировать заложенные природой процедуры познания.

Однако для развития наук такая модификация оказалась необходимой. Оказалось, что те познавательные процедуры, которые обеспечивают выживание, не могут всегда обеспечить уровень познания, удовлетворяющий ученого. Это — интереснейшая проблема для подробного анализа, но здесь я лишь ограничусь иллюстрациями ее существования.

Замечу, что проблема имеет практическое значение для развития методов взаимопонимания людей. Дело в том, что интеллектуальная элита, модифицировавшая природные процедуры познания и усовершенствовавшая язык описания познанного, в известной мере отгородила себя от остального человечества. Это подобно утрате взаимопонятного языка воли у далеко отстоящих друг от друга слоев иерархии. Однако, если короли и нищие не понимают друг друга, то это — меньшая беда, чем если на разных языках говорят учителя и ученики. В известной мере интеллектуальная элита является учителем общества, по крайней мере, учителем в области поиска новых путей проявления воли. Мало того, эта элита поставляет школьных учителей и, хотя теперь получилось так, что учителя, по крайней мере в государственных школах, — это низший слой интеллектуальной элиты, тем не

менее, слой этот во многом усвоил те качества мышления, которые ответственны за отрыв элиты от человечества. Эта проблема шире, чем просто различие в процедурах познания. Интеллектуалы привыкли считать себя более или менее чистым продуктом культуры, забывая о том, что они — животные, сдобренные культурой, и о том, что остальное человечество — тоже животные, сдобренные культурой в меньшей степени. В результате, интеллектуалы распространяют на все человечество модель чистого продукта культуры, модель, которую они придумали для себя в своем самолюбовании. Модель эта несомненно мешает им понимать самих себя, но это их проблема. Социально более важно то, что они не в состоянии понимать своих потенциальных учеников, т.е. остальное человечество. Мало того, они неспособны плодотворно изучать это человечество. Не в этом ли причина столь плачевного состояния общественных наук в мире по сравнению с науками естественными? Напомню, что это — не только проблема нашего века и не только проблема американской университетской культуры, особенно увлекшейся рассмотрением человека, как чистого продукта культуры. Идеализация человека интеллектуалами известна давно и, скорее всего, унаследована от жрецов и монастырских философов, заботившихся более о том, каким в идеале должен быть богоподобный человек, а не о том, каков он есть.

Вернусь к модификации природных процедур познания. Вот некоторые иллюстрации.

Индукция, несомненно относится к числу давно известных мозгу методов познания, но она потребовала сильной модификации в применении к науке. Дело в том, что у науки и у мозга существа, борющегося за выживание (я буду говорить: мозг в природе), разные цели познания. Мозгу в природе не нужна полная и точная информация о встречной воле, т.е. о любом встреченном объекте с учетом принципа волевого детерминизма. Мозгу нужно быстро сделать заключение, опасна ли эта воля, запомнить это с одного раза и использовать это знание при следующей встрече. Таким образом, мозг в природе пользуется принципом индукции с числом проверенных случаев $n=1$. Иногда изучение может продолжаться при следующих встречах с возможным возрас-

танием n в зависимости от того, не слишком ли опасна эта воля. Науке заведомо недостаточно такой упрощенной индукции. Математика с помощью остроумной процедуры доказывает утверждения для всех возможных n , экспериментальные науки заботятся о статистике данных и даже для неформальных областей знания требуется несколько примеров, чтобы утверждение считалось доказанным.

Однако люди, несмотря на разработанные учеными модификации, пользуются тем же принципом упрощенной индукции. Мы часто судим о людях по первому впечатлению или по одному поступку, а иногда даже по слуху о таком поступке, и политические пропагандисты, сведущие в людской психологии лучше психологов, используют это свойство нашего "мозга в природе". О целых группах людей, включая этнические, часто судят по одному-двум представителям этих групп.

Интересен вопрос, правомерно ли объяснять людям, что они пользуются неправильным методом познания (это относится также и к следующим примерам). Ответ для меня не очевиден. Принцип индукции с $n=1$ выработан мозгом в природе за миллионы лет успешного выживания вида. Так ли я уверен в своих собственных методах познания, чтобы опровергать такой авторитет? Однако модификация этого принципа в науке конечно оправдана, и в ряде областей знания она не проведена. Использование неполной индукции неизбежно, когда нет возможности получить больше данных, однако ученому следует быть осторожнее в том, чтобы настаивать на окончательности своих выводов, т.е. лучше действовать в духе многовариантного подхода к неформализованному знанию, о котором я писал во введении. Неочевидно, что такая позиция будет всегда приемлема для тех, кто заказывает исследование, — корпорациям и правительствам часто нужно знание окончательное. Впрочем, многовариантный подход — не редкость в практике корпораций, и этот факт лучше моих рассуждений может убедить читателя в разумности этого метода.

Другой пример модификации природной процедуры познания — усовершенствование комбинаторного поиска решения. Мозг, по-видимому, почти всегда, кроме дисциплинированного мозга, избравшего иную процедуру, мыслит

перебором комбинаций разных возможностей (параметров и их значений, переменных и т.п.). Простейший и наверно самый распространенный случай — перебор с двумя возможностями. Убежать или остаться, съесть или пренебречь, соперничать или нет — вот примеры задач, которые каждый из наших предков решал перебором много раз и притом во многих случаях правильно, судя по тому, что мы существуем. Это простейший случай перебора, замечательный тем, что число значений параметров равно числу комбинаций ($2=2!$). Неслучайно поэтому, что антропологи так много внимания уделяют бинарным противопоставлениям при попытках моделировать поведение и мышление наших предков. Действительно, такие противопоставления, как свет — тьма, добро — зло, свой — чужой и много подобных играли существенную роль и в мировосприятии, и в поведении людей с примитивным сознанием, а быть может, и людей, еще не обретших сознания.

Однако задачи, возникавшие перед мозгом в природе не ограничивались необходимостью бинарного перебора. С ростом числа разных возможностей задача усложняется непропорционально, число перестановок, например, растет как $n!$, если речь идет о переборе комбинаций всех элементов. Проще задача с n параметрами, если надо выбрать лишь один параметр из n . Тогда решение, по-видимому, доступно для развитого мозга в природе, если n не слишком велико, скажем, равно 3 или 4. Но если надо выбирать пары или тройки параметров, то мозг в природе, по-видимому, не способен к перебору всех возможных комбинаций, не говоря уже о ветвистых задачах на перебор. Решение таких задач, несомненно, производится *упрощенным перебором*, т.е. мозг начинает перебор и останавливается при первой же приемлемой (неопасной или дающей приемлемый результат) комбинации, считая эту комбинацию решением задачи и не заботясь о том, что продолжение перебора могло бы дать лучшее решение. В природных условиях — это весьма разумная стратегия, ибо решение должно быть получено за весьма ограниченное время и некому обвинить животное в том, что оно спасло свою шкуру неоптимальным способом. Несомненно, что мы унаследовали от мозга в природе эту стратегию упрощенного перебора.

Этот метод перебора, по-видимому, аналогичен, но не тождественен методу проб или ошибок, посредством которого животное находило решение задачи, например, способ выйти из ящика, в опытах Торндайка. Не тождественен потому, что разные возможности в этих опытах животное перебирает не мысленно, а действиями, каждое из которых, возможно, есть уже результат мысленного перебора, хотя я допускаю, что в состоянии возбуждения или даже паники бедное животное может осуществлять перебор возможностей посредством действий, без того чтобы их обдумывать.

Замечу, что мозг в природе может знать о трудностях перебора с большим числом возможностей и о возрастающей в такой ситуации вероятности ошибки. Наблюдается стремление живых существ ставить себя в такие условия, чтобы было меньше переменных факторов, с оценкой которых приходится иметь дело, хотя не следует забывать о любопытных новаторах и среди животных, и среди людей. Вообще, консервативность живых существ, их стремление к стабильности условий жизни может рассматриваться как попытка сокращения числа переменных факторов, в результате чего упрощенный перебор чреват меньшим риском ошибок. Примеров можно привести много, от использования норы до заключения брака и демонстраций с требованием запрета на увольнения с работы. При этом я понимаю, что наблюдаемым фактам могут быть даны и другие объяснения.

Независимо от того, что чему является причиной, стабильность жизненного устройства явно снижает число факторов, с перебором которых мозгу приходится иметь дело. Поскольку при большом числе факторов невозможно проследить причинно-следственные связи, восприятие может быть в большей степени индетерминистичным, что означает большую роль потусторонних сил в интерпретации мозгом наблюдаемого мира с учетом принципа волевого детерминизма. Я из этого делаю заключение, что роль религиозного истолкования связи событий должна понижаться с ростом стабильности в жизни людей.

Метод упрощенного перебора, унаследованный нами от мозга в природе, используется нами не только в повседневной жизни, но и в науке. Казалось бы, ученый располагает достаточным временем, чтобы составить таблицу возможных

параметров задачи, если их не очень много, обдумать все возможные комбинации и выдать несколько возможных решений. Но этот метод только теперь начинает употребляться широко, хотя есть много задач, в которых даже компьютер не может осуществить полного перебора. Обычно же в решениях задач со многими параметрами мозг диктует свой метод упрощенного перебора. Ученый останавливается на приемлемом решении, не ища ни оптимального, ни других приемлемых. Мало того, его мозг *удовлетворяется* тем решением, на котором он остановил перебор, это решение становится для него *единственно правильным* и он готов громить несогласных или даже умереть за это решение. Большинство страниц истории науки не столь драматичны, но почти каждая парадигма неформальных наук получена методом упрощенного перебора. Развитие науки в таких случаях можно предсказать. Другой ученый возьмется за перебор и остановится на другой комбинации параметров, провозгласив новое единственно правильное решение. И так далее, пока не явится гений и не введет новый параметр в старый перебор*. Тогда все начнется сначала. (Решения, связанные с введением новых параметров или объединением старых, часто считаются *красивыми*. Воздержусь от того, чтобы основать на сказанном определение интеллектуальной красоты, ибо на эту тему — много работ, а я не пытался сделать полный перебор введенных в обращение параметров.)

Приведу примеры для иллюстрации моей критики нечистого разума. (Каламбур этот лишь подчеркивает животное происхождение мозговых процедур и не имеет целью оскорбить читателя, даже если он ученый.)

Аристотель, перечисляя мнения философов о том, что есть душа, заключает: "Таким образом, все элементы, кроме земли, нашли себе сторонника. Землю никто не объявлял душой, разве только, если кто говорил, что душа состоит из всех элементов или что она совокупность всех".**

* Нет, однако, гарантии, что гений будет сразу понят. Люди настолько привыкают думать, оперируя привычными факторами, что попытка рассмотрения новых просто остается непонятой.

** Аристотель. Сочинения, т. 1, М., 1976, стр. 378.

Известен многовековой спор о том, между сторонниками корпускулярной и волновой природы света. Объединение этих подходов можно назвать красивым решением, хотя не обязательно окончательным. Еще пример: движение материков объяснялось уменьшением радиуса Земли, увеличением его, а затем колебаниями его величины. Замечу, что мне трудно указать животный аналог процедуры объединения параметров перебора, быть может, это — чисто человеческое достижение. Этого наверно нельзя сказать о включении в рассмотрение новых параметров.

Быть может, я не прав, когда критикую общественные науки за низкий уровень их развития. Поведение человека и общества требует рассмотрения столь большого числа взаимодействующих факторов, что мозг даже весьма умных людей не может справиться с перебором, за исключением случаев сильного упрощения предмета размышлений, а именно это упрощение и снижает применимость получаемых результатов к реальному человеку и реальному обществу.

И неполная индукция, и упрощенный перебор характеризуют то свойство логики мозга в природе, что от вывода не всегда требуется исключительная точность, что не мешает этому мозгу считать свое решение единственно правильным во всех случаях, не приведших к явно плохому результату*. Логику можно назвать точечной, когда применяется принцип полной индукции в математике (я не останавливаюсь на существующей критике этого принципа) или когда доказываются теоремы в традиционной аксиоматической теории высказываний и т.п. Речь в этих случаях идет действительно о получении единственно правильных выводов об объектах и их отношениях в рамках данной формальной теории. Во многих случаях мозг в природе применяет точечную логику, например, при определении своего иерархического положения в группе. Но есть много задач, в решении которых точечная логика не нужна, а попытка ее применения может быть опасна. Так, при избежании возможной опасности

* Для выживания вида требуется статистическая правильность решений, природа не печется о том, что отдельные особи делают ошибки и погибают. Это следует учитывать при оценке унаследованных нами мозговых процедур.

нужна гарантия, а не точный вывод. Логика, дающая такие гарантии, может быть названа логикой гарантий или логикой открытого интервала. Если возможные опасности расположить на прямой по убыванию степени опасности, то оценка мозга в природе должна отсечь на этой прямой открытый интервал опасностей, с которыми носитель мозга может совладать (от какой-то точки, с которой начинается реальная опасность до бесконечности в сторону убывания опасности). Можно говорить также о логике закрытого интервала, когда решение приемлемо в отношении конечного множества объектов, но ограничено сверху и снизу. Так, например, в стаде с послынным, а не индивидуальным иерархическим распределением, гипотеза индивидуума, принадлежащего к одному из средних слоев, о том, что другой член стада равен ему, будет верна лишь в отношении тех, кто находится в том же слое, что и данный индивидуум. Не исключено, что ученые попытки рассуждать об объектах, не принадлежащих формальным системам, испытывают влияние структур мозга, ответственных за описанные операции с логикой гарантий.

Я кратко остановлюсь еще на двух свойствах познания, характерных для мозга в природе и несомненно унаследованных нами и оказывающих влияние на ученое творчество. Это зависимость познавательного автоматизма от состояния других автоматизмов и роль принципа волевого детерминизма в познавательном процессе.

Первое воспринимается без возражений, коль скоро речь идет о мозге в природе. Познавательный автоматизм играет служебную роль и помогает удовлетворению других автоматизмов, лишь когда они не удовлетворены, хотя нет оснований отрицать роль любопытства у животных достаточного уровня развития, любопытства для заготовки информации впрок. Можно с разумной вероятностью предположить, что заготовка информации на будущее более интенсивна, когда познавательный автоматизм свободен от исполнения своих служебных функций по помощи в удовлетворении других автоматизмов. Детство — лучшая пора для этого у тех млекопитающих, которые достаточно длительное время находятся под опекой родителей. Можно провести аналогию с развитием познания у людей: фундаментальные знания, не нужные для повседневного удовлетворения потребностей людей

накапливались в слоях общества, которые по разным социальным причинам располагали свободным для любопытства временем, скажем, у жрецов, а теперь и у ученых. Общество платит им за их любопытство, за накопление информации впрок, т.е. создает условия разумной обеспеченности и защищенности, чтобы эти люди отдавали себя познанию, как можно меньше испытывая зависимость от состояния других автоматизмов.

Однако эта независимость весьма ограничена. Лишь в редких случаях можно наблюдать отрешенность ученого от жизни, стремление полностью посвятить себя познанию. Обычно же страсти играют ученым почти так же, как и другими людьми, и не часто можно говорить о чистом познании. Главное здесь, конечно, стремление удовлетворять иерархические страсти, тем более, что плата общества обычно зависит от успехов ученого. В результате, можно писать тома истории того, как ученые скрывают свои неудачи или выдают малые успехи за большие или даже за последнее слово в науке. Такие тома были бы полезным дополнением к сочинениям по истории науки, описывающим преимущественно трудности познания и достижения оно. Иерархическое соперничество ученых слегка ограничивает их коллективные возможности надувать несведующих заказчиков — общество, однако дух корпоративности достаточно силен и часто коллективный неуспех удается утопить в море специальных терминов, непонятных непосвященным (я вовсе не утверждаю, что это часто делается сознательно). К счастью для развития естественных наук, они важны для удовлетворения потребностей общества, поэтому их успехи проверяемы легче, но и здесь, в зависимости от общего уровня общественного контроля, возможна изрядная доля шарлатанства, как это показала история с Лысенко и с учеными экспертизами орошения в Средней Азии, что привело к высыханию Аральского моря. Но науки об обществе еще недостаточно развиты для того, чтобы выдавать обществу проверяемые результаты, поэтому в этих областях отношение количества оплаченных слов, написанных учеными, к количеству использованных обществом выводов особенно велико.

Можно многое сказать в пользу некоммерческой науки, но несомненно и то, что именно коммерческая наука, от

которой ждут конкретных, проверяемых результатов, наиболее застрахована от словоблудия. Разумен, конечно, вопрос: быть может, это — нормальная или неизбежная ситуация, когда общество содержит большое количество ученых, не ограничиваясь лишь теми, кто выдает осязаемые результаты. Скорее всего это так, но пороки организации ученой иерархии в современном обществе тем не менее налицо: об этом свидетельствует каждый случай, когда ученый побуждается к конформизму давлением предрассудков ученого сообщества.

Политический конформизм также должен приниматься во внимание в оценках беспристрастности общественных наук. В странах, где ученые испытывают идеологическое давление государства, беспристрастность ученого — вещь редкая и может быть оценена как героизм. Но не следует преуменьшать роль политического конформизма там, где наука свободна от государственного вмешательства. Там распространено давление иерархических предрассудков ученого сообщества. Дело в том, что многие интеллектуалы считают себя на заслуженно отесненными от влияния на дела общества. В странах свободного рынка информационный суррогат воли ценится обществом в среднем ниже, чем материальный (богатство) и волевой (политическое влияние). Эта социальная ущемленность ученого сообщества, возможно, ответственна за общекритическое отношение ученых к эстаблишменту, левые настроения, столь характерные для университетского сообщества, скажем, в США и т.п.

Я обсуждал влияние иерархических страстей на беспристрастность и самокритичность ученого творчества. При этом надо помнить о том, что во многих случаях ученый может не сознавать отступлений от этики познавательной иерархии. Наш мозг является хитрым проводником сознания, направляя его незаметно в сторону удовлетворения страстей даже в тех случаях, когда сознание хочет отвлечься от влияния страстей. Состояние познавательного удовлетворения — это результат биологической функции мозга, за исключением довольно редких случаев, когда условия для наступления такого удовлетворения заранее сформулированы дисциплинированным сознанием в рамках более или менее формализованной системы ценностей. Это значит, что мозг может

регулировать наше познавательное поведение посредством поощрений удовлетворением, подобно тому, как это делает работодатель. На практике мозг может останавливать процесс познавательного поиска, давая нам ощущение удовлетворения, когда результаты познания вежливы к нашим страстям или к нуждам нашей безопасности. В этом смысле компромиссы ученого с репрессивной идеологической системой очень часто могут быть неосознанными.

Влияние присущего нам иерархического инстинкта может сказываться на познавательном процессе еще одним путем. Иерархичность общественного устройства несомненно связана с существованием в нашем мозгу структур, ответственных за наблюдение иерархических отношений. Эти структуры, вполне возможно, влияют на познание таким образом, что мозг склонен приписывать познаваемым объектам определенные иерархические отношения, что впрочем согласуется также с принципом волевого детерминизма. Результатом такого иерархического творчества может быть обычное для многих наук стремление к пирамидальным логическим построениям, стремление к тому, чтобы свести многообразие проблем и явлений к небольшому числу *основных принципов* (монистический подход). Тот факт, что в некоторых науках такой подход успешно работает, не означает, что он будет работать везде, но стремление ученых к таким пирамидальным построениям весьма заметно. Быть может, ученые вдохновляются при этом красотой перехода от язычества к монотеизму, но не исключено прямое влияние иерархических структур мозга на создание иерархических логических структур познания. Замечу, что если произвести подсчет популярности монистического подхода и плюрализма в познании, то несомненный перевес будет на стороне первого, несмотря на то, что многообразие наблюдаемых явлений, казалось бы, с большей вероятностью должно было бы привести к предпочтению философского плюрализма.

Последний фактор, унаследованный нашим познанием от мозга в природе, который следует здесь обсудить, это — роль принципа волевого детерминизма. Когда-то этот принцип охранял наших предков от случайного невнимания к возможному источнику опасности. Потом он породил массу интересных религиозных систем. Теперь мы уже не приписы-

ваем волю камню или грозе, редко верим в происки духов, но сам принцип остался в нашем мозгу, даже если отделить сознанием воспринятую религию от действий этого принципа. Многие из нас верят в везенье, в существование чего-то потустороннего, в приметы и т.п. Это означает, что наш мозг унаследовал от предков структуры, приспособленные оперировать с параметрами магического пространства, и время от времени, у разных людей по-разному эти структуры влияют на сознание.

При этом возможно, что сознание способно сопротивляться этому влиянию, так что образуется противореакция, выражающаяся в воинственном атеизме, в идеализации человека и отрицании возможности психических проявлений животных. Не исключено, что в обществах, где преследуется религия, влияние структур мозга, оперирующих параметрами магического пространства сказывается на политическом поведении людей, помогая им, с пользой для выживания, поклоняться земным богам.

Нет оснований считать, что противореакция на магическую логику и сознательное отрицание всего, что диктуется мышлению областями мозга, ответственными за операции в магическом пространстве, гарантируют человека от использования этой магической логики. Дело в том, что страсть мышления к единственно правильным и окончательным суждениям весьма велика, а параметров наблюдаемого мира для построения таких суждений часто недостаточно. Поэтому последовательный материалист должен либо подавлять эту страсть и на многие вопросы отвечать: "не знаю", либо поддаваться этой страсти и незаметно для себя использовать логику магического пространства для заполнения неизбежных разрывов в логических цепях.

Первый вариант пригоден далеко не для всех и потому, что страсть к окончательным суждениям не у всех под контролем. Второй вариант — использование материалистами магической логики — весьма распространен, что легко видеть на примере тех, кто считает себя последователями марксизма. Эти люди редко говорят "не знаю", и по обилию паралогизмов (в смысле обычной логики), намеренно расплывчатых определений и прочих атрибутов магической логики легко видеть, как активно используется ими логика магичес-

кого пространства. Читатель, сведущий в формальной логике, без труда сможет найти иллюстрации сказанному. В науке влияние магической логики заметить труднее, чем в повседневной жизни или в политизированной идеологии, однако некоторые тенденции в современной физике наводят на мысль о возможной связи. Я не пытаюсь придирается к словам. Когда физики всерьез говорят о свободе воли электрона, я могу отнести это за счет неудачной терминологии. Но два момента заслуживают быть названными.

Во-первых, идеализация уравнений. Полученное для какого-то диапазона переменных уравнение как бы приобретает свою собственную волю двигать вселенными, благодаря тому, что его применяют к значениям переменных, далеко выходящим за пределы первоначального диапазона. Так получилось с уравнением тяготения (решение Фридмана), благодаря чему мир наполнился черными дырами и даже, как считают, произошел от одной из таких дыр. Я вовсе не пытаюсь здесь опровергнуть ту или иную гипотезу, а лишь отмечаю, что такие гипотезы слишком быстро признаются проверенными теориями, возможно благодаря влиянию структур мозга, ответственных за операции в магическом пространстве (если угодно, за счет необходимости удовлетворения автоматизмов, ответственных за операции в магическом пространстве).

Во-вторых, не исключено, что необходимость расширить границы логики может приводить ученых к тому, чтобы заимствовать правила процедур из областей мозга, ответственных за операции в магическом пространстве. Наша обычная логика унаследована нами от мозга в природе, как испытанный инструмент общения с наблюдаемым миром. Но мозг несомненно хранит особую логику, справедливую в магическом пространстве и помогающую заполнять разрывы в логических цепях, проистекающие от недостатка познанных параметров наблюдаемого мира. Это звучит естественно, если речь идет о "диком" человеке, но надо помнить, что мы унаследовали его "дикий" мозг. Мы не умеем формулировать эту логику в четких правилах, но вполне возможно, что какие-то из этих правил неосознанно используются нами, когда мы пытаемся размышлять о вещах не от мира сего, скажем, об индетерминизме, пространстве многих измерений

или о параметрах, считающихся принципиально ненаблюдаемыми. Упоминание индетерминизма здесь особенно важно. Наша обычная логика есть результат детерминистского восприятия мира. Однако у мозга никогда не было достаточно знаний, чтобы связать причинными зависимостями все наблюдаемые явления. На помощь приходил принцип волевого детерминизма, помогавший видеть мир стройным и причинно-связанным, благодаря презумпциям о вмешательстве потусторонних сил. В этом смысле области мозга, ответственные за операции в магическом пространстве помогают заполнять пробелы в обычных логических цепях и обеспечивать возможность индетерминистского мышления. Тут видна аналогия с теоретическим приемом физики: рассматривать пространство многих измерений, обеспечивая, например, связь разных типов взаимодействий, которые в трехмерном пространстве выглядят независимыми.

Что касается познавательной роли структур мозга, оперирующих в магическом пространстве, нет необходимости преодолеть их влияние, я думаю, оно нас обогащает, но полезно пытаться осознать это влияние. В частности, полезно учитывать, что при теперешней перенасыщенности парадигмами, накопленными в некоторых науках за последние века, люди часто адаптировались к "земным" рассуждениям. Необычные ответы на вековые вопросы скорее привлекут внимание людей. Иногда такие необычные интеллектуальные конструкции суть результат большей глубины перебора параметров, или красивых объединений параметров, ранее считавшихся несовместимыми. Но нередко необычная теория использует экскурсы в магическое пространство для заполнения логических разрывов в цепи "земных" рассуждений. Тогда может случиться, что автор теории удачно удовлетворил не только любопытство людей, но и их потребность в возбуждении и удовлетворении религиозных чувств. Именно такие соображения приходят на ум в связи с известной фразой, сказанной одним физиком: "Эта теория недостаточно сумасшедшая, чтобы быть правильной".

Вообще говоря, нет оснований а priori критиковать веру многих ученых в то, что мы уже переросли обычную, земную логику, в то, что дальнейшее развитие некоторых наук требует смелых логических нововведений. Но полезно помнить,

с чего мы начинали, помнить, что именно логика магического пространства — это то, что много веков пришлось преодолевать, чтобы сформулировать знания в "земных" терминах. Не исключено, впрочем, что познание развивается с помощью постоянных экскурсов в магическое пространство, с помощью смелых идей, которые не удастся вначале сформулировать в рамках привычной логики. Не исключено также, что радость познания связана с возбуждением структур мозга, ответственных за религиозные чувства.

О МНОГООБРАЗИИ ХАРАКТЕРОВ

Я определил характер человека как набор чисел, отражающих сравнительную значимость разных автоматизмов в индивидуальном комплексе. Это набор явно неизмеримых величин, но я все же попытаюсь о них порассуждать.

Ситуация была бы несколько проще, если бы речь шла всего о нескольких инстинктах. Идя вниз по дереву эволюции, можно найти примеры существ с небольшим разнообразием запрограммированного природой поведения. Предположим, что у такого существа не наблюдается замещений и сопряжений инстинктов, что правдоподобно для многих существ, ибо за эти взаимодействия, по-видимому, ответственны более сложные программы, чем те, что регулируют элементарные инстинкты. Тогда, наблюдая это существо в течение длительного времени, мы сможем составить таблицу соотношений времен, затраченных оным на удовлетворение отдельных инстинктов, например, на добывание пищи, строительство гнезда, привлечение партнера (оговорки о трудностях соотнесения некоторых актов поведения определенным инстинктам подразумеваются). Это будет интересная таблица, но она не покажет нам относительные затраты воли или хотя бы затраты энергии, чем, на худой конец, можно характеризовать затраты воли. Как видим, даже для простейшего случая характер трудно измерим, хотя приближенная оценка возможна. Однако можно оперировать и с этой таблицей, назвав ее, скажем, *временным характером*.

Такая оценка, проведенная для существ данного вида в разных природных условиях, скорее всего покажет, что ха-

ракти, выраженный во временных или в энергетических параметрах, не постоянен, но является функцией природных условий, что естественно, ибо лишь простая машина или самые примитивные существа не способны корректировать свои проявления с изменением условий. Это значит, что в программе природы характер не есть четко зафиксированный набор чисел, характеризующих относительный расход воли по каждому каналу, но скорее указание на предпочтительное соотношение расходов воли. Предпочтительное в том смысле, что в случае необходимости слишком больших отклонений, больших, чем предусмотренная природой *дисперсия характера*, существо не выживет.

Итак, даже в простом случае нескольких инстинктов, существо характеризуется не только средним характером, но и дисперсией характера, обеспечивающей выживание в меняющихся условиях.

Мне могут сказать, что вообще не следует предполагать наличие характера, предполагать, что природа заранее определила предпочтительные параметры расхода воли по разным каналам и допустимую дисперсию, что существо и простое и сложное полностью зависит в своих проявлениях от требований внешних условий. В пользу такой точки зрения могут быть приведены примеры того, как при отсутствии благоприятных условий некоторые инстинкты вообще не удовлетворяются, скажем, известен у животных отказ от размножения при недостатке пищи или свободы.* С моей точки зрения такие примеры покрываются сказанным о дисперсии характера. Отказ от предположения о характере означал бы выбор представления о живом существе, как о машине с запрограммированными возможностями, но без запрограммированных целей. Такая машина подчинялась бы случайному выбору целей, и описание поведения таких существ не показывало бы того сходства, которое, хотя и с

* С учетом этого, а также с учетом замещений и сопряжений автоматизмов у человека, быть может, следовало бы говорить отдельно о *скрытом характере* и *характере проявлений*, но я не рассматриваю этого разделения, имея в виду, что значения параметров характера проявлений не выходят за пределы значений, предусмотренных скрытым характером с учетом дисперсии.

некоторыми вариациями, наблюдается в природе. Но если запрограммированы цели, то естественно предполагать, что предусмотрены и приблизительные затраты воли (энергии) на достижение этих целей, или точнее, именно этим способом цели и запрограммированы.

В том, что касается человека, картина намного сложнее. Здесь приходится говорить не только о врожденных инстинктах (если ограничить задачу только ими, то будет трудно проследить связь характера с поведением), но об автоматизмах вообще, т.е. о всех проявлениях, независимых от сознательной воли. Это значит, что на значения параметров характера влияют усвоенные в процессе обучения, в том числе благодаря подражанию, программы поведения, т.е. весь дисциплинарный суррогат воли. Необходимо учитывать также возможные и привычные замещения и сопряжения автоматизмов, а также найденные познанием оригинальные пути проявления воли. В результате, останется мало надежды на то, что удастся успешно определить параметры характера отдельного человека.

Однако проблема упростится, если не стремиться определить все параметры характера каждого человека, а описывать характер, усредненный по популяции, а также, в другом типе задачи, интересоваться лишь теми параметрами характера человека, которые существенно отличны от средних по популяции. Последняя задача иногда успешно решается педагогикой, равно как и в быту. Без философских обоснований люди часто говорят о *склонностях* человека, фактически имея в виду приближенную относительную оценку некоторых параметров характера.

Так различают людей активных и пассивных, что есть оценка по уровню проявления автоматизма, проявления воли вообще, если оценка не указывает специально, в каких именно проявлениях человек активен или пассивен. Различают людей честолюбивых, склонных к лидерству и тех, кто с готовностью или без особых возражений подчиняется другим, т.е. оценивают людей по тому, насколько у них развит автоматизм покорения или автоматизм покорности. Интересно, что бытовая психология очень чутка к фиксации качеств, биологически присущих человеку, но для тех, кто объясняет поведение человека лишь усвоенной культурой, накопленное

тысячелетиями народное знание вряд ли будет более убеждающим, чем мои рассуждения. Я думаю, что психологи могли бы многому научиться, анализируя народные пословицы.

Впрочем, не только бытовая, но и ученая психология в каких-то пределах признает важность учета врожденных качеств людей. Беда в том, что это редко делается комплексно. Либо на врожденные и вообще биологические качества смотрят как на досадную помеху полной идеализации человека, либо обращают внимание на какие-то отдельные биологические факторы поведения, скажем, сексуальность, агрессию, покорность фигуре отца и т.п., пытаясь одним или двумя факторами объяснить более широкий спектр поведенческих актов, чем это кажется разумным. Не знаю, происходит ли это вследствие философского убеждения, что сложное непременно сводится к простому, или из-за применения процедуры упрощенного перебора параметров, которую я обсуждал, говоря о модели примитивного сознания. Так или иначе, психологии еще предстоит преодолеть упрощенность подхода прежде, чем она перестанет быть коллекционером фактов и сделается теоретической наукой.

Тут полезно сделать следующее замечание. Очень часто под биологическими компонентами поведения подразумевают врожденные, или еще уже — генетически запрограммированные. Это можно видеть, например, из того, как подходили и подходят к вопросу о возможной биологической природе преступности, что бы ни понималось под термином "преступность". Прежде всего ставился вопрос о том, является ли она врожденной, а с развитием генетики и вопрос, запрограммированы ли преступные наклонности генетически. И если ответ отрицателен, то утверждают, что человек не родился преступником, а сделался им благодаря определенному культурному воздействию. Но разумнее поставить вопрос иначе. Законы, определяющие преступность, существенно моложе наших генов. В течение тысячелетий правила и законы, диктуемые обществом, служили отсеvu тех актов поведения, которые были в большей или меньшей мере обычны для людей, пока многие из них не привыкли подчиняться правилам и законам*. Не лучше ли исходить из того, что мы все в

* В тиранических обществах, а вследствие предрассудков иногда и в демократических, власти объявляют преступ-

той или иной мере рождаемся преступниками, рождаемся со своим набором унаследованных страстей, которые могут привести нас к преступлению, но благодаря как "генетической покорности", так и усвоенному законопослушанию, многие из нас преступниками не становятся. При этом некоторые не могут пересилить своей преступной природы по причинам либо биологических свойств личности, либо случайных, неконтролируемых воспитателями обстоятельств, либо дурного влияния окружения. Итак, я различаю в разговоре о докультурных компонентах поведения — биологическое, врожденное и генетическое. Следует помнить о возможности индивидуальной изменчивости и до и после рождения. Следует также учитывать, что одинаковые биологические факторы, врожденные или нет, могут по разному проявляться у разных индивидуумов в силу непредсказуемого влияния разного культурного или биологического же опыта. Сказанное накладывает ограничения на достоверность выводов при изучении близнецов. Обычно свойство считается наследуемым, если оно проявляется одновременно у однойцовых близнецов чаще, чем у разнояцовых. Положительный результат говорит о многом, но не следует придавать решающего значения результатам отрицательным. И биологическое, и культурное развитие близнецов различно, даже если они воспитывались вместе. На замещения и сопряжения автоматизмов могут влиять даже мимолетные впечатления, поэтому многие биологические факторы характера могут быть экранированы, замаскированы другими путями проявления воли и сказаться в поведении по-разному, даже когда они есть у обоих сравниваемых индивидуумов. Вообще следует помнить о том, что сопряжения и замещения автоматизмов часто закрепляются, на радость психоаналитикам, минуя контроль сознательной воли. Даже те, кто подозрителен к психоанализу, не будут отрицать распространенности не контролируемых сознанием связей между разными проявлениями и возбуждениями. Эти связи могут быть врожденными, случайно образовавшимися в процессе биологического

ными многие деяния, не наносящие обществу существенного вреда, скажем, пропаганду свободы, азартные игры, проституцию. Говоря здесь о законах, я пользуюсь некой фикцией минимально необходимого обществу набора запретов.

развития особи или могут быть результатом сочетаний внешних воздействий.

Итак, в разговоре о многообразии поведения надо учитывать все источники оного, как наследственные и приобретенные биологические, так и обусловленные случайными воздействиями среды и культурным влиянием.

Схематически картина многообразия унаследованных характеров выглядит так. Каждому человеку отмерены какие-то средние параметры характера с какой-то дисперсией. Если природа позаботилась об определенном типе устройства общественных отношений в стаде, то это отразилось на статистическом распределении характеров (скорее всего, второе влечет первое). При этом если кому-то отмерено какого-то инстинкта меньше или больше среднего, то при наличии соответствующих условий, благодаря дисперсии характера, эта природная предрасположенность к определенным общественным функциям может не играть решающей роли. Однако для какого-то процента особей параметр характера может отклоняться от среднего слишком сильно, или дисперсия может быть слишком мала — тогда индивидуум будет в большей степени зависеть от общества, ибо взаимопомощь часто компенсирует недостатки характера, либо не сможет проявить достаточной гибкости в приспособлении даже с помощью общества и будет терпеть неудобство из-за противоречия характера и условий, либо не выживет. Я думаю лозунг штата Нью-Хемпшир: "Живи свободно или умри" — отражает именно идеализацию такого недостатка гибкости в приспособлении.

Интересно, что таких негибких людей не должно быть много. За исключением, быть может, случаев патологии, следует искать эволюционный смысл в ситуации, когда природа обделяет какую-то часть особей по определенным параметрам характера. Вот пример. В группах приматов распространена полигамия, поэтому "лишние" самцы должны быть частично обделены в отношении территориального инстинкта, чтобы в популяции поддерживался разумный уровень мирной жизни (подробнее об этом см. ниже). Ясно, что у природы не было цели избавиться от них — такая цель достигалась бы изменением соотношения рождаемости самцов и самок. Разумная эволюционная цель здесь — держать

этих "лишних" самцов в запасе, обеспечивая какой-то уровень соперничества с их стороны и в то же время сдерживая это соперничество. Поэтому отклонение от среднего уровня территориального инстинкта не должно превышать дисперсии для большинства таких "лишних" самцов, иначе их роль, как самцов запаса, будет сведена на нет. А если дисперсия достаточно велика, в подходящий момент они смогут занять место лидеров групп и защищать свою территорию. Иными словами, обделяя какую-то часть особей по определенному параметру характера, природа оставляет большинству этих особей возможность развить характер по этому параметру, если это понадобится.

Такое обделение служит целям защиты и общества, и индивидуума. Это можно проследить по распределению лидерства среди людей. Чтобы стадные иерархические группы предков человека могли пользоваться преимуществами более или менее мирного существования с разумным ограничением соперничества, должно было выработаться такое биологическое распределение врожденной способности к лидерству, чтобы количество лидеров было несколько больше, чем количество групп (небольшой излишек обеспечивает эволюционно выгодное соперничество для выявления сильнейших и способнейших). Это значит, что большая часть самцов была обделена в отношении способности к лидерству. Однако не следовало совсем лишать обделенных этой способности, лучше было держать их в запасе. Так и происходило и происходит. Те, кто лучше способен к подчинению, сохраняют некоторую способность к лидерству. Окажись они без лидера, их группа не станет неиерархической: лидер сыщется среди них. Иными словами: "Солдат носит в ранце маршальский жезл". Это можно проверять на крысах или на людях, все равно, ибо этот гибкий подход природы выработан давно и показал свою жизнеспособность.* При этом инстинкт покор-

* На людях это проверялось в коммунистических революциях, в частности, в 1917 году в России. Ленин, по-видимому, всерьез верил в возможность безиерархического общества всеобщего равенства, ради чего было уничтожено много представителей "правлящих классов". Но довольно скоро стало ясно, что эта идея не сработала — в стране была построена структура с намного большей степенью иерархич-

ности заметно представлен в характере большинства людей, что позволяет им без особых страданий подчиняться лидерам, исполнять свои общественные и биологические функции. Если бы природа не озаботилась снабдить большинство людей хорошей долей инстинкта покорности в характере, иерархическая структура общества была бы совсем иной, а совсем без этого инстинкта не было бы общества. Об этом следует помнить тем обделенным инстинктом покорности свободолюбцам, которые, считая себя образцом творения, презирают покорную массу и часто пытаются освободить ее, не спрашивая на то ее согласия.

Дарвиновская борьба за существование многим представляется упрощенно, как будто природа интересуется только выживанием сильных, а до остальных ей дела нет. Нетрудно заметить, однако, что природа становилась все более экономной с усложнением организмов. И эта экономичность выражается в мудром сочетании борьбы и сосуществования, обеспеченном биологическими регуляторами поведения. На уровне мозговых структур, ответственных за поведение в соответствии с определенными параметрами характера, эта мудрость природы выражается в сбалансированном распределении способности к лидерству и способности к покорности с определенной дисперсией, обеспечивающей гибкость. Лишь в последние десятилетия этологи поняли, что соперничество среди высших животных ограничено природой посредством разнообразных врожденных механизмов. Однако упрощенная точка зрения на дарвиновскую борьбу в природе оставила в умах глубокий след. В частности, память о применении этого подхода к обсуждению человеческого общества (социалдарвинизм) у многих отбила охоту искать биологически определенные мотивы в поведении людей.

Сказанное имеет прямое отношение к человеческому обществу. Устойчивые иерархические структуры в обществе показывают, что мы унаследовали от наших предков статис-

ности, чем та, что была разрушена революцией. Мечтатели относили неудачу на счет некультурности тогдашней России, так что саму идею не сочли экспериментально опровергнутой. Человечество не гарантировано от продолжения экспериментов.

тическое распределение врожденных параметров, характеризующих способность к лидерству и к покорности. Например, структура армейских подразделений на протяжении тысячелетий основывается на разделении армейской массы на группы в 10-15 человек, что приблизительно соответствует численности групп многих приматов.

Процесс роста иерархий за пределы такого среднего размера группы природой, по-видимому, не был отработан на приматах — даже когда реализуется стадо большого размера, оно состоит из малых групп и не является тоталитарно управляемым. Между тем, оказалось, что объединение групп, племен и народов повышает выживаемость. Иерархическая структура таких больших объединений не была заготовлена эволюцией, по крайней мере, для приматов. Людям пришлось самим придумывать структуру и способы управления такими объединениями еще тогда, когда культура лишь начала развиваться. Естественно, что они воспользовались шаблонами, приуготовленными эволюцией для малых групп, создали единую волевою иерархию, несмотря на то, что эти шаблоны не были приспособлены для больших объединений. Все неестественное в обществе должно поддерживаться насильем. Каждый знает, сколько насилия понадобилось, чтобы поддерживать стабильность громадных объединений людей, типа империй. По-видимому, при этом людей насильно заставляли как бы растягивать дисперсию своего характера в отношении способности покоряться. Действительно, если природой предусмотрен в среднем один лидер, скажем, на 10 человек, то в громоздких объединениях все эти 10% населения, кроме одного правителя, должны были проявлять не меньше покорности к вышестоящим, чем лидерства по отношению к нижестоящим. Конечно, лидеры снабжены какой-то долей покорности в характере, но построенные людьми многоэтажные иерархии требовали от промежуточных лидеров степени покорности, по-видимому большей, чем та, что была дана им природой.

Ситуация была неестественной не только для промежуточных лидеров, но и для низших в иерархии. Неестественность видна уже из следующего примера. Пусть общество разбито на иерархические этажи по степеням числа 10. Пусть небольшой поклон будет минимальной позой покорности, символизирующей признание лидера десяти. Тогда

сотскому надо поклониться низко, перед тысячским надо стать на колени, далее упасть ниц. Для созданных людьми структур даже не хватало поз покорности. От низших в этой структуре требовалось, наверно, больше покорности, чем это могло быть предусмотрено природой, поскольку природа отмеривала покорность в расчете на малые группы. (Меры по стабилизации иерархий еще более усиливали неестественность.) Интересно, что даже если пользоваться заготовленными эволюцией шаблонами, организовывая общество по образцу единой волевой иерархии, можно выбрать конструкцию, альтернативную той, которая обычно осуществлялась. Именно, следовать принципу: "вассал моего вассала — не мой вассал". В такой структуре не будет дефицита поз покорности и низшие в иерархии не будут так придавлены. Но эта альтернатива, как правило, не реализовывалась в истории.

Вряд ли можно найти однозначную и верную для разных популяций связь распределения параметров характера людей в обществе с распределением по профессиям или родам занятий. Однако какая-то связь должна быть и, я думаю, ее следует искать и учитывать в прогнозах развития общества и в антропологии общественных структур. Рассмотрю, к примеру, познавательный автоматизм. Им в большей или меньшей мере обладают все. Ежедневная оценка иерархических соотношений, знание экономных путей проявления воли и даже усвоение правил поведения в обществе — все это требует изрядной представленности познавательного автоматизма в характере среднего человека. Однако для большинства людей этот автоматизм является служебным, используемым для лучшего удовлетворения основных автоматизмов, скажем, гомеостатических, сексуального, иерархического роста. В результате, можно лишь удивляться, насколько нелюбопытны люди за пределами своих практических нужд, включая нужды иерархические. Встречаясь даже в повседневной жизни с массой интересных вещей, которые могли бы возбудить любопытство, люди остаются безразличными к ним. Многие миллионы людей, например, смотрят телевизор, но очень немногие поинтересовались тем, как эта игрушка устроена.

Лишь у некоторого процента людей познавательный автоматизм представлен в характере намного сильнее, и эти люди составляют интеллектуальную элиту человечества,

ответственную за поиск путей того, что называют прогрессом цивилизации, от изготовления первых каменных орудий до изобретения компьютера. Образованных людей становится все больше, и научно-технический прогресс требует, чтобы большее количество людей становилось его участниками или хотя бы операторами, умеющими с пониманием работать со сложными системами, построенными умнейшими. Пока что нужды этого прогресса удавалось удовлетворять обучением все большего количества людей, но не очевидно, что биологические возможности человеческих популяций в этой области не ограничены.

По аналогии, замечу, что некоторые военные самолеты уже достигли предела скорости и маневренности, за которым даже хорошо обученный человек уже не сможет быть надежным оператором. Точно так же можно опасаться, что потребность в большем количестве строителей и операторов хитрых систем высокой технологии превысит биологические возможности общества поставлять прогрессу людей с достаточно большой долей познавательного автоматизма в характере. Быть может, общества с наиболее развитой технологией уже столкнулись с этой проблемой. Быть может, именно с этим связано отставание общественных наук, печальное состояние народного просвещения и ряд других социальных проблем. Грубо говоря, быть может, мы так далеко зашли в технологическом развитии и в усложнении общественных связей, что обществу не хватает "умных" людей, чтобы можно было гарантировать приемлемую надежность функционирования того, что создано интеллектуальной элитой без оглядки на ограниченные возможности общества.

Заслуживают обсуждения три подхода к проблеме. Во-первых, можно счесть проблему несуществующей, т.е. презюмировать способность общества поставлять умных людей неограниченной или ограниченной в очень малых пределах. Быть может, эта презумпция и верна, но настаивать на ней — рискованно. Лучше всегда исходить из предположения ограниченности ресурсов, если не доказано иное. Достаточно заметить, что даже в отношении простой технологии, вроде механических машин, есть некоторый процент населения, оказавшийся неспособным успешно оперировать с нею. При осторожном подходе к оценке человеческих ресурсов следует

заклучить, что еще больший процент населения окажется неспособным оперировать с электромеханической технологией, еще больший процент — с электронной и т.д. Поэтому, я думаю, что этот подход — игнорировать проблему — годится лишь для тех, кто не принимает во внимание биологические различия людей и считает, что любого человека можно научить чему угодно, независимо от его природных склонностей. Сделаю компромиссное заявление: даже если это так, даже если меня можно научить писать хорошую музыку, а человека, малоспособного к математике, можно научить проектировать компьютеры, то и в этом случае учет склонностей важен, ибо такое обучение против склонностей людей обойдется обществу слишком дорого. Дорого и в прямом смысле, и в смысле накопления неудовлетворенности у людей вследствие того, что им придется пересиливать свою природу.

Во-вторых, можно надеяться, что способности мозга следующих поколений развиваются параллельно технологическому прогрессу, так что мы всегда будем обеспечены достаточными ресурсами тех, кто умен в нужной нам области, быть может, с некоторым отставанием. Можно высказать сомнение относительно реальности надежды на слишком быстрое развитие мозга, но я остановлюсь на другом соображении. Дело в том, что речь, скорее всего, идет не о недостаточном развитии мозга тех, кто оказывается глупым в отношениях с хитрой технологией. Скорее всего их мозг способен к развитию не меньше или не намного меньше, чем мозг тех, кого мы считаем умнейшими. Дело тут в предусмотренном биологическими регуляторами распределении расходов воли. Если это распределение наследуется, то изменение этого распределения по популяции — дело не быстрое, тем более, что успешные в умственной деятельности, судя по статистике, не так уж успешны в размножении. Если определенное распределение параметров не переходит от родителей к детям, а даруется природой согласно какому-то статистическому распределению, так что с нашей точки зрения каждое рождение человека с повышенным объемом познавательного автоматизма — явление случайное, то дело обстоит еще хуже, ибо тогда частота рождения таких людей определена генофондом популяции, и никакие эвгенические мечты не помогут эту частоту увеличить.

Не исключено даже, что в своих надеждах на безграничное поумнение человечества, мы уповаем обойти действие предохранительного механизма, выработанного природой, механизма консервативного, направленного против слишком быстрых изменений. Если какой-то процент популяции наделен преимущественным развитием познавательного автоматизма, то это имеет понятный эволюционный смысл: любопытные нужны для поиска новых территорий и новых путей проявления воли. Но в то же время такое новаторство должно было быть ограничено природой для охраны популяции от чрезмерных, рискованных изменений образа жизни. Если это так, то это еще один пример мудрого поддержания баланса в природе, на этот раз между стабильностью и поиском возможностей изменения. В этом случае ограничение числа ищущих новый — защитный механизм, и неочевидно, что природа от него быстро откажется.

Это — своего рода разделение труда: одни осваивают новое, другие, по-видимому, большинство, защищают старое. Разделение функций придумано природой очень давно и оказалось очень ценным социобиологическим механизмом в обеспечении выживания. Природа использует и жесткое разделение функций, например, рабочая пчела в улье уже не может стать маткой, и гибкое разделение, такое, что определенные функции предписываются лишь как предпочтения (например, если погибнут все, способные к музыке, я смогу стать плохим композитором*). Достаточно очевидно, что

* Организаторы производства не так уж давно перенесли известный природе принцип разделения труда. Если принимать во внимание только интересы производства, то, возможно, они и правы в том, что предпочли жесткое разделение труда на заводах. Но если учитывать, что для млекопитающих, в отличие от некоторых насекомых, природа избрала гибкое разделение функций, то, быть может, следовало бы задуматься над возможностью применения менее жесткого разделения труда на производстве. Речь идет о разделении труда при выполнении элементарных операций, а не о более или менее жестком разделении по профессиям. Похоже, что это последнее возникло естественно и очень небольшой процент населения обладает склонностью к освоению многих профессий. Это, пожалуй, говорит в пользу предположения об ограниченной представленности познавательного автоматизма у среднего человека.

именно через регулирование характеров людей природа может осуществлять свою программу разделения функций в обществе. Это звучит опять антропоморфно по отношению к природе. Для тех, кого это настораживает, повторю то же утверждение другими словами. Разделение функций наблюдается потому, что в характерах разных людей автоматизмы представлены по-разному. И поскольку такое разделение функций оказалось полезным для выживания, постольку разброс параметров характера у разных людей оказался закрепленным на генетическом уровне. Мы можем с этим не считаться, но природа возьмет свое.

Третий подход к обсуждаемой проблеме — надежда на регулирующую роль рынка, надежда на то, что процесс чрезмерного развития технологии и ее внедрения будет автоматически остановлен или замедлен нехваткой квалифицированных кадров. Тут надо помнить, что рынок не предсказывает истощения ресурсов, он лишь реагирует на истощение. Вряд ли разумно доводить общество до такого состояния, когда рынку придется отреагировать на недостаток человеческих ресурсов, ибо до этого развитие технологии может переманить ресурсы, важные в других областях. Грубо говоря, опасно переманивать всех умных в научно-технологическую сферу, ибо это вызовет неизбежное поглупение в тех областях производства и общественной жизни, включая народное просвещение, на которые рынок в данный момент обращает меньше внимания. Совершенно не исключено, что этот процесс уже начался в наиболее технологически развитых странах и свидетельством этому может быть факт меньшей отдачи капиталовложений в просвещение в США. Рано или поздно рынок скажет свое слово, и нехватка человеческих ресурсов замедлит технологическое развитие, но довериться рынку в решении этого вопроса — значит оставить общество открытым для существенных социальных дисбалансов и рисковать понижением надежности функционирования социальных механизмов.

Теперь я поговорю еще об одном примере того, как природой предусмотренное распределение параметров характера может влиять на поведение. Речь идет о воровстве — социальном явлении, издревле столь характерном почти для любой популяции, что естественно, если у людей возникал

вопрос, не является ли склонность к тайному похищению чужого имущества врожденной или иным образом биологически обусловленной. То, что я говорю об этом ниже, кажется мне столь очевидным, что вполне возможно, такой подход предлагался кем-то раньше. В то же время, это лишь гипотеза, и я не удивлюсь, если читатель ею возмутится.

Для определенности, я говорю о традиционном воровстве, не смешивая его ни с насилием, ни с мошенничеством, ни с обманом налогового управления, ни, тем более, с современной организованной преступностью. Рыцари этого ремесла, наверное, всегда принадлежали к особой субкультуре со своей этикой, жаргоном и даже процедурой разрешения споров без помощи властей, что само по себе интересно, ибо демонстрируя наличие своего собственного социального потенциала, способности и склонности к изолированной от общества самоорганизации, эти люди тем самым показывают свое социобиологическое отличие от остальной массы людей. Изучая данные о русском воровском мире, я обратил внимание на одно свойство воровской психологии, которое редко замечают. Именно на то, что у воров нарушено чувство собственности вообще.* Они не только пренебрегают правом собственности всех вокруг (за исключением собратьев по ремеслу), но и сами не пекутся о собственности, с легким сердцем отдавая, проигрывая или пропивая то, чем они завладели с таким риском.

Попытаюсь проследить истоки *чувства собственности* у человека. Мы не знаем точно, когда возникло *право собственности*, но ясно, что общество начало охранять собственность не раньше, чем возникла сама собственность, и естественно предположить, что необходимость общественной охраны не была придумана нашими предками, предположить, что еще до института охраны существовало чувство, которое возмущалось при посягательствах.

В животном мире есть по крайней мере пять видов ценностей, посягательство на которые вызывает агрессивную защиту при подходящем соотношении сил, а иногда и без оценки этого соотношения. Это — добыча, территория, тело

* См. В. Чалидзе, Уголовная Россия, Нью Йорк.

самого животного, самка в брачной ситуации и дети. Разные животные по-разному активно пекутся о защите этих ценностей, но если искать биологическую основу чувства собственности, то естественно обратить внимание на инстинкты защиты указанных ценностей. При этом надо выбрать из них те, в отношении которых можно предположить, что у природы был эволюционный смысл обделять ими какой-то процент популяции. Сразу видно, что ущербность в отношении всех этих инстинктов, кроме территориального, противоречит выживанию. Однако территориальный инстинкт скорее всего не должен был быть представлен у всех поровну, если природа избрала для наших предков полигамию. Из наблюдений приматов видно, что при распределении территории между полигамными группами многие самцы остаются вне групп и вне освоенных территорий. Их эволюционная роль — быть в запасе, занимая место семейных самцов при счастливом случае или при удачном исходе борьбы, но очевидно, что далеко не всем удавалось обзавестись собственной территорией. Значит, они должны были быть между территориями и пользоваться для пропитания набегами на чужие территории или осваивать новые места. Значит, эволюционно было выгодно, что не у всех самцов было сильно развито территориальное чувство, иначе для домовитых самцов был бы невозможен мир с бездомными. Природа активно пользуется соперничеством для улучшения породы своих тварей, но в то же время ограничивает это соперничество, избегая саморазрушения.

Итак, моя гипотеза о биологической основе воровских наклонностей состоит в том, что, во-первых, чувство собственности у людей развилось на основе мозговых структур, ответственных за территориальный инстинкт, во-вторых, некоторая часть индивидуумов обделена этим инстинктом с целью ограничить соперничество, хотя возможность "включения" этого инстинкта при благоприятных условиях, по-видимому, сохраняется. То, что с развитием культуры и собственности такая биологическая ущербность перестала играть полезную роль, первоначально ей приуроченную, не должно смущать нас, природе до этого нет дела. При этом, в соответствии с тем, что говорилось о дисперсии параметров характера, даже при небольшом среднем значении соответ-

ствующего параметра характера автоматизм все же проявляется. Как известно, среди традиционных воров наблюдается дележ территории, но по-видимому, соответствующие структуры мозга не достаточно развиты, чтобы обеспечить развитие чувства собственности на основе этих структур. Я сказал о части индивидуумов, но точнее говорить о части самцов. При полигамных группах не было эволюционного смысла ограничивать территориальный инстинкт самок. Как видим по статистике, воровство — это преимущественно мужское преступление — констатирую отсутствие противоречия, понимая, что сам этот факт недостаточен для доказательства сказанного.

Высказанная гипотеза звучит правдоподобно, если не отрицать биологическую предрасположенность к определенным типам поведения.

В заключение разговора о многообразии характеров отмечу важную неопределенность, связанную с эволюционной ролью этого многообразия. Неясно, закреплялись ли определенные полезные типы многообразия в процессе отбора, или природа просто была неспособна обеспечить единообразие характеров таких сложных существ, как приматы или иные стадные млекопитающие. При этом вполне возможно, что для обсуждения биологически мотивированного поведения это совсем неважно, ибо важен тот разброс параметров характеров в популяции, который наблюдается теперь.

Я склоняюсь к тривиальному разрешению этой неопределенности, именно к тому, что оба предположения совместимы и верны. Разумно считать, что несовпадение генотипов у разных особей само по себе обеспечивает разброс параметров характеров, и рождение особей с характерами, неприемлемыми для выживания в определенных условиях. В отношении этих последних действует отбор. А характеры выживающих особей определяют поведение оных и как индивидуумов и как членов сообщества данного вида, а если угодно, как элементов данной экологической ниши. Так например, очевидно, что при отсутствии инстинкта корпоративности, не будет взаимопомощи среди особей данного вида. Но даже этого инстинкта недостаточно для образования стада с иерархической структурой, ибо для этого нужно сочетание

особей с разными характерами в отношении инстинкта покорения и инстинкта покорности.* Нетрудно себе представить, что от соотношения числа особей с ярковыраженным инстинктом лидерства и числа покорных зависит, в стабильном случае, средний размер иерархических групп, а в нестабильном, активность внутривидовой борьбы и, возможно, процент гибели претендентов на лидерство. Можно привести или сконструировать другие примеры того, как то или иное распределение параметров характеров в популяции будет определять общественную структуру и поведение сообщества.

Однако предложенное тривиальное разрешение указанной неопределенности не устраняет вопроса о том, что происходит теперь. Продолжает ли природа поддерживать достигнутое когда-то статистическое распределение разных параметров характеров людей или теперь процесс идет стохастически. Догадка читателя об этом будет не хуже моей, однако можно не сомневаться, что успехи медицины и социальной помощи в некоторых странах существенно искажают распределение характеров по сравнению с тем, что задумано было природой.

* По-видимому, инстинкт покорности — позднейшее достижение природы. Покорение окружающих воль — один из первых типов взаимодействия с окружающим миром живых существ, а если помнить о принципе волевого детерминизма, то и с миром вообще. Покорность же не могла развиться эволюционно успешно, до тех пор, пока не появились сообщества животных одного вида с внутренним взаимодействием внутри этого сообщества, ибо, вообще говоря, покорность вне стада себе подобных означает согласие быть съеденным (отвлекаюсь от довольно редких случаев межвидового симбиоза). Говоря точнее, покорность могла стать фактором, мешающим выживанию, лишь тогда, когда развился механизм благожелательной реакции на эту покорность, что одновременно означает, что покорность не могла бы развиться, не будучи защитным механизмом.

ПОБЕДА СЛАБЫХ

Биологическая эволюция человека происходила необычайно быстро, поскольку человек умеет убивать себе подобных и был очень активен в этом занятии в течение многих тысячелетий. Кроме того, культурой установленные брачные обычаи во многом отличаются от тех, что были приняты у приматов. Нельзя уже говорить об естественном отборе, как это делают при описании эволюции иных видов. Это псевдоискусственный отбор, ибо критерии отбора определялись людьми, хотя и без знания правил селекции. Неважно, назовем ли мы это продолжением эволюции вида или выведением новых пород внутри вида. Важно то, что происходит селекция, подобная резко ускоренному эволюционному отбору, и то, что биологически, а не только культурно мы не те же существа, какими были люди десять, а быть может и две тысячи лет назад. Ссылка на тождество основных анатомических характеристик не противоречит этому утверждению, ибо упомянутый отбор шел не по заметным анатомическим признакам, а по развитию мозга, тонкая структура которого пока не доступна для сравнительного анализа. Мы можем судить о ней лишь по развитию умственных возможностей и по тому, насколько способен человек к развитию неинстинктивной компоненты своего поведения.

Выживали с большей вероятностью не биологически более приспособленные, а социально приспособленные. Этот новый вид приспособленности включает качества весьма необычные по сравнению с тем, что ценится при

отборе биологическом. Это, например, способность быть в тени, когда убивают ярких, быть слабым или притвориться слабым, когда убивают сильных, быть умным, когда дерутся глупые. Вместо отбора по физической силе и по способности эту силу применять, т.е. отбора по объему собственно воли, столь обычного в животном мире, псевдоискусственный отбор приводил преимущественно к выживанию людей слабых, покорных и при этом способных к овладению культурой.

Модели победы слабых

Рассмотрю для примера простую комбинацию двух качеств: физической силы и покорности. Для стабильной социальной жизни нужны преимущественно покорные (польза непокорных, прокладывающих обществу новые пути, — несомненна, но это — умеренная непокорность, не выходящая за определенные рамки социальных установлений, так же как и в большинстве случаев непокорность лидеров). Сила, казалось бы, способствует и биологической, и социальной приспособленности, однако тот факт, что общество использует сильных на войне, делает силу не выигрышным качеством.

Оглядываясь на всю известную историю человечества, можно заключить, что

сильные и непокорные отсеивались в войнах и в иерархической борьбе, кроме немногих, кто утверждался в лидерстве;

слабые и непокорные отсеивались в иерархической борьбе;

сильные и покорные активно отсеивались в войнах;

слабые и покорные выживали, размножались, развивали свои иерархии по иным, чем сила, признакам.

В результате, мы — общество в основном слабых, неагрессивных и сравнительно покорных людей. Мы большей частью подчиняемся закону, а в тиранических обществах — тирану. Большинство мужчин нашего общества не набрасывается на женщину даже при большом желании сделать это. Мы редко пускаем в ход кулаки, и даже дуэли вышли из моды. Мы

даже умеем иногда коллективно противостоять напору небольшого числа сильных.*

Победа слабых в процессе псевдоискусственного отбора (как видим, обратного естественному) привела к важным эволюционным и социальным последствиям. Родилась цивилизация. Слабые установили свои правила иерархического соперничества, такие, что использование прямой силы, агрессивности уже не считается дозволенным приемом соперничества. Даже в спортивной иерархии сила подчинена правилам, равно как и в армии, и полиции, где романтика силы по-прежнему культивируется. Единственное исключение оставлено для войны. Там правила применения силы хотя и существуют (и в том или ином виде существовали задолго до Женевских конвенций), но играют скорее символическую роль. Война, по крайней мере до последнего времени, а у неразвитых стран и теперь, — это законный способ прямого силового соперничества, допускающего свободную разрядку накопленной тоски по агрессивности. Даже возросшее в течение тысячелетий применение оружия до недавнего времени не изменило этого свойства войны. Следует помнить, впрочем, что в последние два века размер войска в крупных войнах потребовал привлечения к военной службе также и тех, кто сам предпочел бы скорее мирную карьеру. Поэтому роль войны в псевдоискусственном отборе могла слегка сгладиться, но она не исчезла совсем, ибо даже при всеобщей воинской повинности явно слабые обычно не попадают на войну и продолжают размножаться.

Ситуация изменилась только теперь для технологически развитых стран. Нажатие кнопок — это не война сильных. И уничтожение Хиросимы и Нагасаки — это уничтожение без отбора по агрессивности. Таким образом, популяции, обязанные своей цивилизованностью победе слабых, обратному отбору по агрессивности, стоят перед эволюционным кризисом. Слабые довели искусство ведения войны до такого

* У обезьян (Менинг, Поведение животных, М., 1982, 307) отмечены случаи, когда особи высокого ранга объединяются для взаимопомощи при доминировании над другими. В человеческих сообществах, по-видимому, впервые изобретена кооперация слабых для противостояния сильным внутри сообщества.

совершенства, что война уже не может играть роль инструмента дальнейшего отбора, направленного против сильных. Но биологически наследуемая агрессивность не исчезла совсем. Наследственная предрасположенность к прямому применению силы ослаблена в обществе предшествующими тысячелетиями отбора, но по-прежнему, характерна для какой-то части населения. Без продолжения упомянутого отбора количество людей с предрасположенностью к агрессии может нарастать. Для того, чтобы сохранить достигнутый уровень цивилизованности, обществу придется усовершенствовать методы культурного подавления агрессивности в новых поколениях. Однако неясно, какую частоту "гена силы" следует считать нормальной для дальнейшего развития цивилизации. Чрезмерное подавление сильных может оказаться опасным для самого развития, ибо не исключено, что наследственная агрессивность косвенно ответственна за склонность человека к активности, за его амбиции. Без этого можно прийти к необратимой стагнации.

Важно подчеркнуть, что роль войны в указанном отборе имеет место лишь при сохранении слабых. Обратной была роль войны при сплошном уничтожении популяции проигравших и даже только при уничтожении всех самцов, как у шимпанзе*. (Если не убиты самки побежденных, использование их победителями все равно увеличивает шанс победителей закрепить свои качества в потомстве, несмотря на то, что самки несут наследственность побежденных.)

Рассмотрю различные возможности подробнее на модели. Я буду говорить о "гене силы" в иллюстративных целях, имея в виду целый комплекс наследственных черт, характерных для субъектов, склонных к агрессивности, к прямому применению силы в случае конфликта и притом обладающих достаточной физической силой для того, чтобы их агрессивность не являлась необоснованной угрозой.

* Вот пример: самцы шимпанзе одного сообщества в Гомбе "уничтожили" самцов небольшого сообщества шимпанзе, обосновавшегося южнее. После того, как сообщество перестало существовать, победители заняли их территорию" Sc. Am., June 1985 (russ. Aug. 85) M.P.Ghiglieri. Социальная экология шимпанзе.

Под этими наследственными чертами я подразумеваю не только пакет генов, ответственных за агрессивность, но также и отсутствие или малую мощность пакета генов, ответственных за экранирование агрессивности, т.е. ответственных за конструирование в мозгу альтернативных агрессии путей проявления воли. Агрессивность скорее всего, в той или иной мере присуща каждому, и скорее всего, древние структуры мозга ответственны за нее. Будет ли агрессивность проявляться прямо, в виде применения силы при разрешении конфликтов, зависит, по-видимому, от того, насколько в эволюционно поздних структурах мозга развиты возможности выбора альтернативных путей проявления воли. Эти структуры могут быть и генетического, и культурного происхождения, т.е. они и наследуются, и воспитываются. Благодаря им агрессивные импульсы не исчезают, а экранируются, преобразуясь в источник мотивации социально приемлемых актов поведения. Эту оговорку следует помнить при употреблении термина "ген силы" в иллюстративных целях.

Итак, пусть, только для нужд данной модели, существует "ген силы", наследуемый по Менделю. Группа А с большей частотой этого гена без потерь в своей группе побеждает группу Б, имеющую меньшую частоту "гена силы", присоединяет территорию побежденной группы Б к своей территории и уничтожает всех особей группы Б. Результат: группа А имеет большее жизненное пространство для размножения при более высокой частоте "гена силы". "Ген силы" выиграл.

Пусть теперь в группе Б уничтожены все, кроме самок. "Ген силы" опять выиграет, но меньше, чем если бы вся группа Б была бы уничтожена, это можно видеть из простого подсчета, если исходить из предположения, что "ген силы" не обязательно сцеплен с Y-хромосомой*. В этом случае сказывается генетически-усредняющая, инерционная роль самок.

Посмотрим, что будет, если не все самцы группы Б будут уничтожены. Если победители уничтожат лишь слабую подгруппу самцов группы Б, то "ген силы" выиграет, и

* В случае, если агрессивность сцеплена с Y-хромосомой, нет инерционной роли самок, и уничтожение сильных приводит к большей скорости отбора в пользу слабых.

группа победителей усилится за счет пополнивших ее сильных самцов группы Б. Но так, как правило, не бывало. Обычно убивали тех, кто сопротивлялся или может сопротивляться в будущем, т.е. сильных. В этом случае, т.е. если будет убита лишь подгруппа сильных, а слабые будут приняты в группу А и смогут размножиться, частота "гена силы" в группе понизится. "Ген силы" проиграет.

Эта простая модель показывает, как, скорее всего, началась цивилизация. Человеческие популяции нашли способ уменьшать частоту "гена силы", несмотря на то, что природные инстинкты их эволюционных предшественников, по видимому, были рассчитаны на увеличение частоты этого гена. Модель эта, конечно, упрощенная. Выживание популяций охотников-собирателей связано было не только с отбором по силе, но и по развитию мозга, и именно отбор по силе и по развитию мозга подготовил следующий шаг — обратный отбор по силе и победу слабых.

Найденный человечеством способ уменьшать частоту "гена силы" в популяции состоит из двух компонент. Среди побежденных сохранять слабых и в дальнейшем не препятствовать размножению этих слабых. Первое, наверно, получилось само собой как только в сообществах людей началось, грубо говоря, деление на воинов и работников. О подобном делении в группах шимпанзе я не слышал, там каждый самец, кроме немощных — воин, когда это требуется. Но у шимпанзе и нет смысла для выделения подгруппы работников — они не выполняют в природных условиях никакой работы, требующей специализации. Разумно предположить, что такое разделение в группе наших предков началось, как только появилась нужда в специалистах-ремесленниках. Горшечники и оружейники, а затем скотоводы несомненно бывали и воинами, но в среднем можно считать, что они очень рано стали составлять особые социальные группы. Специализация повышала мастерство и производительность труда, и эти группы повышали приспособляемость сообщества. Однако было бы неразумно, если бы наши предки зачисляли в такие группы работников тех, кто силен и агрессивен. Напротив, сильные скорее попадали в число воинов, тем более, что сила — это завидный иерархический признак, равно как и звание воина.

Описанная ситуация со специализацией особей в сообществе обусловила первую компоненту цивилизующей находки наших предков — не убивать всех самцов, оставлять не опасных, но весьма полезных работников, среди которых частота "гена силы", как разумно считать, была ниже, чем среди воинов. Благодаря этому, победившее сообщество увеличивало свою приспособляемость не только за счет захвата территории и самок, но и за счет лучшего обеспечения себя работниками. Можно сказать, что группа победителей выигрывала в силе, но проигрывала в частоте "гена силы".

Впрочем, для того, чтобы этот парадокс имел место, нужна и вторая компонента цивилизующей находки: нужно позволить захваченным слабым работникам размножаться. Если не давать им жен или кастрировать их (не знаю, когда научились этому искусству), то немедленной пользы от них будет не меньше. Однако рыцари "гена силы", по-видимому, редко избирали этот путь. Ремесла были семейными, дети работников помогали отцам и так обучались навыкам. Это был социально полезный способ организации производства, способ, обеспечивающий преемственность ремесел и тем повышающий приспособляемость сообщества. Для данного рассуждения не важно, были ли эти ремесленники рабами или нет. Однако в общем балансе наследования "гена силы" или способностей к ремеслу существенную роль играл тот факт, что, по крайней мере в историческое время, многим рабам размножаться не давали. Так было, вероятно, когда рабов, включая бывших воинов, использовали как примитивную рабочую силу, не требующую квалификации и, соответственно, не требующую социально-наследственной передачи этой квалификации. Такая практика понижала наследование "гена силы" в силу сказанного раньше и могла повышать частоту наследственного закрепления способностей к ремеслу, в том числе интеллектуальных и художественных способностей.

Однако действие описанной цивилизующей находки могло быть нейтрализовано брачными обычаями. Даже если работники, т.е. подгруппа с низкой частотой "гена силы", получают жен, чтобы обеспечить социальное наследование производственных навыков, сильнейшие в сообществе могут захватить всех оставшихся самок и обеспечить высокое вос-

производство "гена силы". Не исключено, что это в той или иной степени произошло в популяциях, где полигамия не была запрещена. Характерно, я думаю, что высшие достижения цивилизации мы видим именно в странах с обычаем моногамии, то есть в популяциях, в которых понижение частоты "гена силы", вызванное гибелью сильных вследствие войн, не было компенсировано тем, что сильные систематически захватывали больше самок (я говорю "систематически", ибо несмотря на строгие нормы о моногамии, сильные, конечно, умудрялись приживать детей на стороне).

Победа слабых и гомосексуальность

Я обсуждаю здесь эволюционную роль дозволенности и запрета гомосексуализма в человеческом обществе. По-видимому, запрет гомосексуальных отношений, характерный еще недавно для многих цивилизованных обществ, как дополнительный фактор сыграл роль в процессе обеспечения победы слабых.

Теперь можно уже считать установленной роль наследственных факторов в передаче гомосексуальной предрасположенности.*

Я буду условно, для краткости, называть пассивно-гомосексуальную предрасположенность у мужчины "женским началом".

Тут необходимо сделать оговорку о том, что, по-видимому, речь об этом не должна идти в терминах дихотомической логики. Статистика показывает, что нет резкой границы между пассивно гомосексуальными и гетеросексуальными предпочтениями, а именно по предпочтениям можно судить о наличии "женского начала" у мужчин, ибо лишь в крайних случаях это начало проявляется в поведении. Я думаю, речь должна идти о спектре, о разной степени представленности "женского начала" у мужчин. Лишь крайняя часть этого спектра соответствует некоторому проценту мужчин в популяции, совершенно неспособных к гетеросексуальным отно-

* L.L.Heston & James Shields, "Homosexuality in Twins" Archives of General Psychiatry 18 : 149-160 (1968).

шениям. По-видимому, большой процент мужчин с "женским началом" вполне способен к обычной семейной жизни, к размножению и, следовательно, к передаче своей предрасположенности.* Я не буду вдаваться в подробности того, как на практике включается механизм гомосексуального предпочтения. Замечу лишь, что, по-видимому, coitus per anum может служить триггером для мужчин с "женским началом", испытавших это в качестве пассивного партнера, а лица преимущественно с "мужским началом" остаются мужчинами в своих предпочтениях даже после такого испытания.** Обычай некоторых древних народов использовать anus подростков в процессе магических совокуплений мог иметь важное значение в эволюционном отборе. Такую же роль в отборе играло просто допущение гомосексуальных отношений, широко распространенное в древности и как бы являющееся следствием того, что гомосексуализм обычен у приматов. Лица, преимущественно с "женским началом", не участвовали в репродукционном процессе после такой проверочной инициации или после того, как они сделали гомосексуальный выбор, так что "женское начало" постепенно вытеснялось из наследственности популяции. Возникает вопрос, была ли опасность почти полного его вытеснения?

* Трудности статистического выявления гомосексуальных склонностей очевидны, но попытки заслуживают внимания. Согласно некоторым авторам, гомосексуальные склонности фиксируются у 10% мужчин. Однако следует помнить, что заинтересованность сторонников и противников свободы гомосексуализма может влиять на результаты исследований.

** Страх перед гомосексуальным изнасилованием в советских тюрьмах и лагерях хорошо известен читателям воспоминаний заключенных. Причина этого страха не только в том, что мужчина не хочет подвергнуться предположительно неприятной процедуре, но и в том, что после такой инициации, во-первых, он перестает считаться мужчиной в коллективе заключенных, во-вторых, он сам боится, и часто верит, что не сможет в дальнейшем выполнять мужскую роль. Мало того, в русском воровском мире, вор, подвергшийся подобной инициации, никогда не станет вором в законе, независимо от того, стал он в результате гомосексуалистом или нет. Эта вера в то, что инициация является триггером необратимых изменений, весьма сильна, и, я думаю, ее можно рассматривать как свидетельство того, что спектр "женского начала" достаточно широк.

Интуитивно я вижу две возможности ответить на этот вопрос отрицательно. Во-первых, я нахожу привлекательной описанную Wilson'ом гипотезу о том, что гомосексуальные субъекты, сами не размножаясь, оказывали социальную помощь родственникам и тем содействовали сохранению в потомстве близких генов (kin-selection)*. Во-вторых, разумно считать, что "женское начало" самовоспроизводимо, что может с вероятностью следовать из того факта, что когда-то оно появилось. Если такая самовоспроизводимость "женского начала" среди мужчин существует, то во времена, когда "мужественность" мужчин была решающим фактором выживания популяции, должен был развиваться механизм отсева "женского начала", чтобы нейтрализовать его чрезмерное воспроизводство.

Именно такую роль, роль отсева "женского начала", играла свобода гомосексуальных отношений и гомосексуальные инициации подростков. С точки зрения современной христианско-иудейской морали это парадоксально. Презрение к пассивным гомосексуалистам основано на тезисе, что мужчины должны быть настоящими мужчинами. Между тем, эти "не-мужчины" самим фактом неучастия в репродуктивном процессе помогают поддерживать определенный уровень мужественности популяции. И напротив, заставить их быть "настоящими мужчинами", заставить их участвовать в размножении — значит понизить мужественность популяции.

Если мужественность связана с уровнем агрессии, то дозволенность гомосексуализма могла быть механизмом поддержания агрессивности популяции и, следовательно, в нецивилизованные времена, это могло влиять на выживание. Напротив, табу на гомосексуальные сношения, должно было бы со временем приводить к накоплению "женского начала" среди мужчин, снижая уровень агрессии популяции и приводя к общему смягчению нравов**. Отыскать доказательства такой точки зрения теперь вряд ли возможно, но иллюстрация примерами — полезна.

* E. Wilson. On human Nature, Harvard Univ. Press, 1978, а также Promethean Fire, Harvard, 1983

** E. Wilson, обсуждая kin-selection, отмечал социальную роль гомосексуалистов, подававших пример альтруизма. Ibid.

Среди евреев запрещение гомосексуализма известно весьма давно, притом, по-видимому, это запрещение воспринималось более серьезно, чем, скажем, позднее на мусульманском Востоке. Быть может, долговременное действие этого табу связано с известной неагрессивностью евреев — судя по Библии они всегда больше полагались на то, что их защитит Бог, это было даже его обязанностью.* Запрет гомосексуализма в христианских странах также коррелирует с постепенным понижением агрессивности и смягчением нравов европейской цивилизации.

Напротив, в Японии, где культ насилия до недавнего времени был силен, гомосексуализм был обычным явлением. Теперешнее снятие табу на гомосексуализм в ряде стран может иметь интересные эволюционные последствия. Трудно однако предсказать, как именно проявится рост "мужественности" мужчин в сочетании с возросшим уровнем цивилизованности общества. К тому же, подростки защищены законом и иногда родительским надзором от посягательств взрослых, что резко снижает вероятность "инициации" по

* Позволю себе следующие спекуляции. Запрещение гомосексуализма среди евреев разумно связать со временем гибели Содома и Гоморры. Гомосексуализм, когда он разрешен, не локализован географически без специальной причины. Можно предположить, что города эти были центрами поклонения гомосексуальным и содомическим божествам, что было причиной сосредоточения активных поклонников этих божеств. Внезапная гибель этих городов, может быть понятнее теперь, когда мы знаем о вирусах СПИДА, распространяемых посредством гомосексуального акта. Тогда не было переливания крови и игл наркоманов, поэтому этот или подобный ему по путям заражения вирус мог избирательно поразить лишь соответствующую часть населения. Неудивительно, если такой впечатляющий гнев природы был отнесен древними евреями к числу божественных предупреждений и повлек запрет гомосексуализма. Сам факт того, что возможна опасная болезнь, передаваемая посредством гомосексуального общения, существенен для моего рассуждения, неважно был это СПИД или что-то иное.

Если гомосексуализм столь естественен у приматов, то, по-видимому, должна была быть достаточно драматическая причина для наложения табу и у евреев, и у других народов, избравших такой запрет в доисторическое время (позднейшие запреты могут быть объяснены влиянием других культур).

сравнению с древними временами. Однако распространение идей дозволенности и естественности гомосексуализма может привести к продолжению роста числа гомосексуалистов с большим вытеснением "женского начала" из репродуктивного процесса.*

Я не исключаю, что для сообществ с чрезмерно высокой мерой генетической цивилизованности (см. ниже) такой рост мужественности может иметь генетически оздоравливающее влияние.

Если сказанное о роли гомосексуализма в эволюции верно, возникает вопрос, почему для отбора по мужественности природа избрала столь, казалось бы, странный механизм. Я понимаю, что вопрос этот в отношении природы звучит антропоморфно, но это, по меньшей мере, допустимая риторическая формула, а может быть, нечто более содержательное: в зависимости от определения, что такое разум, можно в принципе говорить о разуме природы или приписать ей мудрость выбора.

В сообществах, где самки захватываются сильнейшим, агрессивнейшим, проблемы нет. Сильнейший — скорее всего и более мужественный, женственные самцы тем самым отеснены от размножения.

В сообществах, склонных к более или менее равномерному распределению самок, казалось бы, достаточно снизить или элиминировать репродуктивную способность тех мужчин, которые унаследовали добрую долю женского начала.** Если эти меры сопровождаются снижением сексуальной привлекательности для самки, цель будет достигнута даже

* С 1970 года я критиковал советское законодательство, предусматривающее уголовное наказание за добровольный гомосексуальный акт между взрослыми. Теперь я говорю о благотворном влиянии запрета гомосексуализма на рост цивилизованности и на смягчение нравов. Я не вижу противоречия. Социософские и эволюционистские рассуждения не должны влиять на права человека и наоборот: соображения защиты прав и чьи бы то ни было интересы не должны влиять на беспристрастность ученых рассуждений.

** По-видимому, вообще природа прибегает к таким крайним мерам весьма редко, лишь в случае особо существенных генетических нарушений, предпочитая не закрывать пути достижения большего многообразия.

без риска непроизводительного расхода самок. Известно, например, что некоторые хромосомные нарушения сопровождаются лицевыми уродствами, несомненно снижающими сексуальную привлекательность*

Я думаю, рассмотренная возможность отбора — пример гибкости природы в выборе средств и, если угодно, целей эволюционных изменений. В сообществах, где сильные захватывают самок, часть мужественных и все женственные самцы остаются в резерве, готовые продолжить размножение, если сильные погибнут. Очередь женственных наступит, если погибнет достаточно много мужественных. Поскольку они не абсолютно женственны, они вместе с самками передадут потомству достаточно мужественности, чтобы популяция в будущем могла вернуться к практике отбора по мужественности, если это понадобится. Это, я думаю, пример гибкости в выборе средств.

В сообществах с более или менее равномерным распределением самок сохранение сексуальной способности и приемлемой привлекательности не мужественных мужчин — пример гибкости природы в выборе целей отбора, пример сохранения многообразия возможностей развития, когда из предыдущего эволюционного опыта не известно заранее, в какую сторону должен идти отбор. Действительно, если считать западную цивилизацию эволюционным успехом или, по крайней мере, заслуживающим внимания эволюционным вариантом, то видно, что именно многообразие возможностей отбора оказалось решающим. Этой цивилизации не было бы, не будь у эволюции возможности отойти от традиционного и испытанного отбора по силе, хотя, разумеется, запрет гомосексуализма был не единственным механизмом, обеспечившим победу слабых.

Все сказанное здесь касается мужского гомосексуализма и притом пассивного или допускающего чередование ролей.**

* Например, женщины с тетрасомией часто имеют черепно-лицевые дисморфии и другие физические отклонения, но при этом способны иметь потомство (Н. П. Бочков и др. "Медицинская генетика", М, 1984 стр. 127).

** Роль гомосексуализма в отборе не исчерпывается тем, что сказано о мужчинах. Запрещение или порицание женского гомосексуализма могло приводить к закреплению в потом-

Эволюционный механизм возникновения исключительно активного гомосексуализма мне не ясен и мне неизвестны исследования о наследовании этого свойства. Я не удивлюсь, если окажется, что этому свойству не сопутствуют какие-либо генетические особенности, хотя осторожность подсказывает мне, что для такой гипотезы пока нет оснований, если не считать того факта, что далеко не все факторы при выборе партнера обусловлены генетически. Не исключено, в частности, что несознательные иерархические мотивы могут играть роль в формировании активно-гомосексуальных предпочтений. Дело в том, что для мужчины сексуальное обладание — это иерархическое достижение, будь это обладание женщиной или мужчиной. Не исключено, что сознание обладания мужчиной приносит большее иерархическое удовлетворение некоторым мужчинам.* Впрочем, для инициаций подростков у древних народов не требовалось того, чтобы какая-то часть мужчин практиковала исключительно активный гомосексуализм, поэтому данный вопрос не важен для моих рассуждений.

стве "мужского начала" среди женщин, если такая симметрия существует. Не исключено, однако, что в этом случае у природы меньше выбора. Для осуществления симметричного отбора, направленного против "мужественных" самок, такие самки должны были бы вступать в конкуренцию с самцами, чтобы обладать "женственными" самками. Успех такой конкуренции во времена, предшествовавшие цивилизованным, — сомнителен. Скорее всего, отбор по женственности самок происходит благодаря снижению сексуальной привлекательности "мужественных" самок, тем более, что, как известно, эта привлекательность обычно существует. Отсутствие симметрии в методах отбора естественно влечет несимметрию в системе ценностей тех, среди кого производится отбор.

* В английском отсутствует (или утрачено?) грамматическое отражение этого факта. Глагол *fuck* двусторонний и может употребляться в активной форме в отношении и активного, и пассивного партнера. В русском соответствующий аналог употребляется в активной форме лишь, когда речь идет об активном партнере. Сексуальный и тюремный жаргон русского языка показывает, насколько существенно иерархическое достижение активного партнера, и насколько иерархически принижено положение пассивного партнера.

Мера культуры и цивилизованности

В нашу эру позитивистской науки немного необычно оперировать в рассуждениях величинами неизмеримыми или даже принципиально неизмеримыми. С помощью какой-то, не всегда явной, подтасовки такие величины объявлены просто несуществующими. Я думаю, что неизмеримые величины вправе присутствовать в рассуждениях особенно о сложных и малоизученных объектах, а именно такими являются предметы моих размышлений: природа общества и человека. Понимание того, что какая-то характеристика объекта не может быть просто и однозначно измерена, не должно останавливать философа от попыток наметить возможные пути такого измерения или хотя бы сказать, при каких, пусть и неосуществимых, условиях измерение было бы возможно. Иногда, впрочем, сам факт возможности измерения характеристик в упрощенной модели явления уже оправдывает введение таких величин в рассмотрение.

Мера культуры и мера цивилизованности — это те неизмеримые или трудноизмеримые характеристики популяции или общества, которые я нахожу полезным употреблять и которые потребовали приведенной оговорки.

Впрочем, мера культуры, если понятие культуры определить упрощенно, является, если не практически, то во всяком случае принципиально, определенной величиной. Например, если определить культуру как совокупность усвояемых людьми правил, то среднее число правил, усвоенных индивидуумами на данный момент или усвояемых за время жизни, можно считать мерой культуры. Имеются в виду все правила, скажем, правило, как разводить глину для изготовления горшков, правила вежливости, правила подсчета сечений рассеяния элементарных частиц и т.п. Для большей четкости определения оговорю, что для подсчета сложные правила должны быть расчленены на элементарные — операция сама по себе не простая, но я буду предполагать, что она осуществима. Речь идет о списке правил, количество которых заведомо невычислимо даже в сообществе т.н. примитивной культуры, правил, относительно которых известно, что знание их не наследуется генетически, что они хранятся

в социальной памяти. При таком определении культуры мера ее не может быть представлена числом, но возможны оценки соотношения этой меры для различных сообществ, во всяком случае таких, которые интуитивно можно характеризовать как различные по мере культуры. Подобным же образом можно сравнивать меру культуры отдельных людей. Как и всегда, когда приходится полагаться на интуицию, здесь имеется существенная доля риска.

Мера культуры, определенная таким образом, не обязательно отразит наши бытовые представления. Скажем, космические успехи страны еще не обязательно говорят о том, что средняя культура населения в этой стране выше, чем в стране неиндустриализованной, но имеющей весьма развитые теософские и ритуальные традиции. Интуитивно ясно, например, что мера культуры Англии выше, чем таковая среди папуасов, но нет способа сравнить меру культуры, скажем, Китая и Индии.

Проще, я думаю, сравнение меры культуры слоев населения внутри одной страны. В этом случае можно пользоваться приближенными оценками, такими, как среднее время обучения для овладения объемом информации о правилах, необходимых для принадлежности к определенному слою.

Как видно из приведенного определения, мера культуры связана с количеством усвоенной информации (но не идентична ему), она не показывает, какова ценность этой информации для достижения определенных целей. Мера культуры ведийского жреца скорее всего больше таковой у автомеханика, между тем, вклад последнего в то, что мы называем прогрессом нашей цивилизации, по-видимому, больше. При характеристике ценности той или иной культуры для определенных целей нужно вводить другие способы оценки. При этом надо помнить тот неочевидный для многих факт, что человечество за время своего развития продемонстрировало изрядное разнообразие форм культуры. На интуитивную оценку меры культуры не должны влиять наши предпочтения типа культуры.

Поскольку мера культуры определена как количество социально усвоенных правил, она не характеризует динамики развития, не показывает, развивается ли культура и как

быстро. Можно представить себе застывшие, остановившиеся культуры, но ясно однако, что культура любой человеческой популяции развивалась, по крайней мере, в прошлом. Если идти вниз по дереву культурной эволюции, то рано или поздно встретим точку или уровень с нулевой или практически нулевой мерой культуры. Так, в сообществах шимпанзе мера культуры не равна нулю, возможно она не была нулевой и у наших предполагаемых общих с шимпанзе предков. Однако в сравнении с мерой культуры людей она пренебрежима, т.е. практически равна нулю. Приняв какой-то момент за момент нулевой меры культуры, можем говорить о средней скорости развития культуры. Здесь возникает принципиальная трудность: началось ли развитие культуры одновременно для всех человеческих популяций или изолированные друг от друга популяции начали свое "очеловечивание" в разные эпохи. Об этом нет данных и нет даже разумных оснований для спекуляций (хотя есть много пред-рассудков).

Судя по тому, что существуют популяции с резко различной мерой культуры, есть три возможности:

1. Нулевой момент для всех один, но скорости развития различны.

2. Скорости развития одинаковы, но различны нулевые моменты.

3. И скорости и нулевые моменты различны.

Оставаясь в полном неведении относительно возможной одновременности нулевого момента, замечу, что второй из перечисленных вариантов маловероятен. Скорость развития культуры скорее всего различна в зависимости от условий борьбы за выживание и культурных контактов. Мало того, в историческое время можно наблюдать резкую неравномерность развития во времени. (Сказанное не будет, однако, убедительным для сторонника крайнего биологизма. Можно построить концепцию, по которой рост меры культуры зависит только от генетических изменений в популяции. Если эти изменения идут с постоянной скоростью, то рост меры культуры будет в среднем постоянен, а наблюдаемую в историческое время неравномерность можно будет объяснить неизбежными флюктуациями. Я не соглашусь с таким крайним биологизмом, но для меня ясно, генетические изменения

и генетические начальные условия играли роль в динамике меры культуры.*)

Выше речь шла о средней скорости роста меры культуры. Даже если она была бы известна, это ничего не скажет нам о теперешней способности к развитию. Культура может иметь высокую меру, но быть застывшей многие тысячелетия назад. Такие популяции можно себе представить, хотя нет достаточно данных, чтобы привести пример, не рискуя быть обвиненным в предвзятости. Способность к развитию можно было бы характеризовать либо по результатам — скоростью роста меры в данный момент, либо по потенциалу развития — по количеству правил создания новых правил и по силе социальных запретов на поиск новых путей проявления воли. Первое характеризует способность к развитию вообще, за счет как внутренних ресурсов, так и заимствований. Второе — в большей степени показывает мощность внутренних ресурсов и может быть охарактеризовано как мера творческого начала в той или иной культуре.

Обсуждаемая мера культуры является интегральным показателем. Предполагается подсчет всех усвоенных правил, не унаследованных от рождения. Между тем, часть этих правил может быть усвоена так, что следование им не оставляет или почти не оставляет свободы для выбора, т.е. может составлять то, что я назвал дисциплинарным суррогатом воли. Другая часть такую свободу допускает. Численное отношение между этими частями, даже интуитивно оценен-

* Эта глава фактически посвящена тому, как культура играла роль в направлении отбора и, следовательно, в генетических изменениях популяций. Это — пример культурно-генетической коэволюции, обсуждавшейся Wilson'ом и др. (Lumsden & Wilson, *Genes, Mind and Culture*, Harvard, 1981; Wilson, *Promethean Fire*, 1983)

Помимо отбора культурно-генетическая эволюция осуществляется и посредством брачной селекции. Я имею в виду и социальные регуляторы, влияющие на выбор партнера, и еще не понятый наукой механизм индивидуального выбора.

Может ли культура влиять на наследственность прямо, не посредством направления отбора или брачной селекции? Современная генетика отвечает на этот вопрос отрицательно, но, быть может, существуют тонкие, не известные механизмы такой обратной связи, так что мне кажется, рано считать этот вопрос окончательно разрешенным.

ное, может служить важной характеристикой той или иной культуры или популяции.

Мера культуры (МК) — это характеристика количества приобретенных, не данных человеку от природы, путей проявления воли. Само значение этой меры ничего еще не говорит о том, насколько активно употребляются эти пути, эти правила. Ясно, что культурные пути проявления воли являются существенным дополнением комплекса инстинктивных, унаследованных от рождения путей. По аналогии с мерой культуры определяю меру инстинктивных путей проявления воли (МИ). Грубо говоря, МИ можно считать в среднем постоянной для популяций одного биологического вида, поэтому отношения

$$\text{МИ}/(\text{МИ}+\text{МК}) \text{ и } \text{МК}/(\text{МИ}+\text{МК})$$

не дают ничего принципиально нового для характеристики сообщества.

Они лишь показывают, каков был бы процент чисто культурного и чисто инстинктивного поведения, если бы люди равномерно использовали весь запас унаследованных и приобретенных путей проявления воли. Презюмировать такую равномерность, однако, нельзя. В популяции или у отдельного человека мера культуры может быть высокой, но поведение преимущественно инстинктивным и наоборот. Знание культурных путей проявления воли еще не гарантирует частое их использование. Точно так же предположительно одинаковое для всех количество инстинктивных путей проявления воли еще не означает, что они одинаково императивны для всех, напротив, активность использования инстинктивных путей явно различна у людей. Важно охарактеризовать относительную активность использования культурных путей.

Определяю меру цивилизованности (МЦ) как долю активности культурного поведения в поведении вообще. Точное определение дать трудно. Можно взять за основу подсчет числа поведенческих актов — культурных и инстинктивных, но не так легко определить, что именно является поведенческим актом, тем более, что часто то, что можно было бы назвать элементарным актом поведения, является результа-

том одновременного использования культурных и инстинктивных путей проявления воли. Можно говорить о том, какой процент времени бодрствующий человек проводит, следуя усвоенным правилам, и какой, подчиняясь биологическим программам. Можно говорить и об относительных затратах воли или энергии. Похоже, что я пытаюсь дать определение посредством описания трудностей, связанных с этим определением. Впрочем, точное определение не столь важно. Величина МЦ явно неизмерима, но весьма полезна для интуитивных относительных оценок.

Я хочу подчеркнуть, что так описанная мера цивилизованности сообщества или человека сама по себе не связана с тем, что принято называть успехами цивилизации. Строго ритуализированное поведение вождя "полудикого" племени или монаха, умерщвляющего плоть, может характеризоваться большей мерой цивилизованности, чем поведение несдержанного в своих страстях физика, сделавшего весомый вклад в развитие нашей цивилизации (при этом соотношение меры культуры этих людей, скорее всего, будет обратным).

МЦ, как доля активности культурного поведения, очевидно, может принимать значения от 0 до 1. Предположим, что поведение наших предков до появления человека можно характеризовать МЦ практически равной нулю. От тех времен до наших дней развитие человека и общества характеризовалось ростом МЦ: 1) за счет развития культуры, т.е. увеличения меры культуры в сравнении с предположительно постоянной мерой инстинктивных путей проявления воли и, одновременно, 2) за счет смирения страстей.

Первый фактор можно рассматривать как чисто культурный — общество развивало культуру "из ничего", но не следует преуменьшать генетическую обусловленность способности людей к развитию и сохранению культуры. Эволюционный отбор, подобный выведению новой породы внутри вида, несомненно играл роль. Доказать это теперь будет трудно. Мы знаем, что вес мозга наших предков увеличивался довольно резко, пока не достиг средней величины, характерной для *Homo sapiens*, однако неверно из этого заключать, что достигнув этого веса, мозг больше не эволюционировал. Разумно считать, что по достижении этого среднего веса прекратилась (или временно прекратилась) эволюция по

этому грубому анатомическому признаку — весу и по общим чертам анатомического строения, но при этом продолжалась и продолжается эволюция тонкой структуры мозга, т.е. эволюция несущих и усваивающих информацию мозговых сетей, а равно эволюция способности к развитию таких сетей.

Второй фактор — смирение страстей или подавление автоматизмов — есть результат как культурного давления, экранирования инстинктов с детства, так и результат эволюционного отбора, направленного против тех, кто оказывается неприспособленным к жизни в обществе из-за игры своих безудержных страстей.

Очень важно помнить об этой двойственности причин в способности к подавлению автоматизмов — культурной и генетической. Мы не знаем, какая степень смирения страстей является оптимальной для развития той или иной цивилизации. В нашей цивилизации этически ценится максимально возможное смирение. Хорошо ли это и до каких пор? Ясно, что предел есть. Если мы достигнем меры цивилизованности равной единице, мы перестанем быть людьми в теперешнем смысле этого слова, мы утратим способность быть движимыми природными инстинктами, и Бог знает к чему это приведет. Конечно $МЦ=1$ — это крайний и недостижимый предел, но даже чрезмерное приближение к этому пределу может быть опасно тем, что мы станем чем-то вроде социально связанных компьютеров.

Можно пофантазировать о том, что мы потеряем в результате чрезмерного роста $МЦ$. Прежде всего мы потеряем в чувственных ощущениях, ибо они во многом основаны на нашей животной природе. Мы потеряем в активности, ибо мы движимы инстинктами проявления воли и стремлением удовлетворять инстинкты, в том числе иерархический инстинкт, т.е. мы потеряем в мотивации, поскольку культурное поведение есть способ, но не двигатель — невозможно логически доказать компьютеру, что ему следует существовать и работать. Мы потеряем даже в размножении, ибо это дело хлопотное и без инстинктивных побуждений этим заниматься неинтересно (не потому ли рождаемость в культурных слоях населения часто ниже среднего?).

С этой точки зрения культурное смирение страстей предпочтительно, ибо сохраняет возможность обратного

хода: если мы увидим, что зашли слишком далеко в смирении своих инстинктов, мы сможем ослабить этическое давление и использовать неутраченный запас инстинктивных путей проявления воли. По-видимому, такие отступления культуры бывали. Отдельные островки высокой культуры и цивилизованности не раз разрушались варварами — лишнее нам напоминание, что чрезмерный отход от нашей животной природы чреват снижением жизнеспособности и способности к защите. Иногда отступления культуры проходили мирно, давая волю страстям вопреки устоявшимся запретам. Примером может быть сексуальная революция на Западе после войны.

Я написал "если мы увидим, что зашли слишком далеко". Но, вообще говоря, неясно, что является критерием. Как мы увидим, как оценим, что мера цивилизованности, нами с гордостью достигнутая, стала опасно близкой к критическому уровню? Ответа нет. Лишь социальный кризис, вроде катастрофического снижения рождаемости или общего снижения "жизненной силы", мотивации, воли к жизни, если угодно, лишь такой кризис может неоднозначно дать нам понять, что пора отступить, пора вернуться к природе, если такая возможность не утрачена.

Но эта возможность может быть утрачена для популяции, в которой смирение страстей слишком далеко зашло генетически, если генетически подорвана изначальная сила инстинктивного начала в людях. Я не знаю бывала ли и возможна ли такая ситуация. Но это слишком грустная перспектива, чтобы в нашей самолюбующейся культурной гордыне не считаться с такой опасностью. Интуитивно, мне кажется, что для обществ популяционно смешанных, как США или Канада, такая опасность теперь невелика — есть надежда на то, что потомки разных популяций характеризуются различной мерой цивилизованности не только благодаря различному культурному давлению, но и генетически, и что кросс-популяционные браки в случае кризиса будут способствовать генетическому оздоровлению общества или существенно отдалят сам кризис.

Оценки ситуация может быть иной в обществах с большей популяционной однородностью. Там скорее будет риск того, что победа слабых и генетическое смирение страстей зашли слишком далеко. Полезно поспекулировать, какие

факторы должны приниматься во внимание при такой оценке. Прежде всего приходит на ум уровень насильственной преступности: если он слишком низок, то можно подозревать, что мера цивилизованности — велика. Однако это еще ничего не говорит о причинах высокой МЦ. Так, например, насильственная преступность в Японии низка, но судя по еще недавно существовавшему в этой стране культу насилия и по тому, сколь сильно там давление общественных установок на поведение личности, можно судить, что в этой стране высокая МЦ имеет культурную и, в меньшей степени, генетическую природу.

Другая характеристика — уровень рождаемости. Интуитивно кажется, что низкое значение этого уровня скорее показывает генетическую природу высокой МЦ, но и здесь возможно влияние многих посторонних факторов, таких как стоимость врачебной помощи и расходов по воспитанию. (Разумное возражение: когда инстинкт размножения силен, эти факторы не влияют.)

Вообще говоря, какой бы показатель я ни привел, всегда можно спорить о том, что есть много других факторов. По-видимому, надо судить по соотношению разных факторов комплексно и при этом быть готовым к риску ошибиться. Не претендуя на то, чтобы указать, как именно можно оценивать генетическую компоненту меры цивилизованности, я рассмотрю здесь долю самоубийств (ДС) в общем числе убийств (У) и самоубийств (С) в мирное время, исключая из рассмотрения приговоры к смертной казни и несчастные случаи. По определению $ДС = С / (С+У)$.

Вот почему этот показатель выглядит привлекательным. Самовольное убийство, за исключением специальных случаев, запрещено почти во всех сколько-нибудь развитых культурах. Можно сказать, что это одна из наиболее запрещенных форм инстинктивного агрессивного поведения. Поэтому частота убийств в обществе может служить показателем отрицания культуры определенной частью общества.

Самоубийство, напротив, можно считать отрицанием инстинктивной компоненты поведения, отрицанием одного из самых сильных инстинктов — стремления к самосохранению. В сообществах с очень низкой мерой культуры самоубийство немислимо. Даже в некоторых современных нам

"примитивных культурах" идея самоубийства просто непонятна для слушателя.* По-видимому, самоубийство — это несомненный компонент культуры, не автоматически в ней появляющийся. Использование частоты самоубийств для характеристики степени цивилизованности популяции может вызвать возражения, связанные с тем, что в ряде культур общество занимает строго определенную запретительную или одобрительную позицию в отношении самоубийства.** Например, самоубийство порицается в странах иудейско-христианской культуры. Напротив, оно поощряется традицией высших слоев в Японии.*** В Индии надо делать различие между "бытовым" и религиозным самоубийством при толковании статистических данных.**** Поэтому надо с осторожностью относиться к результатам при сравнении ДС для популяций с резко различными культурами, а также помнить о возможном искажении статистических данных в случаях отрицательного отношения общества или страховых компаний к самоубийству. Однако данные о доле самоубийств в общем количестве убийств и самоубийств могут быть полезны в оценке МЦ, особенно в совокупности с другими социометрическими данными, характеризующими активность инстинктивного поведения, такими как частота насильственных преступлений, уровень рождаемости и т.п.

* О таких свидетельствах сообщает Lois Dublin (Suicide, Sociological and Statistical Study, NY, 1963. стр. 83). В других сообществах "примитивной культуры" самоубийство отмечается, но здесь мне важно подчеркнуть факт отсутствия идеи самоубийства хотя бы в некоторых человеческих сообществах.

** Suicide in Different Cultures, ed. by Norman Farberow, Univ. Park press, 1975.

*** Iga, Mamoru. The Thorn of the Chrysanthemum. Suicide and Economic Success in Modern Japan, Univ. of Calif., 1986

**** Thakur, Upendra. The History of Suicide in India, Deli, 1963

Победа слабых и женщины

Хотя я и обсуждал опасности, связанные с тем, что победа слабых и генетическое подавление страстей могут зайти слишком далеко, это не значит, что победу слабых можно считать завершенной во всех сегментах общества. Отвлекаясь от субкультур, которые даже в самых цивилизованных странах по-прежнему чтут силу как иерархический признак, скажу о женщинах. Эта в среднем физически более слабая часть человеческого рода до недавнего времени была ущемленной в правовом отношении даже в самых передовых в смысле правового развития странах. Только в начале этого века, например, женщины получили право голоса даже в такой развитой демократии, как Соединенные Штаты. Только в последние десятилетия женщины, не без борьбы, получили фактический доступ ко многим ранее не рекомендованным для них профессиям. Лишь сравнительно недавно суды и законодатели признали, что изнасилование собственной жены может быть уголовнонаказуемым деянием! В этом смысле даже наиболее цивилизованные страны в какой-то мере оставались царством силы, хотя во многих областях применение силы как метода соперничества запрещалось уже много веков.

Борьба за раскрепощение и равноправие женщин может рассматриваться как, быть может, последний акт драмы, начавшейся на нашей планете много тысяч лет назад, когда культура и цивилизация вступили в соперничество с накопленными эволюцией правилами общественного поведения. Победитель в этом соперничестве уже давно определился, но этот победитель — слабый мужчина еще до недавнего времени пытался удержать некоторые преимущества, вытекающие из его силы, ибо он сильнее женщины.

Признавая важность этой борьбы, как части борьбы за цивилизацию, я хочу отметить, что в этом процессе дело не обходится без паралогизмов и перехлестов. Есть борцы-женщины, которые призывают не принимать во внимание биологические различия полов не только в том, что касается равенства в правах, но и в определении возможностей полов, связанных с их ролью в обществе. Есть и те, кто судит о результатах обеспечения правового равенства по статистике

представленности женщин в разных сферах общественной деятельности.* Хотя очевидно, что победа женщин в их борьбе за равноправие обеспечена, по крайней мере в наиболее цивилизованных странах, но трудно предположить, что в будущем человечество примет идею социально бесполого общества, на котором настаивают крайние феминисты.

Хотя, кто знает? Чем дальше мы отходим от эволюционно определенного порядка общественных отношений, тем больше мы открыты неожиданным скачкам человеческой фантазии, непредсказуемым типам общественного устройства, которые и не снились утопистам прошлого. Но поскольку мы остаемся существами биологическими, устойчивость новых типов общественных структур будет в большой мере определяться степенью гармонии социальной изобретательности с тем, что заложено в нас природой. Для достижения такой гармонии нужны осторожность, мудрость и знание. Тем более важно отбросить предрассудки об исключительно культурной основе поведения человека и изучать нашу скотскую природу. Факт, что несмотря на все успехи культуры и изящество манер, мы до недавнего времени следовали животному праву сильного в отношении женщин, держа их при себе как одомашненных животных, — весьма поучителен. Пусть этот факт напоминает нам, как недалеко ушли мы от дикости, и о том, что путь назад к дикости не так уж длинен.

Культурное подавление страстей

Отмечу здесь в общем виде приемы, которыми пользуется цивилизация для воспитания смирения страстей.

1. Переориентация агрессивности, воспитание у человека склонности направлять свою агрессию в такие области

* Дело доходит до анекдотов. Мой друг — православный священник в Нью-Йорке стал объектом гневных протестов феминистов, когда отказался изменить фразеологию церковной службы и называть Бога-отца не отцом, а родителем. Сам я лет 15 назад подвергся нападкам феминистов за критику уголовных наказаний за полигамию в советской Средней Азии (речь шла о том, что вековые обычаи народа нельзя ломать резко и насильственно).

соперничества, где применение прямой силы не приводит к успеху или даже препятствует успеху. Собственно говоря, это — косвенное, хитрое подавление агрессивности, подавление без накопления фрустрации. Не для каждого такой метод хорош, ибо человек должен обладать способностями в избранной им или предложенной его воспитателем области, чтобы достичь в ней успеха и обходным путем удовлетворить свою агрессивность.

2. Переориентация агрессивности на занятия, хотя и включающие применение силы, но требующие подчинения правилам. Таковы спортивные занятия в школах, ориентация на выбор профессий, которые в детском сознании представляются героическими (полицейская или военная служба, летчик, космонавт и т.п.). Не обсуждая военные преимущества того или иного метода набора армии, скажу лишь, что наемная армия добровольцев гораздо ценнее в смысле избавления общества от силы, не подчиненной правилам. По-видимому чаще в такую армию приходят те, для кого идея агрессии привлекательна иерархически, и при этом те, кто не приспособился еще к какому-либо мирному занятию. Армия не учит презирать силу, но, как правило, учит подчинять ее проявления определенным правилам.

3. Интеллигентное подавление агрессивности, т.е. подавление без применения силы. В наше время этот метод широко применяется в странах с высокой средней МЦ, но, как видно, далеко не всегда успешен. Ребенка пытаются приучить к цивилизованному поведению посредством объяснений преимуществ этого, посредством уговоров, легких (не силовых) наказаний и т.п. По-видимому, этот способ хорош при подавлении невысокого уровня агрессивности. Даже если наблюдается широкий успех подобных способов воспитания, это разумно относить за счет изначально слабой агрессивности воспитуемых в определенном регионе страны или сегменте общества.

Эти три метода требуют большой изощренности и намного большей психологической чуткости воспитателей, чем это можно ожидать от среднего школьного учителя даже в стране с хорошо развитой школьной системой. По-видимому, в рамках традиционной педагогики трудно преуспеть в воспитании смирения страстей особенно агрессивных подростков. У меня

создалось впечатление, что современная школьная система в странах с большим количеством таких трудных подростков просто не справляется со своей задачей (сужу, в основном по СССР и США)*.

4. Подавление агрессивности силой. У этого метода большие заслуги перед цивилизацией. Успешное подавление агрессии детей, конечно, не влияет на распространенность наследственной агрессии, но воспитывает более цивилизованных людей и, следовательно, — строителей цивилизации. Развитие цивилизации через социальные механизмы содействует подавлению агрессии в обществе в том числе посредством культурно-генетической коэволюции и создает условия для развития новых иерархических признаков, альтернативных успехам силы. Можно, конечно, отрицать такой метод в принципе и относить широкое его применение в прошлом за счет дикости прошлых поколений, но лучше попытаться понять их резоны. По-видимому, у человечества просто не было других действенных методов в борьбе за социальную адаптацию своего потомства, хотя несомненно и то, что воспитатели нередко разряжали собственную агрессивность при битье детей или преступников. Как бы дико эти методы ни выглядели теперь, надо помнить, что речь идет о временах, когда процент склонных к агрессии людей был намного выше, чем теперь, выше была иерархическая привлекательность прямой силы. Кроме того, по-видимому, была гораздо ниже надежда на возможности использования сознательной воли наказуемых, т.е. надежда на успех воспитания в современном смысле этого слова, не говоря уже о том, что сознательная воля у среднего человека тоже не была сильной, хотя бы в той мере, как теперь. Проследившая постепенное уменьшение жестокости наказаний детей и преступников

* В оценке того, кто является "трудным подростком", следует помнить о том, что развитие детских иерархий имеет тенденцию повторять пройденный человечеством путь от иерархий, основанных на силе, к иерархиям по цивилизованным признакам. Не исключено, что изучение детских иерархий, в частности того, насколько важной является сила в качестве иерархического признака, может быть полезным для оценки меры генетической цивилизованности популяции.

в Европе, следует делать вывод не только о смягчении нравов наказующих, но и об общем смягчении нравов, о результативности этих жестоких методов, о том, что становилось меньше нужды в жестокости и запугивании. В известной мере, можно считать, что уменьшение жестокости наказаний характеризует рост сознательной воли в обществе и активность культурно-генетической коэволюции.

О геноциде насильственных преступников

Длительная изоляция насильственных преступников — необходимая обществу мера защиты, но нужно помнить, что одновременно — это отбор, исключение их из процесса размножения или, по крайней мере, ограничение участия их в размножении. В течение тысячелетий цивилизованной жизни человечество осуществляло этот геноцид, казня или надолго изолируя насильственных преступников и бунтовщиков, помогая таким образом ускорению селекции по нужным цивилизации признакам: покорности социальным установлениям и низкой агрессивности. Если бы было установлено, что, скажем, есть ген насильственной преступности, такой отбор означал бы несомненную социальную пользу, т.к. обеспечивал бы защиту будущих поколений от потомков этих преступников, которые, вероятно, и сами будут преступниками по своему генетическому предрасположению.* Такого гена преступности, однако, нет. Максимум, что может быть, это предрасположенность к применению прямой силы, к агрессии, к дикости. Даже если такая предрасположенность наследуется прямо, она не обязательно будет проявляться во вред обществу, умеренную агрессивность должным воспитанием можно направить на пользу обществу.

* "Ген преступности" ищут давно. При этом редко различают типы преступности. Ясно однако, что даже если была бы предрасположенность к насильственным преступлениям, это было бы не то же, что, скажем, предрасположенность к бухгалтерским махинациям. Вообще судить о преступности в целом надо осторожно. Власти часто объявляют преступными безобидные деяния, вроде проституции, петушиного боя или азартных игр.

Я не критикую сделанного. Обсуждаемый геноцид был важным элементом в достижении современного уровня цивилизованности. (Как это ни парадоксально, как это ни грустно, но человечество не смогло бы перейти от дикости к цивилизации с помощью цивилизованных методов.) Разумно, однако, сделать человечеству предупреждение о том, что неограниченное продолжение такого отбора может привести к "генетическим ранам" популяции, к дефициту ценного генетического материала, обеспечивающего активность и способность к лидерству. Не исключено, что в некоторых популяциях отбор мог уже пойти так далеко, что наследственный материал насильственных преступников представляет определенную ценность для будущего выживания популяции. В таких случаях, быть может, надо замораживать сперму насильственных преступников, а не гениев, как это рекомендовано традиционной евгеникой. Если разразится кризис, такая сперма сможет стать спасительным лекарством для популяций, зашедших слишком далеко в генетическом смирении страстей.

В то же время, в каких-то популяциях цивилизующий отбор "слабых", быть может, еще не сыграл в достаточной мере свою роль генетического цензора, и подобный геноцид против насильственных преступников будет признан разумным. Я понимаю, что в этой области совершенно недостаточно ни данных, ни методов исследования, чтобы получить ответы на поставленные вопросы. Чисто эмпирически можно судить о ценности генетического материала насильственных преступников как лекарства от кризиса по распространенности насильственных преступлений. Не претендуя на научность решения этого вопроса, я бы сказал так: если мера цивилизованности популяции слишком велика, судя по разным косвенным признакам, то можно подозревать, что отбор зашел достаточно далеко и что, быть может, полезно для популяции обогатиться наследственным материалом этих преступников. Если уровень насильственной преступности в популяции относительно высок, то, быть может, цивилизующий отбор еще не сыграл свою роль и требуется еще несколько тысяч лет для этого процесса. Речь идет о популяциях, а не о странах, поэтому в странах не гомогенных, населенных не родственными этносами, такой подход не применим, ибо

будет означать дискриминацию прав преступников по расе или национальности. Принципы прав человека не должны приноситься в жертву даже ради правдоподобных генетических выводов.

В связи с этим подчеркну, что я обсуждал названную проблему с эволюционной точки зрения. Мой правовой взгляд исходит из других принципов, именно из того, что наказующий приговор к изоляции преступника не должен отрезать все возможности размножения одного. Однако здесь не место для обсуждения того, как это осуществить на практике.*

* Отмечу, однако, советский опыт предоставления заключенным "личных свиданий", не распространенный, впрочем, на небрачные отношения. Помимо прочего, такой обычай может содействовать сохранению семей, хотя статистики об этом нет.

РЕВАНШ СИЛЬНЫХ

Говоря о победе слабых, я предупреждал об опасности того, что эта победа может пойти слишком далеко, что генетическое подавление страстей может со временем привести к потере воли к жизни, к потерям в мотивации. Не исключено, что для некоторых стран это может стать проблемой в ближайшее тысячелетие. Но если говорить о человечестве в целом, такая угроза пока не велика. По-видимому, генетическое подавление страстей, генетическая цивилизованность, если угодно, в среднем у человечества не достигла уровня, близкого к опасному. Сужу об этом по тому, что сильные довольно часто берут реванш — в истории много об этом свидетельств.

Говоря статистически, в обществе властвуют слабые, многие сильные оттеснены в низшие слои иерархии*. Слабые властвуют, благодаря накопленным суррогатам и общественному порядку, охраняющему эти суррогаты (подчиненная армия и полиция, правовые установления и т.д.). К тому же слабые сильны более развитой сознательной волей, подчинением своих страстей расчету, прежде всего расчету властвовать. Однако они не всегда достаточно умны и расчетливы для того, чтобы вовремя заметить дисбаланс сил и пови-

* Следует помнить, что в цивилизованном обществе нет дискриминации в отношении сильных как таковых. Те физически сильные, которые усвоили цивилизованные правила соперничества, могут преуспевать в иерархии слабых, но, как правило, не благодаря своей силе.

новения в обществе. Они для поддержания своей власти придумали так много мифов о том, что созданный ими порядок одобрен богами, что иногда сами начинают верить этим мифам и теряют бдительность, заходят слишком далеко в притеснении сильных. Тогда может начаться восстание или революция, и слабые увидят, что богам совершенно безразлично, кто победит, увидят, что почти все накопленные суррогаты воли могут быть отобраны, а то, что не отобрать — знания и сознательная воля — будет обесценено в обществе, где властвует грубая сила.

Тут нет ничего удивительного. Цивилизованное общество — неустойчивая конструкция, придуманная не эволюцией, а культурой, и эту неустойчивость надо все время мудро поддерживать, реагируя на многие изменяющиеся параметры. Удивительно и заслуживает специального анализа то, что после революций рано или поздно эта цивилизованная неустойчивость каким-то образом всегда восстанавливается. Этот факт восстановления цивилизованного порядка говорит о том, что неустойчивость — не абсолютная, что она проявляется лишь в определенных ситуациях, но параметры этих ситуаций нам не ведомы в достаточной мере.

Можно сравнить цивилизованное общество с ансамблем частиц во внешнем физическом поле, поддерживающем неестественное распределение этих частиц. Если снять или ослабить это поле, частицы вернуться к своему естественному распределению. Существенная разница в том, что "цивилизирующее поле" в обществе не является внешним. Это внутреннее, самоорганизующееся поле, которое в обычном цивилизованном состоянии общества поддерживает неравновесное иерархическое распределение. Когда оно исчезает, в обществе на время в той или иной степени устанавливается естественное иерархическое распределение по физической силе, по объему собственно воли.

Не надо понимать совсем буквально разговор об этих двух крайних состояниях общества — естественном с иерархией по силе, по объему собственно воли и цивилизованном, с иерархией по накопленным суррогатам и уровню сознательной воли. В чистом виде эти состояния в наше время обычно не реализуются. В цивилизованном обществе, несмотря на все ограничения применения прямой силы, сила остается

иерархическим признаком в периферийных иерархиях, например, часто среди детей и в низших слоях общественной структуры. Строго говоря, каждая детская драка, каждое насильственное преступление — это попытка реванша сильных, но я обсуждаю здесь массовый реванш — насильственные революции и восстания.

Для многих и в цивилизованном обществе сила остается желанным иерархическим признаком, несмотря на то, что соперничество в основном идет по признакам, связанным с суррогатами. Иллюзорное удовлетворение силового соперничества весьма распространено: фильмы о полицейских и преступниках, рассказы о военных подвигах, мечты о героизме и т.п. — все это проявления неудовлетворенного автоматизма силового соперничества. Мы переросли автоматизм агрессивности, но не избавились от него, вот он и дает о себе знать в героических мечтах, в романтизме в искусстве и литературе, в современной массовой культуре. Есть много глубоко цивилизованных людей, которые испытывают отвращение не только к насилию между людьми, но и телевизионному показу насилия. Им кажется, что фильмы с насилием — это пропаганда насилия. Между тем, такие фильмы — ценный инструмент волевой разрядки, иллюзорного удовлетворения нашего животного инстинкта, и в этом качестве они весьма полезны, как бы безвкусны они ни были.

Так же не в чистом виде реализуется иерархия по силе после успешного реванша сильных. Победители заимствуют многое из арсенала средств, которыми слабые удерживали общество в цивилизованном состоянии. В частности, эти сильные победители очень скоро начинают ценить и защищать захваченные ими суррогаты воли и тем самым сами кладут начало восстановлению цивилизованного порядка. Однако ярким признаком победы сильных является стремление установить единую иерархию, подобную древней волевой иерархии.

Это очень важно. Даже если сила как таковая не играет решающей роли в ситуациях вскоре после реванша сильных, само стремление свести иерархическое многообразие к единой иерархии по какому-либо признаку или комбинации признаков следует рассматривать как результат влияния древних позывов установить одномерную иерархию, подоб-

ную иерархии по силе. Можно даже считать, что любое, даже мирное, преобразование в обществе, приводящее к существенному уменьшению степени иерархического многообразия является по природе своей более или менее ярко выраженным реваншем сильных, хотя можно теоретически представить себе исключения из этого правила. Это значит, что реванш сильных иногда совершается по воле правящих слоев, а не обязательно снизу.

Революция в России, начавшаяся в 1917 году, была несомненно реваншем сильных. Это можно видеть и по разгулу насилия, и по отношению победителей к суррогатам воли и к тем, кто занимал заметное общественное положение, благодаря накопленным суррогатам. Революция эта была прежде всего направлена против собственности, затем против тех, кто раньше был силен знаниями и волевым суррогатом. Революция эта разрушила существовавший в России во многом работавший правовой порядок и на некоторое время заменила его правом силы. Разумеется, ни в какой момент революции Россия не была чистым царством силы, победители сразу стали использовать некоторые приемы, характерные для цивилизации, скажем, волевой суррогат тех, кого им удалось привлечь на свою сторону, но сила, бедность и бескультурие стали достоинством, стали пропуском в обещанное новое общество. Слова Маяковского "Ваше слово, товарищ маузер" говорят об этом короче и выразительней.

Весьма характерно, что Сталин, вернувший Россию к жесткому средневековому порядку, ориентировался именно на создание единой иерархии и во многом преуспел. Иерархическая пирамида, построенная Сталиным пережила его и только теперь заметно движение к созданию полииерархической структуры в советском обществе.

Победа нацизма в Германии является менее ярко выраженным реваншем сильных. Там не было всеобщей перестройки иерархических структур, не было всеобщего отобрания ранее накопленных суррогатов. Но сила вне права применялась весьма широко, и тенденция к образованию более или менее единой иерархии была весьма заметна. Созданный там порядок был разрушен войной, поэтому на примере Германии не проследить, как общество возвращает-

ся к цивилизованному состоянию, благодаря внутренним силам самоорганизации. В этом смысле опыт Советского Союза и Китая весьма важен для изучения того, как восстанавливается иерархическое значение суррогатов воли в обществе и как возрождается полииерархическая структура.

Знакомясь со многими случаями массового реванша сильных в разные эпохи и у разных народов, легко заметить по крайней мере два типа их происхождения. Первый — это стихийный реванш, начатый теми, кто в этом реванше сам участвует. Это, например, восстание Пугачева. Второй — спровоцированный, причем в роли провокатора, иногда даже организатора, выступают подчас весьма цивилизованные люди, не понимающие, однако, биологических закономерностей поведения низших слоев иерархии. Умеренно кровавая Французская революция в большой мере была спровоцирована свободолюбивыми мыслителями. Это не значит, что эти мыслители по своему произволу могли начать бунт толпы, условия для социального взрыва были подготовлены правящими слоями. Однако роль наивных мыслителей несомненна. Наивных, потому что они презюмировали ту же цивилизованность у толпы, какой обладали они сами. Молчаливо предполагалось, что восставший народ отомстит тиранам, а потом умилится от наступившего братства и успокоится. Но не такова социобиология силы. Не так легко восстановить разрушенную плотину цивилизованных запретов.

То же самое, но с гораздо большими потерями повторилось в России. Группа интеллигентов с полным незнанием человеческой природы спровоцировала революцию, от последствий которой страна не оправилась до сих пор. Разбудив нецивилизованные силы, эти интеллигенты сами пали их жертвой, подобно многим своим предшественникам во Франции. Не забудем и о том, что правящие слои Германии поддержали идеологию силы и "здорового народного духа" в надежде, что им удастся не выпустить Гитлера из-под своего контроля. Можно привести больше примеров, но ни к чему. Слова мои не отрезают тех, кто в будущем захочет разбудить темные силы с целью разрушить нелюбезный ему эстаблишмент. Остается загадкой, какое соотношение параметров состояния общества необходимо для того, чтобы массовый реванш сильных имел заметную вероятность начаться и побе-

дять. Я укажу лишь на некоторые характеристики, которые теоретически могут быть значимы. Прежде всего это — сильное иерархическое растяжение в обществе, состояние, когда слишком много людей оказываются иерархически придавленными без разумной надежды изменить свое состояние мирными средствами. Одного этого, конечно, недостаточно для взрыва. В истории много примеров того, как низшие классы были придавлены гораздо сильнее, чем перед революцией во Франции или России. Возвращаясь к аналогии с неравновесным распределением частиц во внешнем поле, замечу, что обычно чем дальше это распределение от равновесного, тем сильнее должно быть поле, его поддерживающее.

Поэтому вторая характеристика общества, готового к реваншу сильных — это несоответствие сил, поддерживающих установленный порядок, той степени иерархического растяжения в обществе, которое власти хотят поддерживать. К поддерживающим силам относятся, конечно, не только армия и полиция. Идеология, мораль, религия всегда были важными элементами этих сил. Не удивительно поэтому, что наиболее кровавые случаи реванша сильных произошли в этом веке, веке распада традиционных моральных и религиозных ценностей.

Это приводит нас к третьей характеристике — степени цивилизованности низших слоев. Традиционная мораль и религия обеспечивают довольно высокую степень цивилизованности в смысле, определенном мною выше, а именно довольно высокую меру неинстинктивного поведения. Разрушение этих ценностей без замены другими цивилизующими факторами, естественно понижает меру цивилизованности низших слоев, т.е. повышает меру инстинктивного поведения и содействует росту привлекательности иерархии по силе, привлекательности применения силы. Это рассуждение показывает, как трагично ошибались русские консерваторы XIX века, возражая против улучшения народного просвещения. Полагали, что просвещение развратит народ, между тем именно просвещение содействует росту цивилизованности и особенно важно, как замена традиционных цивилизующих факторов, если те подвергаются эрозии.

Четвертая характеристика общества, готового к взрыву, — степень обновляемости иерархий. В низших слоях безопас-

но держать хотя и сильных, но более или менее покорных. Но у покорных рождаются непокорные дети. Если им закрыт путь к улучшению своего иерархического положения, они могут стать преступниками или революционерами. Конечно, они могут оказаться вынужденными терпеть, но чем дольше они и их непокорные дети терпят, тем опаснее они для притесняющего их порядка. Поэтому несомненно, что стабильность установленного цивилизованного порядка существенно зависит от степени обновляемости иерархий. Подтверждением этому — то, что в стабильных демократиях, в которых обновляемость иерархий весьма высока сравнительно с предыдущими общественными режимами, массовых явлений реванша сильных обычно не происходит, несмотря на то, что степень неравенства в таких обществах бывает весьма высокой.

Отмечу еще один, пятый фактор риска. Массовый реванш сильных по-видимому, более вероятен в условиях девальвации ценности суррогатов воли, когда цивилизующая роль обладания суррогатами неожиданно падает. Я не вижу яркого примера этому, кроме разве что предгитлеровской Германии, когда сильная инфляция предшествовавших лет не могла не вызвать иерархического смятения или, по крайней мере, уменьшения доверия людей к стабильности привычных ценностей. Помнить об этом факторе следует несмотря на то, является ли пример Германии убедительным. Теоретически ясно, что если одна из важных иерархий основана на каком-то признаке, то обесценивание этого признака приводит к более или менее глубокой перестройке иерархической структуры общества. Этим, в частности, объясняется моя позиция по отношению к резкой критике бюрократии, проводимой теперь в СССР. Несомненно, что многие бюрократы заслуживают критики, но следует быть осторожным в возбуждении масс, ибо резкое разрушение остатков доверия к бюрократии может вызвать опасную девальвацию определенной части иерархических ценностей и чрезмерное потрясение иерархической структуры общества с риском реванша сильных.

Это были некоторые соображения о том, чего не следует делать, чтобы не вызвать реванша сильных. Читатель будет не прав, если решит, что я даю советы, как притеснять на-

род. Во-первых, я как раз и советую оный народ не притеснять больше, чем все мы притесняемы необходимостью поддержания цивилизованного порядка. Во-вторых, неправы те, кто считает реванш сильных благом для народа. Падение тирании часто приводило к тирании еще большей. Наблюдение этого уменьшило бы рвение "освободителей", если бы они пеклись о благе народном. В то же время несомненно то, что я высказал советы, как поддерживать разумную степень неравенства в обществе, неравенства по иерархическому положению, по объему накопленных суррогатов, но не неравенства в правах. Такое иерархическое неравенство — естественное состояние и цивилизованного, и доцивилизованного общества. Разница лишь в том, по каким признакам устанавливается неравенство — по физической силе и уровню агрессии или по многим признакам, выработанным цивилизацией.

Цивилизация и смысл иерархической структуры

Отмечу забавное явление, связанное с ростом цивилизованности общества и победой слабых: меняется биологический смысл иерархической структуры. До цивилизации иерархия в сообществе соответствовала целям эволюции: обеспечить преимущественное закрепление в потомстве генов, содействующих успеху, ибо иерархически успешные получали возможность преимущественного размножения (тут возможны и наблюдались исключения для первых в иерархии, но они не меняют общей тенденции). Даже в течение долгого времени после начала цивилизации, когда сила постепенно переставала быть ведущим иерархическим признаком, обычаи общества все еще не входили в противоречие с первоначальным, эволюционным смыслом иерархии. Я имею в виду полигамию, у некоторых народов сохранившуюся донныне, *jus prima noctis*, а также не признанную правом, но весьма распространенную возможность для высших слоев иерархии приживать детей на стороне, не говоря уже о том, что лучшие условия жизни благоприятствовали выживанию потомства высших слоев. Ныне, однако, лидирующие в цивилизации народы пришли к ситуации, когда

высшие слои не только не пользуются преимуществами в размножении, но даже не используют в полной мере разрешенных правом и обычаями возможностей. Во многих странах рождаемость в высших слоях ниже средней для общества.

Это парадоксальная ситуация. Впервые за много миллионов лет успешные не пытаются закрепить свой успех в потомстве, а неуспешные имеют возможность социально неограниченного размножения, ибо общественное вспоможение бедным многодетным семьям и развитие медицинской помощи устранило роль традиционных ограничителей воспроизводства низших слоев. Прежде всего возникает подозрение, что успешные в цивилизованных иерархиях не так уж ценны для закрепления их свойств в потомстве, поэтому природа каким-то способом оттесняет их от активного размножения. Однако непохоже, чтобы статистика здоровья детей в разных слоях иерархий подтверждала такое подозрение.

Я не могу дать объяснение этому парадоксу. Похоже, что люди играют в свои собственные игры, и эволюционные цели их не заботят, хотя не исключено, что за этим парадоксом скрыт неведомый нам эволюционный поворот. Не исключено также, что реванши сильных — это своего рода попытки природы отвоевать утраченные позиции, восстановить баланс между успехом и закреплением этого успеха в потомстве. Если это так, то объяснение отмеченного парадокса имеет практический смысл для развития цивилизации. В любом случае, вопрос этот кажется мне чуть ли не основным в изучении взаимодействия природы и культуры.

Молодежь

Выше я говорил о факторах риска, связанных с массовым реваншем сильных из низших классов. Молодежь является постояннодействующим фактором риска, постоянной угрозой цивилизованному порядку, и это верно в большей или меньшей степени во всех иерархических слоях. Каждый молодой человек делает осознанный или неосознанный выбор: принять цивилизованный порядок, который общество навязывает ему, не спрашивая его мнения, или отвергнуть этот порядок.

Очевидно, мера цивилизованности молодежи в среднем ниже таковой у взрослых. Возраст цивилизует и благодаря накоплению усвояемой культуры, и потому, что активность инстинктивного поведения выше в молодости, равно как и интенсивность проявлений инстинктов, связанных с агрессией. С ростом цивилизации в обществе молодым людям становится все труднее подстроиться под нормы, диктуемые обществом, и рост преступности в наиболее развитых странах — тому свидетельство. К тому же изменение условий и доктрин воспитания детей имеет своим последствием то, что достигая возраста, когда поведение становится весьма социально значимым, молодые люди чаще, чем в прошлом, оказываются неподготовленными к следованию многочисленным запретам, с которыми они сталкиваются. Либерализация воспитания, отмена телесных наказаний и запрещение детского труда — это несомненные достижения современной цивилизации. Но общество оказалось неподготовленным к этому. Нельзя у работающей системы вдруг отнять один-два несимпатичных элемента и надеяться на то, что система улучшится и будет по-прежнему работать. Не были выработаны альтернативные способы подготовки детей к тому, чтобы они могли более или менее безболезненно войти в цивилизацию, и естественно, что это привело к дисбалансам, включая рост преступности.

Интересно, что молодежь сама частично исправила эти упущения взрослых. Для определенности, я говорю теперь только о послевоенной Америке. Молодежь продиктовала обществу, на каких условиях ее большинство согласно войти в цивилизацию. Я имею в виду три революции в области волевой разрядки, произведенные молодежью. Прежде всего это — сексуальная революция, согласие взрослых на сексуальные игры подростков, столь полезные в снятии фрустрации. Во-вторых, рок-эн-рол — музыка, немислимая еще полвека назад, но теперь явно ценная для волевой разрядки. Судя по ее громкости и неумолимости, она служит для иллюзорного удовлетворения весьма сильных инстинктов. Третья революция формально взрослыми не принята, но тем не менее произошла. Это — наркотики. Их распространение, по-видимому, не столь сильно, они нужны не всем молодым людям, чтобы войти в цивилизацию. Они несомненно вредны, но

если говорить о таких слабых средствах, как табак, алкоголь или марихуана, то кому дано знать, от какого вреда и от каких опасностей они спасают молодого человека, которому так трудно подчинить себя обществу. Мне скажут, что мне этого знать тоже не дано. Это правда, у меня нет подтверждающей статистики. Но я чуток к наблюдаемым явлениям в обществе. И марихуана, и кокаин, и прочие средства известны были давно, но не приводили к эпидемии. Если нужда молодых людей в наркотиках так распространилась теперь, значит, тому есть причины, кои надо познать и придумать, чем можно без вреда эту нужду в дурмане и во временном уходе от жизни удовлетворить или облегчить. И пока ничего такого не придумано, нельзя лишь увлекаться запретами и репрессиями. Разумно, по крайней мере, легализовать легкие наркотики, вроде марихуаны, с запретом давать их подросткам ниже определенного возраста. Не исключено, я думаю, что запрет и, следовательно, дороговизна легких наркотиков, приводит алчущих к употреблению средств более сильных и вредных, с тем чтобы получить больше дурмана за относительно меньшие деньги.

Следует по-разному относиться к следующим группам наркотиков в зависимости от характера их действия. 1. Средства, заглушающие страсти. 2. Средства, снимающие напряжение, релаксирующие. 3. Наркотики, вызывающие галлюцинации, необычные ощущения и т.п., то есть позволяющие "уйти в другой мир". 4. Средства, временно усиливающие конкурентоспособность, скажем, повышающие работоспособность. Это нечеткая классификация наркотиков по их действию, но она годится для обсуждения их социальной роли. В отношении третьей и четвертой групп можно сказать, что у общества определено нет обязанности помогать кому-либо испытывать экскурсии в другие миры или искусственно помогать повышению конкурентоспособности.

Однако в отношении первых двух групп следует признать, что у общества есть даже обязанность помогать тем, кто нуждается в таких средствах. Общество установило весьма высокие стандарты подавления страстей, в то же время допуская ситуацию, когда массовая культура и коммерция почти бесконтрольно эти страсти возбуждают. При этом общество требует все большей конкурентоспособности, так

что жизнь активных людей стала более напряженной, чем многие могут вынести без искусственных мер по релаксации. Налицо кризисная ситуация в обществе, причем вместо изучения и попыток помощи, общество, по крайней мере в США, объявило войну попыткам самого общества найти выход из положения.

Решение этого кризиса я вижу не только в легализации маловредных, если не всех, наркотиков, но и в привлечении медицины к решению проблемы создания средств, удовлетворяющих первым двум нуждам приведенного списка с минимальным вредом для здоровья. Требование лишь лечить болезни — это устаревший подход к медицине. Игра страстей — это не болезнь, а биологическая норма, но если общество требует подавлять страсти и не все справляются с этим с помощью своей воли, общество должно прийти на помощь до того, как придется наказывать этого человека за совершение насильственного преступления. Мало того, надо ценить, что желающий усмирить свои страсти обращается к лекарственным средствам, а не выплескивает игру своих страстей в насильственном деянии.

Вклад западной молодежи 50-60 годов в обеспечение стабильности цивилизации — необычайно важен. Похоже, цивилизация накопила слишком много правил, ограничивающих волевою разрядку, так что назрело некоторое отступление "назад к природе", говоря словами романтиков XVIII века. Цивилизованная жизнь стала вольнее, хотя есть много ворчунов, не одобряющих этого и даже указывающих на рост преступности, как на результат такого отступления. Проверить это невозможно, но мне кажется, что уровень преступности был бы выше, не будь этого отступления. Усложнение общественных отношений, развитие технологии, требующей все больших усилий сознательной воли от участников трудового процесса, и вообще рост цивилизации несомненно потребуют отступлений "к природе" и в будущем. Тем более важны перспективные исследования того, по каким параметрам обществу безопасно отступать к природе, не рискуя существенными потерями в достигнутом уровне цивилизованности или даже реваншем сильных.

НАСЛЕДИЕ ЭВОЛЮЦИИ И ПРАВО

Правовые и этические требования

Автоматизм корпоративности привел когда-то наших предков к созданию стада (группы, стаи). Цель этого (иное трудно себе представить) — взаимопомощь в удовлетворении автоматизмов, в частности, использование защиты коллективной воли.* Факт помощи коллективной воли в соперничестве с волями вне стада не нуждается в доказательстве; что касается вмешательства коллективной воли во взаимодействие членов стада — неясно, всегда ли оно проявлялось. Тут нужно помнить о тонкостях различия между вмешательством сильнейшего в стаде (группе) и вмешательстве коллективной воли. По-видимому, на каком-то этапе эволюции стадных порядков произошел важный "фазовый" переход: сначала главный в стаде осуществлял власть от своего имени, а потом перешел к осуществлению власти от имени коллективной воли стада. Не исключено, что с моментом такого "фазового" перехода можно связать способность сильных объединяться

* Разумеется, когда упоминается цель какого-то эволюционного шага, следует понимать, что это лишь удобное выражение. Антропоморфное отношение к эволюции сильно не только у меня, но я при этом понимаю, что целепологание скорее всего не предшествовало генетическим изменениям, обеспечившим определенный шаг эволюции. Мало того, я понимаю, что случившиеся генетические изменения могут закрепляться в потомстве не только потому, что они полезны, но и потому, что они не вредны, и это увеличивает потенциал многообразия дальнейших эволюционных изменений.

для совместных усилий по регулированию поведения остальных членов стада*. Такое объединение сильных можно трактовать, как появление коллективной воли, и именно начиная с этого момента, можно говорить уже об обществе, а не о стаде, хотя я понимаю, что не всем понравится такое определение, если есть пример дочеловеческого общества.

Так или иначе, но на каком-то этапе эволюции оказалось, что коллективная воля, а не просто главный в стаде вмешивается в отношения между индивидуумами стада, причем нет оснований полагать, что у людей это произошло лишь в историческую эпоху. Я предполагаю, что это произошло много раньше и что характер этого вмешательства определялся биологической целесообразностью. Помимо этого вмешательства, принципиальная возможность проявления индивидуальной воли человека (его *естественное субъективное право*) всегда в известной мере ограничена любой более сильной волей партнера по сообществу (*правом сильного*). Усиление защиты индивидуумов со стороны коллективной воли привело к существенному ограничению права сильного, включая постепенное ограничение права сильнейшего. Однако будем помнить, что коллективная воля — предположительно много сильнее любой воли в сообществе и ее право — также право сильного. Можно поэтому сказать, что развитие права осталось верно унаследованной от эволюции идее права сильного.

Естественно считать, что такое вмешательство коллективной воли характеризовалось некоторым однообразием и что похожие волевые ситуации влекли сходные требования коллективной воли к индивидууму, ограничивающие проявления его воли. Система принципов единообразного и действительного ограничения воли индивидуумов коллективной волей и составляет право (Law).

Замечу, что нераздельные ранее (и составлявшие обычное право) этические и правовые требования характеризуются различием сферы действия и характера обеспечения. (То, что правовые и этические требования были также слиты с религиозными предписаниями, теперь для меня несущест-

* Выше я уже ссылался на факт взаимопомощи сильных при доминировании в группах обезьян.

венно, однако, об этом важно помнить, тем более в связи с моими рассуждениями о развитии религии как отражении роста сознательной воли.) Определения могут быть разные, но я называю внутрииерархические требования этическими, а требования коллективной воли сообщества — правовыми, понимая при этом, что разделение остается нечетким и не может быть четким (следует помнить, что этика — это внутрииерархическое право, так как существует коллективная воля иерархии; кроме того, не забудем, что в разных иерархиях могут быть совпадающие этические нормы). Трудности четкого разделения этики и права проистекают также от взаимовлияния этих двух комплексов предписаний.

Мои определения помогают понять причину практической нераздельности этических и правовых норм в обществе с более или менее единой иерархией, характерной для начальных стадий развития общества, ибо в этом случае коллективная воля иерархии и есть коллективная воля сообщества. Право и этика начали разделяться с образованием разных иерархий в обществе. Это был постепенный процесс, влияние идей единой общественной иерархии сохранялось очень долго даже в обществах сложной структуры. Интересно, что после революций, типа реванша сильных, вместе со стремлением упростить иерархическую структуру общества наблюдаются попытки смешения этики и права, включая придание праву той степени нечеткости, которая обычно характерна для этики. Довольно ярким примером этого является Советский Союз за все 70 лет после революции. Было обычным, например, наказание человека не за определенное деяние, а просто за то, что он, вообще говоря, нехороший человек, например, классово чуждый, социально опасный, тунеядец и т.п. Даже послесталинская реформа права не очистила советское право от такого смешения, хотя в какой-то мере и ограничила произвол в уголовном праве.

Конституция 1977 года, например, делает этические нормы частью права, требуя соблюдения "правил социалистического общежития", без того, разумеется, чтобы эти правила перечислить. Еще раньше, закон требовал от родителей воспитывать детей в духе морального кодекса строителей коммунизма (кодекс этот никогда не был опубликован и не знаю, существовал ли, если не считать извлечений из него в

программе партии, т.е. документе, не являющемся частью права). Таким образом, иерархический регресс общества, т.е. упрощение иерархической структуры, сопровождается тенденцией к регрессу права, именно попыткой вернуться к идеям обычного права, к слиянию права и этики. Я считаю это наблюдение важным для диагностики соответствующих изменений в обществе.

На тему о различиях и связи между этическими и правовыми нормами написано много. Я не способен проанализировать различия моего подхода со всеми ранее высказанными точками зрения. Коснусь лишь одной из них, довольно распространенной. Речь идет об определении этики, как всей совокупности норм поведения людей. В этом случае правовые нормы считаются обязательным минимумом для всех, минимумом, составляющим часть множества норм этических. Такой подход вносит упорядоченность в совокупность норм поведения и объясняет, почему большинство норм права освящено также и многими этическими предписаниями. Этот подход привлекателен еще и тем, что позволяет критиковать положительное право, если оно отклоняется от этических норм, признанных в обществе.

Нетрудно видеть, что эта точка зрения возможна лишь при идеализации людей, ибо принимает во внимание лишь этику "хороших" членов общества, т.е. таких, с этикой которых теоретик, он же нравоучитель, согласен. Но общество состоит не только из хороших, даже не только из средних, но его членами являются и воры, и убийцы, и прочие правонарушители. У них свои иерархии и своя этика, часто противоречащая праву общества. Поэтому утверждение, что право — это минимум этики — на самом деле означает, что право — это минимум этики законопослушных членов общества. С последним суждением согласиться легче, но оно уже не описывает соотношения права и всего множества этических норм, существующих в обществе.

Естественное право

Свои добрые и разумные намерения люди часто стараются обосновать ссылками на волю более сильную, волю Все-

вышнего или хотя бы на законы природы. То же — в праве: школа естественного права, задавшись целью отыскать природные или более возвышенные основания правовых идей, многие добрые начала права считает первично следующими из природы человека и общества. В моем обсуждении того, как наследие эволюции повлияло на право, разумно искать предшественников именно среди теоретиков естественного права. Однако сразу можно заметить, что сторонники этой школы меньше были озабочены поиском истоков права, чем стремлением обосновать разумные, с их точки зрения, установления, часто входившие в противоречие с требованиями положительного права их страны и их времени. В попытках построить право, основанное на разуме и достигнутой оным культуре, эти теоретики пытались апеллировать за поддержкой к природе, но природа не могла поддержать нечто, созданное культурой.

Мне приходится признать, что естественным правом человека является право делать все, что возможно, в том числе осуществлять право сильного и обижать слабого. И ныне право сильного (с учетом оценок не только по объему собственно воли, т.е. право иерархически сильного) есть несомненно признанное право человека во многих областях — лишь в методах его осуществления человек подчас ограничен правом более сильного — вмешательством коллективной воли.

Но во многих случаях коллективная воля даже защищает право сильного, если понимать силу в расширенном смысле: право на покупку вещи на аукционе, право на престиж чемпиона соревнований, право достойного занять научный пост, право избранного быть правителем. В некоторых других случаях право сильного остается незащищенным, но и неограниченным.

Пожалуй, важнейшей заслугой теорий естественного права является акцентирование того обстоятельства, что право человека — это необязательно только то, что таковым признано властями. Позитивизм не приемлет такого подхода, и многие доводы позитивистов могут быть признаны логичными, но люди, добивающиеся прав, рассудили иначе: лучше отступить от логики, чем от своих прав. Из истории известно, что этот тезис естественного права многим помогал осоз-

нать свои права и не так уж важно, чем этот тезис обосновывался. На самом деле никакого паралогизма здесь нет, надо только не путать разных понятий. Надо разделять понятие права (right) вообще от понятий права признанного, права защищенного, права гарантированного и т.п. По-видимому, развитие правового сознания мыслителей в некоторых странах опередило развитие языка — типичная причина для путаницы в понятиях.

В возражениях против учений естественного права приводят примеры того, как в различные времена противоположные доктрины получали обоснование с помощью веры в естественные предписания. Это следствие того, что в естественном праве ищут опоры люди с резко различными интересами; опора эта слишком заманчива, а возможности неформальных доказательств слишком обширны.* Концепция естественного права развивалась с древности и, конечно, слишком многолика, чтобы обсуждать ее как какую-то одну теорию. Однако можно выделить две основные цели у тех, кто рассуждал в этих терминах. Во-первых, это использование желанных норм и идей, предположительно, продиктованных природой или богами, для критики положительного

* Очень не любят естественное право те, кто считает себя последователями Маркса: у них право не связано с природой человека, а рассматривается как инструмент классового господства. Но привлекательность ссылок на естественные законы оценили и они, не в праве, а в социальной доктрине. Утверждается, что за основу этой доктрины взяты единственно правильные и познанные марксистами законы развития человечества. Впрочем, поскольку классы — это, грубо говоря, слои иерархии, хотя они и выделены лишь по характеру участия в хозяйстве, постольку марксистское отношение к праву имеет смысл в историческом контексте, ибо право издавна использовалось для стабилизации иерархий. Но Маркс не заметил развития права в сторону отхода от этой роли. Именно развитие права в странах демократического капитализма привело к отказу от использования права, как стабилизатора иерархий, ибо были не только провозглашены, но и освоены в их практическом применении идеи правового равенства. В марксистских терминах: право перестало быть инструментом классового господства именно при демократическом капитализме, в то время как в странах, претендующих на следование марксистским идеям, эта роль права продолжала быть существенной, ибо наследие идеи классовой дискриминации там весьма сильно.

права и для борьбы за права сословий или права человека. В этом роль идей естественного права в истории человечества несомненна. Во-вторых, это поиск всеобщих основ положительного права разных времен и народов, т.е. задача, не обязательно политически мотивированная. В этом последнем теоретики естественного права мало преуспели, ибо большинство из них исходило из идеализации человека и часто из предположения, что богам не все равно, каким будет человеческое право. Истоки права в основном искали в разуме, божественном или человеческом. Этот путь не мог привести к успехам в построении антропологии права, но был успешен в построении многих полезных концепций, ибо фактически, теоретики естественного права решали не ту задачу, которой задалась. А именно, не задачу о том, каким было изначально разумное право людей или богов, ибо изначально право было основано не на разуме, но ответ на вопрос: коль скоро мы стали разумными, каким мы должны сделать наше право, чтобы оно помогло нам освободиться от наследия дикости.

Мне представляется очевидным, что истоки права следует искать в принципах общественных образований, существовавших задолго до "торжества человеческого разума". Так же как общество родилось из стада, право родилось из стадных порядков. Эти порядки во многом были жестоко-иерархическими и не исходили из того, что человек рожден для счастья и свободы. Если под естественным правом (*natural law*) понимать комплекс этих истоков права, то легче с помощью этой доктрины обосновать принцип: "каждый, кто способен быть рабом, пусть будет рабом", чем идеи прав человека. Между тем, именно признание прав человека — во многом заслуга тех, кто ссылаясь на идеи естественного права.

Несомненно, что стадные истоки права сильно повлияли на развитие положительного права народов. Идеи защищенности человека коллективной волей и ограничений права сильного, идеи равноценности обмена и многие другие берут свое начало от времен, когда человек, быть может, еще не был человеком. Однако отражение в праве концепций свободы и прав человека должны быть признаны чисто человеческим, чисто культурным достижением, хотя по иронии исто-

рии в защите этих концепций люди ссылались на природные установления. Это не значит, конечно, что у человека, наряду со способностью к подчинению, нет биологической нужды в свободе (помнится, Павлов говорил даже об инстинкте свободы у собак); без такой нужды культура не пришла бы к идеям свободы, однако вырабатывать правовые нормы о свободе человеку пришлось самому, без помощи заготовленных эволюцией шаблонов.

Равноценность обмена

Понимание того, что право коллективной воли есть право сильного, не должно приводить к перенесению на коллективную волю всех свойств индивидуальной сильной воли, ибо целью последней является удовлетворение собственных автоматизмов, а цель коллективной воли — защита индивидуумов и самого общественного устройства. И еще одно существенное отличие коллективной воли: для достаточно больших сообществ она несравненно сильнее любой индивидуальной сильной воли. Это делает возможной применение правовой фикции о том, что в сравнении с коллективной волей индивидуумы обладают приближенно одинаковой волей.

Сказанное является сомнительным основанием принципа равенства перед коллективной волей, потому что часты случаи узурпации коллективной воли иерархическими верхами, в результате чего кажется, что отдельные лица обладают волей, сравнимой с коллективной. Но принцип равенства и не нуждается в таком сравнительном основании. Если считать сообщество добровольным, то естественно предположить выполненным принцип равноценности волевого обмена, действующий в отношениях индивидуумов (за исключением, разве что, случаев насильственного покорения), и естественно считать, что защита коллективной волей проявляется прежде всего в наблюдении равноценности в волевом обмене, в чем и выражается равенство перед коллективной волей. Таковы многочисленные предписания по конкретным видам волевого обмена и обмена суррогатами, включая нормы труда, торговли и т.п. Общий принцип состоит в том, что

получение некоторого объема воли или суррогата порождает обязательство *возмещения*, а у контрагента — право на получение возмещения, в соответствии с оценками коллективной воли или по соглашению участников обмена. При этом соответствие соглашения принципу равноценности также контролируется волей, и издавна известны типичные случаи пресечения нарушений этого принципа даже при добровольном соглашении. Замечу, что здесь уже идет речь о праве как о возможности проявления воли с помощью вмешательства коллективной воли, т.е. о специально защищенном праве. В этом смысле чаще всего и говорят о праве, и распространена путаница разных понятий (право и специально защищенное право), которая часто используется узурпаторами в теоретическом обосновании ограничения человеческих прав.

Предположение о добровольности объединения в общество является настолько слабым местом в предыдущем рассуждении, что следует сделать оговорку, что это лишь теоретическое предположение и что сказанное верно лишь в той мере, в какой верно это предположение. Надо помнить о случаях, когда члены общества не вправе это общество покинуть, скажем, из-за запрета эмиграции или из-за враждебности окружающих популяций. Наиболее распространенной, однако, является кажущаяся недобровольность, именно ситуация, когда человеку просто некуда уйти без существенных потерь в имуществе, в социальной защищенности и т.п. Коль скоро коллективная воля его не удерживает, то нельзя считать, что она нарушает принцип равноценности и добровольности объединения.

Принцип равноценности волевого обмена породил и негативное предписание, известное издревле: "Не делай другому того, чего ты не хочешь, чтобы делали тебе".* При-

* По-видимому, этот принцип изначально толковали именно с учетом степени приемлемости для людей тех или иных деяний, он имеет смысл требования не наносить ущерба другому человеку, т.е. не подразумевалось, что этот принцип распространяется на все пожелания садомазохистов. Это пояснение важно, ибо в истории общественной жизни слишком часты случаи проповеди страдания и жертвенности с религиозными целями или с целями борьбы за общественный прогресс, что бы ни значили эти слова в каждом случае. Тот, кто в древности придумал этот принцип, по-видимому, не предусмотрел возможности такого его применения.

знание этого влечет требование к выразителям коллективной воли исходить из соображений равенства в отношении к членам общества, но, как правило, равенства не формального, а с учетом их различных возможностей в несении волевого ущерба. С этим нетривиальным пониманием равенства с учетом индивидуальных и иерархических различий связано понятие *справедливости*. Так, например, несправедливым будет требование ко всем членам общества уплатить одинаковый объем воли или денежный налог, несмотря на то, что есть сильные и слабые, богатые и бедные. Приближением к справедливому решению будет требование уплатить определенную часть воли (или суррогатов) в качестве налога. Во многих странах считается справедливым требовать большего от успешных, например, взимается прогрессивный налог.

Идеи формального равенства могут нарушать справедливость, но в некоторых областях современного права они утверждались в праве вследствие борьбы с большей несправедливостью, чем та, что следует из такого формального равенства. Однако стремиться к справедливости все же можно и теперь; например, нетрудно понять, что *несправедливо* применять одинаковый режим в тюрьмах и трудовых лагерях к бродяге, который рад возможности поспать под крышей, и к человеку из обеспеченных слоев, привыкшему к резко иному образу жизни. (Сказанное не означает, что у меня есть рецепт того, как избежать этой несправедливости.)

Тут можно говорить о забавном развитии по кругу. Формальное равенство в праве побеждало благодаря ссылкам на несправедливость существовавших ранее норм о социальных различиях, однако оказалось, что многие нормы о равенстве несправедливы, ибо не учитывают индивидуальных различий людей и социальных слоев. Последовала борьба за отход от принципа равенства и справедливое предоставление льгот отдельным категориям людей (в развитии американского права можно найти массу примеров этому). Это в свою очередь вызывает протесты и призывы к равенству, например, протесты против *affirmative action** или против выплат

* Речь идет о специальных льготах черным и другим меньшинствам. Критики оценивают эти льготы как "обратную дискриминацию".

фермерам в Америке. Не исключено, что это развитие по кругу — естественный процесс и что никогда не будет достигнуто статическое равновесие между равенством и справедливостью, однако право лишь недавно достигло степени развития, достаточной для проявления такого феномена, так что пока не хватает опыта, чтобы высказаться более определенно.

Следует помнить, что коллективная воля — не есть всегда воля власти, правящей обществом. Выразители коллективной воли (власть) не всегда способны и не всегда хотят стремиться к адекватному выражению коллективной воли. В оценках соответствия проявления воли власти и коллективной воли естественно исходить из предположения, что основной целью коллективной воли должна являться помощь индивидуумам в удовлетворении автоматизмов воли и их защита от внешних воль. Если цели властей существенно иные, можно говорить об узурпации коллективной воли.

Подтверждение автоматизмов

Как я уже сказал, в старину этика единой иерархии составляла право сообщества; в процессе расщепления иерархии право постепенно становилось надидерархическим, хотя еще и до наших дней в праве встречаются нормы, регулирующие этику иерархий. Присутствие в праве норм из этики отдельных иерархий иллюстрируется нормами, подтверждающими автоматизмы.

Так, истории права известен ряд норм, подтверждающих изоляционные автоматизмы у людей, даже когда это касается их самих, а не окружающих: таковы, например, установления о ритуальной чистоте, омовениях перед входом в мечеть. Другой пример: распространено правовое подтверждение гетерополового сексуального влечения. Подобные нормы — следствие стремления властей править в соответствии с естественными (или божественными) законами. Как видим, не только критики, но и творцы позитивного права иногда стараются исходить из стремления к соответствию с природными установлениями в том виде, как их понимают в данную эпоху. Такой же характер носят правовые нормы, препят-

ствующим в свободе самоубийства (дискриминационные нормы о похоронах, иногда нормы наследственного права; психиатрические меры и ныне применяются к самоубийцам-неудачникам)*. Страх властей перед нравственной привлекательностью самоубийства приводит к особым ограничениям этого права в пенитенциариях, между тем, именно там люди часто испытывают потребность в реализации этого очевидного права**. Подобно этому преследуется членовредительство, как в пенитенциариях, где к этому приводит накопление волевой неудовлетворенности, так и в случаях реализации очевидного права человека сделать себя непригодным к несению военной службы. Еще пример: советские запрещения самобичевания шиитов в дни маггеррама (мохоррема), введенные вскоре после революции.

Излишне говорить, что природные влечения людей вряд ли нуждаются в правовом подтверждении. Если в природе случаются отклонения от того среднего, которое на первый взгляд кажется нормой, то естественно, если это вызывает интерес; запрещения отклонений от предполагаемой нормы, если эти отклонения не влекут нарушения законных прав других людей, на самом деле есть не только стремление правителей к иерархическому росту за счет иллюзорной помощи природе или богу, но и удобный путь ограничения прав людей с использованием ссылок на природные установления.

Однако если оставить в стороне оценки, надо признать, что подтверждение автоматизмов — одна из древнейших черт права. Судя по тому, что право цивилизованных стран посте-

* Анализ практики даже цивилизованных стран показывает, что психиатрические преследования могут использоваться в тех случаях, когда развитие права опережает отмирание предрассудков в обществе.

** Право на жизнь, провозглашенное Пактом о гражданских и политических правах, несомненно включает и право на то, чтобы прервать течение собственной жизни. Признание этого в будущем для меня несомненно, поскольку влияние христианских предрассудков в праве постепенно исчезает. Однако практическое осуществление этого права в пенитенциариях потребует создания специальных процедур, предохраняющих заключенных от возможного произвола, в том числе от произвола тюремных властей.

пенно отказывается от нормотворчества этого рода, наличие в праве страны установлений, подтверждающих предполагаемые ожидания природы может быть использовано как один из критериев для суждения о том, как далеко ушла данная система от древних представлений об объеме власти государства.

Обеспечение автоматизмов

Защита со стороны коллективной воли означает содействие индивидуумам в обеспечении возможности возбуждения и удовлетворения автоматизмов, в том числе, содействие процветанию волевого обмена, в котором люди участвуют с этой целью. Право отражает конкретные случаи единообразного вмешательства коллективной воли по обеспечению и ограничению автоматизмов. В перечни гарантий субъективных прав, впрочем, как правило, входят лишь те права, которые специально декларированы вследствие того, что ранее (в особенности узурпаторами коллективной воли) они систематически ограничивались. Подразумевается, что коллективная воля должна в пределах возможного защищать все основные права человека, т.е. независимо от декларации стараться обеспечить во всяком случае проявление основных для каждой иерархии автоматизмов (гомеостатических, познавательного, иерархического роста и пр.). Практически так оно и есть, и забота коллективной воли часто не связана с декларацией права. Так, не слышно, чтобы провозглашалось право дышать, между тем, среди правовых актов много таких, в которых внимание уделено, в частности, и этому автоматизму. Таковы, например, акты по нормам вентиляции, меры против загрязнения воздуха, стандарты на курительные и нюхательные табаки, международное запрещение применения удушливых газов и многое другое. В большинстве случаев дело коллективной воли — заботиться о том, чтобы человеку никто не мешал проявлять волю для обеспечения автоматизма, и лишь в специальных случаях коллективная воля заботится или предписывает другим заботиться об обеспечении автоматизмов членов общества. Такова помощь при стихийных бедствиях, известная издавна у многих

народов (например, требование помогать родственнику, пострадавшему от гибели скота, в казахском обычном праве). Таковы же меры по призрению больных, сирот, престарелых и пр. В целом, однако, вплоть до недавнего времени коллективная воля предполагала, что каждый заботится о себе в меру своих возможностей. Лишь недавно некоторыми государствами стали предприниматься меры по обеспечению социально-экономических прав человека.

Ограничение автоматизмов

Содействие обеспечению автоматизмов и наблюдение принципа равноценности достигается коллективной волей в основном посредством требования к индивидуумам ограничить себя в выборе методов возбуждения и удовлетворения определенных автоматизмов. Например, право на жизнь коллективная воля обеспечивает посредством требования ограничиться в выборе методов соперничества такими, которые не сопряжены с убийством.

Предполагается, что коллективная воля сообщества применяет запреты, лишь безусловно необходимые для жизнеспособности сообщества в отличие от иерархий, этические запреты которых шире и не кажутся столь необходимыми. Такое предположение является скорее общим пожеланием того, чтобы коллективная воля не увлекалась запретами. Из практики видно, что запреты и вообще поведение коллективной воли во многом отражают иерархическое состояние сообщества, мерой которого является степень близости к первичной волевой иерархии. Похоже, что сравнительное правоведение затрудняется констатировать принципиальное единство различных правовых систем именно потому, что сравниваются правовые системы наций различного иерархического состояния, то есть, вообще говоря, наций, стоящих на разных ступенях социальной эволюции (но к этому выражению надо относиться осторожно и не подразумевать, что рано или поздно все нации пройдут через определенные стадии развития и придут к какому-то универсальному состоянию). Лишь в подобных по иерархическому состоянию обществах правовые и этические установления весьма близ-

ки, во всяком случае в том, что касается отношения к правам личности.

Запретам коллективной воли обычно придают чуть ли не священное значение — нарушивший (помимо наказания с целью уничтожения злой воли) подвергается безусловному иерархическому понижению. Между тем, следует помнить, что запреты коллективной воли — не более чем пожелания с предупреждением о последствиях невыполнения этих пожеланий, так как любая сильная воля может лишь помешать проявлениям человека, помешать осуществлению права делать запрещенное, но не лишать этого права. Это значит, что человек имеет право совершить любое уголовное деяние и понести за это ответственность — речь идет о праве в естественном смысле, никакая система положительного права не гарантирует и не признает этого права. (Право нести ответственность в ряде случаев принципиально важно и его приходится отстаивать, например, в СССР при освобождении от уголовной ответственности на основании спорных заключений о невменяемости).

Хорошо известно, что в ряде случаев "возвышенные" стремления приводят к уголовным преступлениям. Таково, например, согласие излечить неизлечимо больного от жестоких страданий посредством убийства, умерщвление новорожденного с таким серьезным уродством, которое повлечет за собой его страдания. Оценка таких поступков, наверное, всегда будет вызывать принципиальные разногласия, и вряд ли коллективная воля в будущем однозначно разрешит такие проблемы. Но каждый человек вправе "взять грех на душу" из сострадания или из иных побуждений и вправе совершить нетривиальный добрый поступок с готовностью отвечать за это. То же можно сказать о всех прочих случаях, где речь идет не о доброте, а об удовлетворении других автоматизмов вопреки требованиям коллективной воли.

Следует также помнить, что до сих пор запреты коллективной воли сообщества отражают этические нормы наиболее широко в этом обществе представленных иерархий. Примером служат ограничения познавательного автоматизма в случаях узурпации коллективной воли, особенно когда узурпаторы представляют иерархии, близкие к чисто волевой, и проявления познавательного автоматизма вызывают у них

страх в силу принципа максимальной оценки незнакомой воли. Примеры многочисленны (Index — у католиков, костры из книг в Германии, ограничения информационного обмена в России и т.п.). Можно привести много других примеров, когда обычаи наиболее распространенных в обществе иерархий влияют на право в ущерб меньшинствам.

В совокупности большинство правовых норм можно рассматривать как систему минимумов в обеспечении автоматизмов. Такая точка зрения может быть полезной при оценке законов. Так, в некоторых странах кража по крайней нужде может быть признана ненаказуемой, т.е. признается важность обеспечения минимума гомеостаза. В области защиты равенства в распределении благ примером гарантии минимума является запрещение полигамии: коллективная воля, конечно, не может в отношении сексуального автоматизма гарантировать больше, чем наличие хоть какой-то женщины на каждого мужчину, хотя фантазия Замятина помогла нам понять, что принцип равенства при распределении благ и здесь может быть доведен до несимпатичного предела. Ныне, когда оценка законов проводится в первую очередь с учетом ненарушения прав человека, запрещение полигамии — это просто нарушение права на ассоциацию; сказанное относится и к полиандрии. Среди прочего человеку гарантируется минимум волевого суррогата (наказуемость оставления без помощи, гарантии помощи больным и пр.). Минимум информационного суррогата в успевающих странах гарантируется тем, что родителям вменено в обязанность заботиться о посещении школы детьми в течение определенного времени.

Возмещение волевого ущерба

Нарушение принципа равноценности волевого обмена влечет возбуждение соперничества у контрагентов и вмешательство коллективной воли. Деликт считается пресеченным, если реально или иллюзорно восстановлено положение, существовавшее до нарушения.

Реальным восстановлением является отобрание у деликвента той выгоды, которую он извлек в результате нару-

шения, и возврат ее пострадавшему контрагенту. Таковы многочисленные казусы по возврату долгов, возмещению материальных убытков, истребованию платы за труд или информацию. Обычно такие гражданско-правовые санкции действительно восстанавливают положение участников обмена, существовавшее до нарушения принципа равноценности (невозмещенными остаются разве что затраты воли на общение с коллективной волей; казалось бы — это несправедливо, но социальная польза этого очевидна, ибо благодаря этому люди не беспокоят суды по каждому пустяку).

Иллюзорное восстановление положения, существовавшего до нарушения принципа равноценности, употреблялось, когда реальное восстановление не во власти коллективной воли, и она может лишь позаботиться о том, чтобы деликвент не остался в выгоде, т.е. о том, чтобы по возможности восстановить *относительное соотношение объемов воли* деликвента и потерпевшего. Таковы нормы древнего права с применением принципа талиона (Хамм. 196, 200)*. Этот принцип, разумеется, действовал лишь в случае, когда деликвент и потерпевший близки по иерархическому положению. В ином случае презюмировалось, что малый вред лицу, иерархически высшему, при восстановлении волевого соотношения должен повлечь больший вред деликвенту. Так, если раб сказал недозволенные слова господину (буквально: нанес ущерб его уху), то рабу отрубали ухо (Хамм. 282). Это — возмещение, в отличие от наказания, при котором уничтожалась локальная злая воля деликвента. (наказанием было отрезание языка за недозволенные слова — Хамм.282)

Развитие практики иллюзорного возмещения известно: сначала талион был заменен материальным возмещением, затем эта практика почти исчезла из права — необратимый волевой ущерб стал считаться достойным лишь наказания, уничтожения злой воли, и потерпевший был оставлен без иллюзии возмещения, если не считать возможности гражданского иска параллельно с уголовным процессом. При этом наказание стало выражаться в нанесении ущерба самому человеку, а не принадлежавшей ему локальной воли, хотя

* Ссылки на русское издание кодекса Хаммурапи. Выходные данные мною утеряны.

членовредительство, идея которого восходит к наказанию локальной воли, сохранялось довольно долго. Этот переход к наказанию самого человека, а не провинившегося члена его тела, есть несомненно результат роста роли сознательной воли, покорившей локальные воли (я писал об этом, когда обсуждал модель примитивного сознания).

В старину многие законы, наблюдавшие принцип равноценности, имели в виду в качестве субъекта права, субъекта волевого обмена не человека, а семью. Так считали и сами люди (обычай кровной мести). Потому часто возмещение уплачивалось семьей или причиталось семье: таковы выкупы за убийство, за похищение женщины. Иллюзорное возмещение в предположении правосубъектности семьи известно в Хамм. 209-210: убийство дочери деликвента в качестве возмещения.

Уничтожение злой воли

Можно пытаться представить себе, как относились наши далекие предки к злостным и систематическим деликтам требований коллективной воли, пока не научились убивать себе подобных с целью наказания. Несомненно, что те, кто не считался с запретами для данного слоя иерархии, наказывались, как и впоследствии, иерархическим понижением, но вряд ли можно считать, что это на всех оказывало должное воспитательное воздействие, ибо совершение деликта свидетельствует о присущей индивидууму оригинальности сопряжения автоматизма оценки с иными проявлениями воли и неочевидно, что иерархическое понижение всегда поможет изменить это свойство. Можно предполагать, что в случае систематических и злостных деликтов, применялось изгнание из стада, избавляющее сообщество от злой воли, — злой, ибо считается, что деликвент всегда нарушает принцип равноценности волевого обмена с выгодой для себя, т.е. совершает злой поступок.

Наказание, в отличие от возмещения, — это всегда в более или менее преобразованном виде изгнание из сообщества злой воли, но не всегда изгнание или убийство носителя злой воли. Во многих случаях считают возможным уничтоже-

ние злой воли, присущей человеку, без уничтожения человека. Таково отделение частей тела в тех случаях, когда в силу принципа локальности воли презюмируется, что они являются носителями злой воли (отсечение рук у хирурга-неудачника, или у сына, ударившего отца, или у вора; отсечение языка — за недопустимые слова — Хамм. 196, 218, 253 и др.). Та же идея — в применении кастрации к соответствующим злостным преступникам, сохранившемся в американском праве до начала нашего века. Уничтожение злой воли проводилось и священнодействием (изгнание бесов и т.п.), когда презюмировалось, что гипотетическая злая воля соединилась с человеком.

Замечено было и то, что часто деликвентность есть временное свойство человека, т.е. что злая воля со временем уничтожается сама — в надежде на это практиковалось изгнание на неопределенный срок, а затем изоляция в той или иной форме, сопровождающаяся также мерами по воспитанию сознательной воли — телесными наказаниями или изнурительным трудом, таким, при котором проявления воли трудиться возможны только за счет известного напряжения и, следовательно, тренировки сознательной воли в подавлении автоматизма отдыха; с подобной же целью применялось и применяется воспитание голодом и иными лишениями.

Методы наказаний развивались отнюдь не только благодаря стремлению выразителей и узурпаторов коллективной воли найти более эффективные способы уничтожения "злой воли" в человеке. Обычно при этом преследовались цели удовлетворения различных автоматизмов властителей и исполнителей наказаний, а также цели превентивного воздействия на публику. В некоторых странах этот вид искусства получил изощренное развитие, и наказания часто рассматривались как вожделенные зрелища, возбуждающие, в частности, автоматизм страха.

Наказания, как правило, сопровождаются иерархическим понижением, во всяком случае в тех иерархиях, оценка в которых зависит от коллективной воли сообщества или от ее узурпаторов. (В отличие от иерархий деликвентов, где перенесенные от наказаний страдания возвышают, за исключением случаев, когда деликвент наказан в иерархии де-

ликвенгов). Применялись и отчасти применяются и теперь разнообразные и изощренные методы демонстрации иерархического понижения, как касающиеся определенной иерархии (лишение орденов, званий, имущества, гражданская казнь), так и затрагивающие общие иерархические оценки (публичное обнажение, шествие с наказанием, содержание в грязном помещении и т.п.). В разных странах практикуются и поныне унижения, хотя прямо не выраженные в приговоре о наказании, но оправдываемые соображениями режима мест заключения: поставление в подчинение к лицам низших слоев иерархии, каковыми обычно являются тюремные надзиратели, унижительные обыски с обнажением. Изобретательность людей в этой области неистощима.

Наказание всегда имело влияние и на дальнейшие иерархические успехи человека. Издавна бывших деликвенгов сопровождает в обществе недоверие, а часто правовые запреты на продвижение в определенных иерархиях (клеймение, правовое бесчестие или просто невозможность найти работу).

Во время применения наказания человека считают настолько иерархически низким, что отказывают ему подчас в признании самых элементарных прав, например, права искать свободы. Бессмысленность наказания приговоренного к казни за попытку избавиться от смерти понятна, пожалуй, каждому. Этого не скажешь о наказаниях за побег лишенного свободы. Смысл лишения свободы, как и любого наказания, в том, что оно проводится насильственно, вопреки воле наказуемого. Но следует презюмировать, что наказуемому естественно стремиться избавиться от таких ограничений любым способом (например, хорошим поведением, дачей взятки, убийством стражи, побегом). Как и любой человек, он должен при этом нести ответственность за совершение ради побега нового преступления, но ответственность наказуемого за побег как таковой противоречит идее насильственности наказания. За удачный побег, как за факт нарушения веления коллективной воли, должны нести ответственность лишь лица, обязанные охраной наказуемого, ибо это их служебное упущение. (Иное в случае "почтительных" наказаний, при которых наказуемый пользуется некоторым доверием властей, в силу чего выбор наказания предполагает, на основе соображений чести, содействие наказуемого: выпить

чашу с ядом, находиться в ссылке.) Наказание заключенного за побег есть выражение претензии власти на насилие не только над возможностями человека, но и над его желаниями.

Процедура наблюдения равноценности

Люди издавна понимали, что тот, кто оценивает волевою ситуацию, является частью этой ситуации, и его оценка зависит от его волевого состояния, иерархических и иных целей. Поэтому в том, что касается путей проявления коллективной воли в наблюдении принципа равноценности, было естественно довериться суждению наименее заинтересованных лиц: в качестве таких внутри сообщества выбирались старики, благодаря сильной адаптации у них многих автоматизмов, менее активному участию в соперничестве и обилию накопленного информационного суррогата, что важно для соблюдения принципа единообразия в проявлениях коллективной воли. Именно умудренным старцам поручали наблюдение равноценности волевого обмена в сообществе и, по-видимому, тем, кто в свое время иерархически преуспел, что важно для обеспечения честности поведения — я уже говорил о презумпции честности сильной воли. Эти два требования (незаинтересованность и честность) к тем, кто судит от имени коллективной воли, важны и поныне.

В древних и средневековых процессуальных системах подчас любая сильная (т.е. предположительно честная) и незаинтересованная воля признавалась пригодной для судебных функций (например, суд реки, ордалии). Происхождение обычая поединка как разрешающей процедуры спора, по-видимому, имеет ту же природу с учетом надежды людей на вмешательство гипотетической сильной воли, но не исключено, что это было следствием приверженности древнему принципу о правоте сильного.

Сильнейший в иерархии считался удовлетворяющим требованиям как честности, так и незаинтересованности, во всяком случае, когда он иерархически намного выше тех, кого судит. Это верно, когда речь идет о сообществе с единой первичной чисто волевой иерархией. Дробление этой иерар-

хии привело к соперничеству иерархий, и сильнейший в одной иерархии уже не мог рассматриваться как лицо незаинтересованное, коль скоро противоречия людей отражали противоречия иерархий. Эти соображения привели к пониманию необходимости отделения судебной власти от других властей и к созданию особой судебной иерархии.

Замечу, что поиск иерархически сильного (т.е. предположительно честного с учетом биологической презумпции честности сильной воли) и беспристрастного судьи первоначально был основан на ощущении доверия и почтительности к сильной воле, а не на сформулированных процессуальных принципах. Так дети, поспорив, обращаются к старшему как к судье, но не сделают этого, если он является в споре заинтересованным лицом. Лишь позднее, когда упомянутые ощущения не могли гарантировать доверия в силу возможной иерархической заинтересованности судьи, предъявлялись определенные сформулированные требования к поведению и выбору судьи, в том числе требования к полноте изучения дела (например, право сторон вызывать свидетелей). Несмотря на наличие некоторых предписаний, это все же был процесс, основанный на доверии к суду.

И даже когда по мере дробления первичной иерархии власть в сообществе узурпировалась отдельными иерархиями, и суд активно участвовал в иерархическом соперничестве, люди могли утратить иллюзию беспристрастности суда, но часто не утрачивали доверия к честности, во всяком случае, те люди, которые не познали на себе правосудие такого суда. Просто потому, что презумпция честности сильной воли (и презумпция честности власти) действует как чисто биологический мотив поведения, т.е. познавательный автоматизм удовлетворяется тем, что сообщает сильная воля, — это одна из реакций на взаимодействие с сильной волей. Лишь в процессе межииерархической борьбы, в частности борьбы за правовые гарантии, были постепенно сформулированы некоторые принципы, само существование которых свидетельствует об отказе от презумпции слепого доверия к суду. К таким принципам относится принцип гласности и устности судебного разбирательства. Эти принципы затрудняют практику неправосудных решений, и ныне подготовка неправосудного поведения суда обычно включает в себя меры

по сокрытию процедуры от той части публики, которая не исходит из презумпции честности власти. Ныне сформулированы также принципы относительной беспристрастности и независимости суда — это тем более важно, что накоплен опыт в использовании суда в межирархическом соперничестве. Действенность и строгость реализации требований гласности и независимости, конечно, зависит от иерархического состояния сообщества. Похоже на то, что эти принципы, если они формально восприняты обществами, близкими к первичной волевой иерархии, приносят мало пользы, если у публики не разрушено слепое биологическое доверие к власти.

Стабилизация иерархий

Сильнейший в сообществе был уже в силу этого выразителем коллективной воли, целью которой являлась помощь членам сообщества в обеспечении удовлетворения автоматизмов, а следовательно, повышение жизнеспособности сообщества, рост воли сообщества. Упрощая, можно сказать, что поскольку у сильнейшего автоматизм иерархического роста мог удовлетвориться лишь в стремлении умножить волю своего сообщества, включая обеспечение успеха в соперничестве с другими сообществами, цели сильнейшего во многом совпадали с целями коллективной воли. Среди прочего целью сильнейшего, как выразителя коллективной воли, было наблюдение (или обеспечение эффективности наблюдения) равноценности волевого обмена.

В первичной волевой иерархии выбор выразителя коллективной воли прост — это первый в иерархии. Дробление первичной иерархии и межирархическое соперничество затрудняло выбор выразителя коллективной воли; мало того, поскольку с правом выражать коллективную волю социобиологически связана иллюзия первенства в общей иерархии всего сообщества, постольку вокруг этого преимущества разгорается иерархическое соперничество.

Бесстрастное решение при выборе правителя гласит, по видимому, что если он должен быть подобен сильнейшему в сообществе, то при отсутствии иных общепринятых иерархических критериев таким можно считать того, кто обладает

наибольшим объемом волевого суррогата в сообществе. Это понимали всегда, и борьба за власть была борьбой за волевой суррогат; история показывает, что претенденты на власть достаточно изощрены в методах накопления волевого суррогата и что при этом весьма распространено нарушение принципа равноценности волевого обмена. Но поскольку соблюдение принципа равноценности волевого обмена — дело именно выразителей коллективной воли и поскольку именно они часто являются деликвентами, то в этих случаях их следует считать узурпаторами коллективной воли.

Нарушение принципа равноценности — распространенный прием и в иерархическом соперничестве, в обеспечении принципа экономии воли, в стремлении избежать волевых утрат, в частности, в стремлении закрепить достигнутое иерархическое положение. Каждый заинтересован, чтобы стоящие ниже остались на месте и не достигли его положения. Больше всего это заботит иерархически успешных и заботит тем сильнее, чем более распространен в этом сообществе метод узурпации иерархического положения (т.е. продвижение благодаря нарушению принципа равноценности). Это беспокойство порождало превентивные меры по *стабилизации иерархий*. Нормы стабилизации весьма широко представлены в праве и в иерархических этиках и очень часто являются разрешением нарушать в конкретных случаях принцип равноценности волевого обмена (и справедливость), в зависимости от определенных признаков контрагентов в обмене. То, что ныне отвергается международным правом как различного рода дискриминация, лишь малая толика мер по стабилизации, столь обычных в прежние времена. Многие из мер по иерархической стабилизации не вызывают возражения с точки зрения равноценности волевого обмена и ныне, например, право именоваться профессором, будучи однажды объявленным таковым, или право сохранять свою собственность. Правомерность некоторых других способов стабилизации подвергалась сомнению, но это не привело к отказу от них. Например, право наследования влечет неравенство людей в том, что они получают в обмене с предшествующими поколениями: известно, что была попытка отменить это право в России после революции.

Вряд ли человеческое право откажется от всех мер стабилизации иерархии, но похоже, что многие методы стабилизации исчезают из права, в частности, привилегии высших классов, несменяемость правителей и прочее.

Авторитет власти

В соперничестве за первенство в иерархиях сообщества, за накопление волевого суррогата претенденты на власть (особенно в сообществах, близких по развитию к первичной чисто волевой иерархии) умело используют биологические мотивы поведения людей, подчас весьма бесцеремонно. В иерархиях, близких к чисто волевым, биологическими мотивами поведения при реакции на правителя являются такие, как покорность, доверие (презумпция честности сильной воли), попытки возбудить корпоративность и доброту с целью иерархического повышения. То, что я говорю о сообществах, иерархически близких к первичной волевой иерархии, во многом применимо и к сообществам с сильно развитой полииерархической структурой, ибо реликты биологически мотивированного социального поведения проявляются и там, хотя степень проявления во многом зависит от иерархического положения и общей культуры.

Что касается обществ, которые еще чтут ценности первичной волевой иерархии, то как бы высшие иерархические слои этих сообществ ни пытались брать уроки добра и разума у более цивилизованных соседей, процесс дробления первичной волевой иерархии трудно ускорить, и время иерархического роста сообщества измеряется поколениями. В таких обществах выразители (а чаще узурпаторы) коллективной воли пользуются авторитетом благодаря возбуждению у людей более или менее ярко выраженной покорности, причем узурпаторы (лицо, группа, партия, религиозная ассоциация и т.п.), систематически нарушая принцип равноценности волевого обмена, применяют любые способы для возбуждения покорности себе или представителям своей власти — общество с такой формой правления ныне часто называют авторитарным, монархическим, тоталитарным и т.п., причем далеко не всегда ясно, в какой мере тот режим правления,

который нам кажется противным человеческой природе, действительно является неестественным для данного сообщества.

Поскольку ныне почти в любом сообществе все же имеется полииерархическая структура и межииерархическое соперничество, то покорностью узурпаторы не только пользуются, но и стремятся к насаждению ее: ставка власти на чисто биологические мотивы поведения, на покорность легко диагностируется ее претензиями на любовь и преданность населения не только к представителям власти, но к государству, к форме правления, подчас к красотам природы данной страны. Я имею в виду проводимое по инициативе власти насаждение патриотизма в любой его форме (национализм, любовь к родному очагу, ненависть к иным нациям или непонятым идеям).

Ставка власти на роль волевой неудовлетворенности в воздействии на характер иерархических стремлений и волевой разрядки диагностируется по мероприятиям, препятствующим свободной волевой разрядке, по конструированию угодных власти, "мобилизующих" видов нормированной волевой разрядки, по препятствиям в свободе сексуальных проявлений (например, пропаганда ханжеской морали), иногда и по затруднению в удовлетворении гомеостатических автоматизмов. Проповедь свободы в тоталитарном обществе будет иметь мало успеха, если апеллировать к познавательному автоматизму, так как он удовлетворен властью в силу презумпции честности сильной воли. Проповедь свободы будет не столь безуспешной, если она помогает людям в избавлении от волевой неудовлетворенности, в выборе путей ненормированной волевой разрядки.

Использование властью указанных биологических мотивов поведения, обычных для сообществ с единой волевой иерархией, характеризуется стремлением власти упрочить в обществе эту единую иерархию, сопровождается мерами по затруднению иерархического дробления общества, ломкой ранее установившейся полииерархической структуры — таковы призывы к единству, консолидации, подавление иерархий, не вписывающихся в запланированную единую структуру. Соответственно этому возникают или возрождаются правовые меры по стабилизации и перестройке иерар-

хий, в том числе дискриминация по иерархическим признакам.

В заключение этих отдельных заметок о связи права с наследием стадных обычаев отмечу важность самой темы. Человечество много сделало для развития культурного права, но пусть сложность и изящество конструкции не позволят нам забыть о фундаменте здания. Учет истоков права, заимствованных нами от врожденных программ, регулировавших отношения наших предков, я думаю, поможет яснее понимать правовые системы в их историческом развитии.

ИНДИВИДУАЛИЗАЦИЯ ЛИЧНОСТИ

Трудно представить себе, насколько ощущали свою индивидуальную свободу наши предки в очень давние времена. По-видимому, биологическая и социальная детерминированность поведения была весьма велика, и велика была корреляция поведения с другими членами сообщества. Судя по многим данным, человек, вообще говоря, не был субъектом права и элементом иерархии в привычном для нас смысле. Главы семей с принадлежащим им волевым суррогатом (членами семей) составляли единую волевою иерархию, и именно семьи, а не люди были субъектами права. Меры по стабилизации семейно-иерархических отношений известны: правовое и этическое подтверждение автоматизма покорности у женщин и у детей к главе семейной иерархии, порицание прелюбодеяния и пр.

Впечатление об иерархическом росте, благодаря образованию семьи и рождению детей, донныне сильно у людей, особенно в сообществах, близких к первичной волевой иерархии. Обычай, среди прочих иерархически-оценочных вопросов, спрашивать, "сколько детей", "женат ли", и просто бытующая в общественной этике уверенность, что семью иметь нужно, — все это свидетельствует о том, что обладание семьей и поныне играет роль в иерархических оценках и является приемом удовлетворения автоматизма иерархического роста.

То, что человек хотя бы из высших слоев волевой иерархии (т.е. мужчина, и притом достаточно сильный, чтобы захватить и удержать одну или более женщин) мог образовать семью, было важным в процессе индивидуализации

человека (или его предка — примата), в уменьшении коррелятивности его поведения с окружающими, ибо он становился главой образованной им иерархии, а, по-видимому, свобода и степень индивидуальности возрастают с ростом иерархического положения.* Степень стабилизации семейных иерархий различна у разных народов. Известно, что бывали довольно жесткие системы иерархической стабилизации семей, однако со временем у всех народов наблюдается дробление обширных семей, обусловленное соперничеством и стремлением к иерархическому росту каждого из глав малых семей.

Такое дробление было следствием не только стремления глав малых семей к возвышению в семейной иерархии, но и тем, что правоспособность главы семьи в обществе была шире. Именно семья (представленная главой), а не отдельный человек, была субъектом права. Даже в Европе следы этого сохранялись довольно долго: Конституция Португалии 1933 г., например, предоставляла избирательное право в местных выборах лишь главам семей.** Поэтому соперничество с большой семьей, выход из нее со своей малой семьей означал расширение правоспособности; правда, защита коллективной воли семьи была слишком важна для человека, что затрудняло произвольное от нее освобождение. Однако автоматизм увеличения воли содействовал эволюции общества в сторону большей индивидуализации: субъектом прямой защиты коллективной воли постепенно становится собственно человек (в последнее время включая женщин и, в известной мере, детей).

Наряду с таким правовым освобождением от семейной зависимости, ныне во многих странах заметна склонность людей придавать меньше значения иерархическим требованиям в семье. При этом в иерархическом росте детей очевид-

* Известны, впрочем, исключения: первый в иерархии, являясь выразителем коллективной воли, может попасть в сильную зависимость от этой воли; его свобода часто ограничена запретами, вытекающими из взаимоотношений сообщества с гипотетическими волями, — я имею в виду вождей некоторых племен, японских императоров в прежнее время.

** Конституция Португалии 1933 г. с изменениями 1935-51 годов. См. "Конституции буржуазных стран Европы", М. 1957.

на важность тренировки автоматизма соперничества в семейных конфликтах, важность преодоления привычной покорности старшим и развенчания авторитетов, претендующих на роль таковых на основе лишь презумпции честности сильной воли. Пребывание в семье с возможностью общения с другими иерархиями (в школе и в детских коллективах) содействует осознанию детьми возможности произвольно выбирать иерархию, не ограничиваясь традиционно предписываемой. Нет смысла предпочитать ценности семейной иерархии, если в ней ребенок находится на низкой ступени и в силу этого ощущает неудовлетворенность или подвергается унижению, особенно если школьный коллектив, шайка деликвентов или спортивная команда предлагают участие в других иерархиях, где обычно остро возбужденный автоматизм иерархического роста ребенка получает удовлетворение.* Это содействует развитию у человека стремления к большей свободе в выборе иерархий, и в конечном счете помогает образованию в обществе полииерархической структуры.

Рост свободы — это во многом увеличение числа детерминирующих поведение факторов. В этом смысле человек более свободен, если ему доступен для участия или для выбора больший набор иерархий — трудно сказать, что чем обусловлено: дробление иерархий стремлением к свободе или обретение свободы дроблением иерархий. Важно, что основой индивидуализации личности (т.е. достижения большей свободы, уменьшения коррелятивности поведения людей в сообществе) является автоматизм увеличения воли во всех его проявлениях: иерархический рост, экономия воли, стремление к правильности оценок, развитие познавательного автоматизма и пр.

* То, что этот автоматизм действительно остро возбужден и обычно неудовлетворен у ребенка, видно и из распространенной склонности детей к вандализму — способность сломать, уничтожить вещь, иерархически более высокую, чем то, что ребенок может сделать или понять, т.е. покорить иным (не разрушающим) способом, доставляет сладостное удовлетворение автоматизма покорения сильной воли. Взрослые, напуганные деликвентностью подростков, обычно сами содействуют их унижению и накоплению неудовлетворенности автоматизма иерархического роста у детей.

Демократия

Так условно называют форму правления обществом, при которой допускается более или менее свободное соперничество иерархий и свобода образования новых иерархий. Разумеется — это не единственная характеристика демократии, но сказанное — более существенно, чем общепринятое описание демократии как правления народа. Хотя кое-что в демократических процедурах действительно устроено так, что жители страны могут высказать свое мнение и иногда даже повлиять на принятие решений, но тем не менее правят обществом в основном все-таки профессионалы и те, кто обзавелся достаточным запасом волевого суррогата, так что все известные работающие демократии — это элитарные демократии и утверждение, что правит народ — это дань или традиции, или политической мифологии. Однако употребление термина "народоправие" имеет смысл, притом более глубокий, чем когда имеют в виду управление государственными делами. Народоправие в демократическом обществе проявляется в том, что люди в большой мере управляют сами собой, без вмешательства государства или со строго ограниченным вмешательством. Это значит прежде всего свободу иерархического соперничества внутри имеющихся иерархий и свободу создавать новые иерархии, в том числе с новыми признаками. На политическом языке это — прежде всего свобода предпринимательства с достаточно свободным рынком не только товаров, но и информации, услуг, эмоционального обмена и вообще всех ценностей, которые могут быть найдены или произведены человеком, а также свобода ассоциаций.*

Известно, с каким трудом была достигнута такая свобода межииерархического соперничества в борьбе с установлениями первичной иерархии и узурпаторами коллективной воли. Впрочем, процесс дробления и перестройки иерархий

* Я описал слишком идиллическую картину свободы рынка. Государство, конечно, вмешивается и часто делает это на основании традиционных предрассудков, ограничивая, например, проституцию, порнографию, детородные услуги, азартные игры, рынок наркотиков и т.п. Но важно помнить, что демократия — это развивающееся состояние общества, и борьба за расширение рынка — возможна.

продолжается все время; растет и свобода иерархического соперничества (в том числе свобода человека в выборе и отвержении иерархий). Движение в этом направлении потребовало развития в обществе сильного недоверия к любой власти как таковой и конструирования многих гарантий против узурпации власти отдельными иерархиями. Важный класс таких гарантий — меры против вмешательства власти в иерархическое распределение, исключение дискриминации и привилегий, а также постепенное устранение из права общества норм, продиктованных этикой отдельных иерархий. Легко заметить, как в последние века постепенно исчезали из права западных стран нормы по стабилизации иерархий, в том числе дискриминационные; нормы, основанные на этических предписаниях сомнительной всеобщности; нормы, подтверждающие автоматизмы.

То, что демократическое правление установлено в ряде обществ лишь вследствие борьбы с узурпаторами или с установлениями первичной иерархии, чрезмерно вдохновляет остальных поборников свободы на борьбу за демократию в тех сообществах, которые не столь далеко ушли от первичной иерархии. Похоже, что борьбы и пропаганды "народовластия" недостаточно, если в обществе еще значимы ценности первичной иерархии, если отсутствует полииерархическая структура.

Впрочем, борьбой за демократию часто называют просто бунт низов, реванш сильных, которые в силу резкой обособленности высших и средних иерархических слоев оказались в весьма удручающем положении, в частности от того, что высшие слои иерархий узурпировали власть и систематически нарушают принцип равноценности волевого обмена. Известно, что бунт низов, и особенно их победа, с последующим успехом новых узурпаторов, составляют национальную трагедию. Нельзя, однако, не признать естественного права людей, которые, вследствие узурпации коллективной воли, составляют отверженные низы иерархий, искать путей перестройки иерархической структуры общества, несмотря на то, что при этом, конечно, нарушаются нормы позитивного права.*

* Впрочем, восстание возможно и в соответствии с позитивным правом: Конституция Сальвадора 1950 года (ст. 5)

Иерархическая перестройка в результате бунта низов приводит к власти обычно те слои иерархии, которые ранее не принадлежали к высшим, и власть начинает действовать методами, свойственными иерархически слабым, включая ложь, причем ложь применяется тем активнее, чем больше расчета на действие презумпции честности сильной воли. Для такой власти характерна неадаптированность автоматизма иерархического роста, что диагностируется в поведении правителей по самовосхвалению, иногда столь примитивному, что публика адаптируется к нему прежде, чем те, кто таким образом славят себя.

Бунт низов с последующей узурпацией коллективной воли — не единственный результат борьбы под демократическими знаменами в обществах, близких к первичной волевой иерархии. Такая борьба может происходить под контролем высших или средних слоев и не вылиться в реванш сильных. Но если в обществе не развита полииерархическая структура или, по крайней мере, стремление к ней, то обычно не удается установить демократическое правление в том смысле, как оно понимается в странах с развитой полииерархической структурой. Внешне установленный порядок может характеризоваться многими чертами демократии, но функционирует он как диктатура тех, кто формально или фактически избран народом. Существенными признаками такой псевдодемократии являются коррупция разных видов, попытки правовой стабилизации иерархий и отсутствие подлинного соблюдения прав человека.

Коррупция может быть весьма разнообразной, но важной чертой любой коррупции является смешение иерархических ценностей, характерное для попыток установить в обществе единую иерархию. Вот что я имею в виду. Пусть в обществе есть три наиболее чтимых иерархических признака: политическая власть, т.е. объем волевого суррогата; богатство, т.е. объем материального суррогата; и знание, т.е. объем информационного суррогата. Выбор этого примера типичен, но произволен в том смысле, что не влияет на

прокламирует обязанность народа восстать в случае узурпации — отмечаю это, как пример редкой смелости законодателя.

дальнейшие рассуждения. Эти три иерархии могут успешно сосуществовать в обществе, и их невмешательство в дела друг друга (во внутреннее иерархическое соперничество) будет свидетельствовать о заметной степени полииерархичности общества, даже если не достигнута свобода людей создавать новые иерархии по своему разумению. Однако в некоторых обществах политическая иерархия может пожелать быть главной, т.е. пожелать победы в межиерархической борьбе. Если в обществе сильны традиции единой иерархии, этого будет не трудно достичь при определенных условиях и тогда богатство и знание (т.е. ученость, политическая информация, воспитание детей и т.д.) в обществе окажутся под контролем политической власти, создавшей таким образом подобие единственной иерархии. Можно сказать, что система политически коррумпирована.

В другом случае иерархия богатых окажется успешна в межиерархическом соперничестве, поставив под свой контроль политическую власть (и информацию, если это понадобится) и также создав подобие единой иерархии. Мы назовем такую систему коррумпированной материальными ценностями. Можно продолжить примеры, но это — два наиболее распространенных на практике вида коррупции, т.е. смещения ценностей, значимых в разных иерархиях, с попыткой вернуться к единой иерархии. Таких псевдodemократических режимов известно немало, и их общая характеристика уже ясна, несмотря на возможные отличия в деталях.

Для собственно демократии скрупулезное разделение ценностей политической иерархии от ценностей иных основных иерархий оказывается решающим, хотя можно наблюдать попытки отдельных людей или групп коррумпировать систему. Таким образом, главная идея современной демократической системы — это отделение политической иерархии, помещение ее в условия, когда она не может или, по крайней мере, не должна участвовать предвзято во внутренней борьбе в иных иерархиях и должна быть независимой от оных.

Иными словами, идея эта состоит в том, что выразители коллективной воли должны стоять в стороне от иерархической борьбы в обществе. Однако это — недостижимый идеал, ибо выразители коллективной воли — тоже люди,

притом активные и склонные к соперничеству. Находка обществ, достигших демократии, в том, что удалось прийти к компромиссу. Выразителям коллективной воли позволено соперничать и наслаждаться успехом, но только в отдельной иерархии, без смешения ценностей разных иерархий. (При этом бывает разрешено соперничать одновременно в разных иерархиях, однако, если политический деятель пользуется этой возможностью, он часто открывает себя для критики и подозрений относительно конфликта интересов.) Дополнительно к отдельности политической иерархии принят принцип разделения самой иерархии выразителей коллективной воли. Обычно это — разделение законодательной, исполнительной и судебной власти, но в принципе возможны и осуществляются иные виды разделения и не исключено, что этот подход будет развиваться.

Разумеется, этим успешным компромиссом между идеалом и реальностью не исчерпываются достижения устройств демократии. Нужны были гарантии того, что те, кому доверено выражать коллективную волю, действительно будут это делать. Как раз на комплекс этих гарантий обычно обращают внимание, когда обсуждают демократию, скажем на то, как выбирать представителей, как их контролировать, смещать и т.п. Много в этом комплексе работает весьма успешно, но не следует канонизировать ни один из элементов этого комплекса. Тут возможно непредсказуемое многообразие форм конкретного устройства политической структуры, коль скоро обеспечен основной принцип отдельности политической иерархии от прочих и коль скоро в обществе существует полииерархическая структура.

Мифы о прогрессе

Хотя коррелятивность поведения людей во многих обществах еще весьма велика, нельзя не признать, что успехи в индивидуализации личности со времен единой праиерархии достаточно значительны. Если попытаться понять, что обычно вкладывают в понятие прогресса человечества, то придется счесть индивидуализацию личности составной частью прогресса. Помимо этого под прогрессом, по-видимому, по-

нимают накопление в человеческих обществах материального и информационного суррогата, а также удешевление суррогатов (грубо говоря, уменьшение затрат воли на изготовление суррогата, обеспечивающего определенную экономию воли). Изучение процессов накопления и удешевления обращает на себя обычно основное внимание в попытках предсказать дальнейшие пути прогресса. Даже при таком понимании (т.е. при забвении процесса индивидуализации личности) прогресс после любви к Богу и к кесарю служит своего рода фетишем в проповеди человеческих целей. Идея прогресса человечества подсказывает ответ даже в индивидуальном вопросе человека "зачем жить?". Незаметно, чтоб многие люди обладали смелостью понимать, что жить в классическом смысле просто незачем, т.е. нет извне продиктованной цели, которой человек должен подчиниться. Что до человечества, то, как видим, есть тенденция направления его развития, однако не всем понятно, что направление развития не является целью, а является свойством общества. Тем более оно не является целью, диктуемой природой человеку. Очевидность этого не мешает духовным вождям обществ выдвигать участие в прогрессе как этический императив, а узурпаторам использовать ссылки на свое понимание прогресса как цели для оправдания узурпации, нарушения принципа равноценности волевого обмена и ограничения прав людей.

В известной мере идея стремления к прогрессу спасает нерелигиозную часть человечества от почему-то удручающего людей отсутствия этических императивов в выборе (или ощущении) целей. Похоже на то, что подобные этические императивы людям нужны и что стремление иметь глобальную цель есть выражение критерия целесообразности, регулирующего проявление воли. Помимо прочего, заметно и удовлетворение иерархических стремлений человека от веры в то, что дела его содействуют прогрессу, равно как если они угодны Богу. Нужда сознавать глобальную цель, должно быть, является одним из биологических мотивов поведения. Быть может, этот мотив когда-либо станет вполне реликтовым, но пока он есть, возможность его использования земной властью для диктата — реальна. Утешительно за людей, впрочем, то, что многие ближе воспринимают личные цели, связанные с карьерой, семьей или просто с волевой разрядкой. Но диктат

целей влияет на иерархические оценки и во многих обществах влечет несвободу, особенно в выборе иерархий.

Накопление суррогатов в процессе развития общества само по себе содействует росту индивидуальной свободы как накопление числа воле, покоренных человеком, ибо каждый человек хоть немного приобщается к накопленному; сказанное предполагает значимость принципа волевого детерминизма в мотивации поведения современного человека — все, что требует затрат воли, воспринимается человеком (на основе реликтовых оценочных реакций) как покоряемая или вступившая в соперничество воля. Внимание, которое уделяется людьми накоплению и удешевлению суррогатов как основы прогресса, обуславливает конструирование новых запретов в соответствии с тем, какое поведение якобы содействует прогрессу. В некоторых обществах полагают, например, что трата людской энергии на соперничество является непроизводительной и что во имя прогресса следует жить в согласии, повинувшись доводам разума в выборе тактики скорейшего достижения отдельных успехов. И с тактической точки зрения это мнение сомнительно, но важно, что в результате таких запретов растет неудовлетворенность в соперничестве. Такие добавочные, ради прогресса, этические ограничения были приняты в некоторых социальных системах с государственным монополизмом в экономике (скажем, в СССР), и обычно сопутствовали ограничению свободы предпринимательства с вытекающей из этой свободы конкуренцией.

Живучи надежды людей, что соперничество как, казалось бы, экономически невыгодная форма стремления к прогрессу, отомрет в светлом и разумном будущем. Полагаю, что соперничество в будущем окажется по-прежнему сильным в человеке, но, возможно, будут усовершенствованы способы его замещения другими автоматизмами, не запретными для интенсивной волевой разрядки. То, что люди в наиболее экономически развитых странах стремятся к интенсификации волевой разрядки, видно по развитию популярной культуры этих стран, в том числе по росту сексуальной свободы; есть надежда, что это поможет ликвидации неудовлетворенности от ограничения соперничества.

Основанием для ограничения соперничества является и то, что не для всех оно успешно. Те неудобства, которые

сопутствуют неуспешному соперничеству отдельных людей, важны, но будем помнить, что избавление одних от неуспеха в соперничестве означает для других избавление от успеха.

Преодоление несвобод

Людям, вообще говоря, очень трудно жить. Большинство их тратит много сил на регулярное удовлетворение первейших автоматизмов, но это уже в силу адаптации не приносит радости. А на многие стремления не хватает воли, или суррогатов, или разнообразия раздражителей, спасающих от адаптации; многие стремления не могут быть удовлетворены из-за внешних запретов или из-за избранной человеком этической позиции. Накапливается гнетущая неудовлетворенность, и хорошо еще, если человеку ведомо, что осталось неудовлетворенным: часто механизм вытеснения желаний столь эффективен, что представления о собственном характере существенно искажены. И при всем этом, стоит лишь задуматься о своем месте в жизни, как становится ясно, что "я" участвует в вынужденной суете, побуждаемое извне или изнутри мотивами поведения, многие из которых не во власти сознательной воли.

И как влечение к счастью, к увеличению эффективности локальных радостей и общей волевой разрядки, у человека появляется стремление сбросить путы автоматичности поведения и зависимости от внешних запретов. Но и здесь уготовано лишь иллюзорное удовлетворение, обусловленное парадоксом: влечение к счастью порождает стремление к свободе, но достижение избранных видов свободы не сулит счастья. Ибо даже достигая свободы в простейшем — в устранении детерминированности поведения по схеме "раздражитель — автоматизм", т.е. подавляя автоматизм сознательной волей, человек оставляет себя в состоянии неудовлетворенности, теряет локальную радость. Подавление автоматизмов, этого милого дьявола в душе человеческой, дает разве что самоутверждение, иерархический рост в своих глазах, но не дает счастья, а при отсутствии счастья любая свобода воспринимается как иллюзорная, как состояние, лишь формально соответствующее представлению о свободе.

Было много людей, выбравших освобождение целью своей жизни или учения. Например, завидны достижения йогов в подавлении автоматизмов сознательной волей, но их понимание свободы не общезначимо. Подавление "животных" проявлений человека во имя развития "возвышенных", достижение свободы духа — предмет исследований многих религиозных и философских систем. Идеи возвышенного освобождения в своей крайней форме находили не слишком много приверженцев, а тем более практических последователей, ибо плата за такое освобождение была слишком велика — все, к чему человек побуждается природными волевыми стимулами, все, к чему он привязан, т.е. все удовольствия и всю волю нужно было принести в жертву, в конечном счете, иерархической идее: не у многих людей автоматизм иерархического роста столь сильно мажорирует все прочее.

Идея свободы часто связана в сознании людей с идеей искупления или с готовностью к возмездию. Эта связь страдания и свободы прослеживается на простейшем примере освобождения от однозначной причинности при реакции на возбуждение: подавление возбужденного автоматизма сознательной волей означает свободу в выборе реакции, но доставляет страдание, ибо автоматизм не удовлетворен. Детерминированность поведения воспринимается как обреченность, преодолимая лишь искуплением. Свобода и искупающее страдание принадлежит к наиболее возвышенным человеческим идеалам, и образ Христа, несущего крест, вдохновлял многих. В этом образе слиты свобода и страдание, ибо в отличие от вынужденных мук на кресте, путь на Голгофу символизирует согласие страдать — т.е. высшую недетерминированность поведения, высшую свободу, в отличие от свободы поиска путей избавления от страдания, что само по себе детерминировано.

Я говорю о возмездии и искуплении в связи со свободой, различая два (иногда трудно делимых) типа достижения свободы в зависимости от того, нарушается ли в акте освобождения принцип равноценности волевого обмена с выгодой для освобождающегося. В случае освобождения за счет нарушения равноценности ожидание возмездия — это тривиальная, следующая из опыта реакция. Для тех же, кто ищет

освобождения без нарушения принципа равноценности обмена, т.е. хочет свободы не за счет свободы или интересов других, идея искупления есть следствие иллюзорной реконструкции принципа равноценности, приводящая к гипотезам о преодолеваемой несвободе как о возмездии за что-то в прошлом (ибо иначе за что плата страданием?) — в отношениях с высшими силами, с судьбой принцип равноценности предполагается ненарушимым; это и есть вера в божественную справедливость.

Ища свободы, человек замечает, что он находится в заколдованном круге, где достижение свободы означает страдание, а преодоление страдания означает утрату свободы, ибо оно биологически детерминировано. Волей-неволей приходится говорить лишь об ограниченной свободе, но и при согласии на ограничения поиски путей оптимизации освобождения — нетривиальны, ибо программа освобождения может означать новое порабощение, как это можно наблюдать во многих этических религиях и философиях.

В рассуждениях о сознательной воле я уже отмечал, что программа максимального подавления автоматизмов означает не свободу, а лишь иной характер несвободы, т.е. традиционное подавление многих автоматизмов во имя одного, во имя иерархического роста. Возможны промежуточные степени подавления, но при оценке достигаемой свободы следует помнить, что увеличение числа детерминирующих поведение факторов, вообще говоря, не устраняет детерминизма, а лишь усложняет комплекс причинных связей, что позволяет говорить лишь об относительной, иллюзорной свободе — иного, однако, нельзя и ожидать.

Чтобы программа подавления автоматизмов сознательной волей не означала нового порабощения, важно научиться отключать вмешательство сознательной воли, т.е. уметь не только подавлять, но и не подавлять автоматизмы.

Сказанное не составляет парадокса: в нынешнем цивилизованном состоянии человек во многом контролируем сознательной волей, и способность дать волю автоматическому поведению не только повышает эффективность локальной радости, но и означает большую свободу поведения. Правда, способность контроля не такова у среднего человека, чтобы он мог подавить многие автоматизмы, поэтому в программу

освобождения не может не входить также и тренировка способности подавления автоматизмов. Та степень способности к подавлению автоматизмов, которая требуется иерархиями при воспитании, как правило, далека от того, что можно считать значимым в стремлении к свободе. К тому же, обычно общество требует тренировки подавления отдельных автоматизмов, а не воспитания способности подавления автоматизмов вообще. Я ничего не говорю о методах тренировки: они легко конструируются и во многом известны.

Труднее научиться отключать сознательную волю, когда она (помогая или контролируя) привычно вмешивается в процесс удовлетворения автоматизма, но именно способность такого отключения и дает свободу выбора между иллюзорной свободой и несвободой.

Важным источником детерминированности поведения является участие человека в иерархическом соперничестве, забота об иерархическом повышении и связанные с этим биологические регуляторы поведения: честолюбие, ранимость, застенчивость, стыд, реакции на сильную волю, постоянно возбужденный автоматизм оценки и многое другое; извне источником несвободы являются этические требования в иерархиях, трудность выбора произвольной иерархии (ибо общество часто диктует этот выбор и ограничивает информацию о его возможностях), реальный волевой ущерб, испытываемый в случаях неуспеха в иерархии. Содействуют несвободе и внутренние побуждения: собственно стремление иерархического роста, неприятные ощущения при неуспехе, подчас даже непоборимая сознательными увещаниями неспособность совершить действие, противоречащее цели возвышения в иерархии (таков, скажем, отказ от продажности в коррумпированном обществе).

Стремясь к свободе от иерархических пут, человеку приходится убедить себя в том, что свобода, к которой он стремится, есть иерархически более высокое состояние, чем зависимость от предлагаемых запретов, убедить себя в том, что страдания и неудовлетворенность окупятся свободой. Но как правило, это просто не так, и многие знают, что реальное ощущение свободы достигается эффективнее посредством иерархического роста. Ведь под свободой понимают многое, включая возможность удовлетворения автоматизмов, и высо-

кое иерархическое положение воспринимается как дающее большую свободу. Ясно, что в известной мере это так, но высокое положение связано с большими заботами о его сохранении, что уже составляет известную несвободу; а главное в том, что достижение этого положения связано с известной тренировкой потребности в соперничестве, и вследствие этого иерархический успех означает приобретение новой несвободы, именно — усиления этой потребности, которую и насыщают, а мечта о свободе становится грустным воспоминанием об ушедшей юности.

Тем не менее наблюдается известная корреляция способности человека поставить перед собой цель освобождения с достигнутым иерархическим положением. (В ряде случаев, впрочем, корреляция иная: стремление к свободе от иерархии может порождаться неуспехом.) Возможно, корреляция связана и с тем, что, отказываясь от иерархической борьбы, человек все же сохраняет при этом некоторое не последнее место в обществе, и отказ от соперничества не чреват для него теми страданиями, которые он испытал бы, становясь принадлежащим к самым низким слоям иерархии. (Что, впрочем, часто и происходит — скажем, в случае обретения свободы посредством систематического потребления психотропных средств с патологическими результатами.)

Итак, стремление к личной свободе связано с известной степенью безразличия к иерархическому положению, с готовностью испытывать лишения, с этим связанные, с некоторой способностью исключать из своего поведения то, к чему побуждается человек биологическими регуляторами. И такой выбор делается людьми в меру активности стремления к свободе и в меру успеха в диагностике иерархически обусловленных мотивов поведения. Выбор этот делается и в отдельных актах освобождения в отношении определенного вида проявлений, но важная трудность состоит в том, что диагностика иерархических мотивов поведения нетривиальна. По моим наблюдениям, многие люди активны в иерархической борьбе без осознания этого. Воспитание в себе безразличия к иерархическим регуляторам поведения не требует, вообще говоря, полного разрыва с иерархиями и демонстрации внеиерархичности, хотя удаление в пустыню вряд ли является ныне устаревшим приемом освобождения. При нежелании

уходить от общества и бежать иерархических соблазнов, можно продолжать обычную жизнь, участвовать в обычных человеческих, в том числе иерархических, проявлениях, т.е. не конструировать себе запретов на участие в иерархии, но сознавать себя тем не менее вне иерархии. (Я наблюдал, что человеку это просто, пока он один такой: среди лиц, считающих себя вне иерархии, возникает иерархия вышедших из иерархии. Важен не акт выхода, а хотя бы частичное преодоление иерархических регуляторов поведения, действующих в человеке.)

Тренировки и познания ради бывает интересно осваивать язык воли различных иерархий, не отвергая какого-то участия в разнообразных иерархиях. Изучение оценочных критериев, которыми пользуются люди в различных иерархиях и разных слоях, содействует воспитанию ироничности в оценках вообще и терпимости, а терпимость к людским проявлениям — это главный признак иерархической свободы.

Подчеркну еще раз, что убедить себя в результативности подавления отдельных иерархических проявлений часто несложно — труднее находить их, ибо поведение человека пронизано проявлениями, диктуемыми именно иерархическими регуляторами, причем, без специального анализа сознание об этом и не ведает.

Отмечу еще несвободу в выборе раздражителей и ту, что обусловлена ограничениями информации о свободе — это лишь напоминание о том, что освобождение требует известной активности познания.

Я не пытался рекомендовать какой-то новый путь достижения свободы, это скорее впечатления о тех разнообразных путях, которые предлагались и применялись многими. Меня, правда, привлекало при изложении лишь то, что предполагает *свободу в освобождении*, ибо я уже говорил, что многие учения дают программы достижения личной свободы, равносильные новому порабощению (в моих терминах: вместо внеиерархичности проповедают успех в новых иерархиях; согласен, это тоже степень свободы). Меня также привлекает в различных учениях о свободе то, что не препятствует осознанию иллюзорности любой степени достижимой свободы.

Усть-Урт, 1970 — Бенсон, Вермонт, 1989

CHALIDZE PUBLICATIONS
KRONIKA PRESS
BENSON VERMONT 05731

ВЫХОДЯТ В 1989–90 гг.

<i>Николаевский Б.</i> Русские масоны и революция ВЧК–ГПУ. Сб. документов из архива института Гувера	\$15 \$20
<i>Дукельский С.</i> ЧК на Украине	\$20
<i>Мартов Ю.</i> Письма, 1916–1922 гг.	\$25
<i>Валентинов Н.</i> Наследники Ленина. Борьба за власть	\$25
Меньшевики после революции. Статьи и мемуары	\$25
Меньшевики при советской власти. Документы	\$30
<i>Войтинский В.</i> 1917 – год побед и поражений	\$25
<i>Гарви П.</i> Профсоюзы и кооперация после революции	\$20
<i>Волин С.</i> Меньшевики на Украине (1917–21)	\$15

СПИСОК КНИГ В ПРОДАЖЕ

Документы коммунистической оппозиции (1923–1927). Архив Троцкого. 4 тома. За собрание	\$100
<i>Каценелинбойген Арон.</i> Советская политика и экономика. 3 тома. За собрание	\$45
Собрание словарей русского воровского языка 4 тома. За собрание	\$100
СССР: Внутренние противоречия. 1981–1988 Ред. В. Чалидзе. 22 выпуска. За выпуск	\$15
<hr/>	
<i>Айхенвальд Ю.</i> Дон Кихот на русской почве, 2 тома	30
<i>Аксенов-Меерсон,</i> свящ. Православие и свобода	15
<i>Алексеева Л.</i> История инакомыслия	18
<i>Андреев Леонид.</i> Политические статьи	10
<i>Авалов З.</i> Независимость Грузии в международной политике	15
<i>Бахтин-Волошинов.</i> Фрейдизм	15
<i>Берг Р.</i> Суховой. Воспоминания генетика	15
<i>Бирман И.</i> Строить заново. (О перестройке)	15
<i>Булгаков С.</i> Философия хозяйства	15
Владимирская тюрьма, сборник документов	4.50
<i>Вышеславцев Б.</i> Кризис индустриальной культуры	15
<i>Гнедин Е.</i> Выход из лабиринта	8
Грузинские блюда	6

<i>Григоренко П.</i> Сборник статей	8
Документы Института соц. права. Сборник приговоров по политическим обвинениям	15
<i>Дюма А.</i> Ожерелье королевы	7
Документы Комитета прав человека, 1972	5
<i>Евреинов Н.</i> История телесных наказаний в России	15
Законодательство о религии	15
<i>Зимин.</i> Социализм и неосталинизм	9
<i>Иоффе М.</i> Одна ночь (лагерные восп.)	7
Как мы пишем. Андрей Белый, М. Горький и др.	15
<i>Каминская Д.</i> Записки адвоката	15
<i>Керенский А.</i> Дело Корнилова	15
<i>Кестлер А.</i> Слепящая тьма	15
<i>Кичанова-Лифшиц И.</i> Прости меня за то, что я живу	10
<i>Киркегор С.</i> Страх и трепет	6
<i>Кольман Э.</i> Мы не должны были так жить	18
Конституция США	5
<i>Копелев Л.</i> На крутых поворотах короткой дороги (повесть)	7
<i>Копелев Л.</i> О правде и терпимости	7
Короленко в годы революции. Его дневники, сост. Негретов	15
<i>Крепс М.</i> Техника комического у Зощенко	15
<i>Кушников П.</i> Армейский дневник 1917 года	10
<i>Липкин С.</i> Декада	15
<i>Максудов С.</i> Потери населения в СССР	15
<i>Медведев Р.</i> Хрущев	15
<i>Медведев Р.</i> Они окружали Сталина	15
<i>Милюков П.</i> Воспоминания государственного деятеля	15
<i>Милль Дж. Ст.</i> О свободе	15
<i>Милль Дж. Ст.</i> О представительном правлении	15
Меньшевики. Мемуары Сапира, Денике, Николаевского и др.	25
<i>Негретов П.</i> Все дороги ведут в Воркуту	15
<i>Ницше Ф.</i> Так говорил Заратустра	15
<i>Новиков Н.</i> Эрнст Неизвестный Искусство и реальность	10
<i>Орлова Р.</i> Последний год жизни Герцена	6
Ответственность поколения. Ростропович, Некрасов и др.	10
Панорама гуманитарных знаний. Ред. Е. Эткинд	15
Панорама современных идей. Ред. Е. Эткинд	15
<i>Пайпс Р.</i> Выжить недостаточно	15
<i>Подрабинек А.</i> Карательная медицина	7
<i>Рассел Б.</i> История западной философии	18
<i>Сахаров А.</i> Тревога и надежда	8
О Сахарове. Юбилейный сборник	12

<i>Савинков Б.</i> Воспоминания террориста	15
Самосознание. Шрагин, Литвинов, Пайпс и др.	8
Солженицын в Гарварде. Сб. статей	15
<i>Троцкий Л.</i> Сталин, в двух томах	30
<i>Трубецкой Е.</i> Энциклопедия права	15
<i>Турчин В.</i> Инерция страха	10
<i>Улановские.</i> История одной семьи	15
<i>Фрейд З.</i> Толкование сновидений	15
<i>Фридман М.</i> Капитализм и свобода	15
Хельсинкское движение. Сб. документов	7
Цыганско-русский словарь. Ред. Сергисвский	25
<i>Шагуновская Л.</i> Жизнь в Кремле	15
<i>Яхот И.</i> Подавление философии в СССР	15

КНИГИ В. ЧАЛИДЗЕ

ИЕРАРХИЧЕСКИЙ ЧЕЛОВЕК. Социобиологические заметки, 1989	\$10
ИФИГЕНИЯ. Теософическая повесть, 1989	\$5
О СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ КОНСТИТУЦИИ, 1989	\$3
НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРЕСТРОЙКА, 1988	\$15
ON THE LINGUISTIC BRAIN CODE (Eng. & Russ.), 1985	\$10
BRAIN CODE AND PALEOLINGUISTICS (Eng. & Russ.), 1986	\$10
БУДУЩЕЕ РОССИИ (Иерархический анализ), 1983	\$10
ПОБЕДИТЕЛЬ КОММУНИЗМА (О Сталине...), 1981	\$7
УГОЛОВНАЯ РОССИЯ. Очерки преступности, 1977	\$12
ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И СОВЕТСКИЙ СОЮЗ, 1974	\$12